

Пак Ын Хо

Ожившая тень

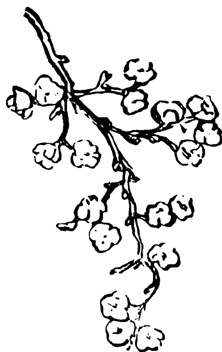
Д

Пак Ын Хо

Ожившая тень

повесть

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Москва 1971

И(Кор)
П13

Сокращенный перевод с корейского
Е. Катасоновой

Повесть «Ожившая тень» написана известным корейским писателем Пак Ын Хо; в Корее она вышла в 1964 году в издательстве «Детская литература».

Книга эта о жизни корейского народа, о корейской деревне. Вы, ребята, прочтете в ней о том, как появился в горной деревушке Сингван таинственный «нечистый дух», по следам которого шли несчастья, и узнаете, кем он потом оказался. А еще вы узнаете о том, как боролись крестьяне с опасным врагом, и о том, как помогали им в этой борьбе школьники. Прочтете о верной пионерской дружбе и о приключениях друзей-пионеров.

Напишите нам, понравилась ли вам эта книга. Наш адрес: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки А. Лурье

7—6—3

СТРАНА УТРЕННЕЙ СВЕЖЕСТИ

Я хочу рассказать вам, ребята, о стране, откуда пришла к нам эта книга. Вы, наверное, слыхали о Корее — одном из древнейших государств Восточной Азии? Корея... Так называют эту землю европейцы, а для корейцев она — Чосóн, Страна утренней свежести.

Это очень красивая страна. В ней много высоких гор с бурными речками и водопадами, плодородные равнины покрыты садами и виноградниками, в суровой тайге растут лиственница и кедр. С трех сторон Корею окружает безбрежное море, на севере — сухопутная граница с Советским Союзом и Китаем.

Зимой в Корее сухо и холодно, летом жарко и влажно. Проливные дожди идут два месяца: июль и август. Это дуют с океана ветры, которые называют муссонами. А потом наступает осень — лучшее время года. Греет теплое солнце, небо ясное и высокое. Крестьяне собирают на полях урожай.

Долгое время, с 1910 по 1945 годы, Корея была японской колонией. Правил страной японский генерал-губернатор, всем распоряжались японцы, даже занятия в школах вели на японском языке.

У крестьян не было своей земли. Вся земля принадлежала помещикам, и они сдавали ее в аренду. Хочешь пахать поле, сажать рис или чумизу — пойди поклонись помещику в ноги. Может, и даст он тебе немного земли. За это каждый год будешь отдавать ему часть урожая. И помни: в любую минуту помещик может прогнать тебя. Так что будь покорным и тихим. А еще можно пойти к тому же помещику в батраки или уйти в город на заработки. Но и в городе не легче: заводов и фабрик мало, а рабочих рук много. Так что хозяин всегда может выкинуть тебя на улицу и нанять другого, такого же бедняка, как ты.

Тяжело жилось корейскому народу. Но он не склонил головы перед угнетателями. В глубоком подполье, под огнем

жесточайших репрессий коммунисты создавали партизанские отряды и подпольные организации для борьбы с поработителями Родины. На помощь патриотам пришла в 1945 году Советская Армия. Разгромив империалистическую Японию, она вместе с корейскими партизанами освободила Страну утренней свежести от ига колонизаторов.

Однако тяжелые испытания, выпавшие на долю корейского народа, не прекратились с разгромом милитаристской Японии. На юге Кореи высадились осенью 1945 года американские войска. Тридцать восьмая параллель разрезала маленькую страну на две части — Северную и Южную. На Севере народ прогнал помещиков и капиталистов. Впервые в истории Кореи рабочие и крестьяне сами стали управлять государством. Здесь была создана Корейская Народно-Демократическая Республика.

На Юге события развивались совсем иначе. Оккупанты разогнали созданные после Освобождения Народные комитеты, тысячи патриотов были брошены в тюрьмы, к власти пришло продажное правительство Ли Сын Мана.

25 июня 1950 года по приказу своих американских хозяев южнокорейские войска вторглись на территорию КНДР. Однако расчет на молниеносную победу не оправдался. И тогда Соединенные Штаты Америки бросили против КНДР свой военно-морской флот, авиацию и сухопутные силы...

Развязанная американскими империалистами кровопролитная война длилась три года. Советский Союз, страны народной демократии не оставили братскую Корею в беде. Они помогали республике отстаивать свою независимость: посылали на корейский фронт самолеты, оружие, боеприпасы. «Руки прочь от Кореи!» — требовали демократические силы всего мира, и агрессорам пришлось отступить. В 1953 году между Севером и Югом было заключено перемирие.

С тех пор прошло почти двадцать лет. Полным ходом под руководством Трудовой партии Кореи идет в КНДР строительство социализма: строятся фабрики и заводы, детские сады и школы, развивается наука, расцветает культура. Легендарный крылатый конь Чёнлима́ стал символом новой стремительно растущей страны.

Елена Катасонова

Глава первая

СТРАННАЯ ТЕНЬ

1

Начало лета. С гор дует легкий ветерок, принося с собой прохладу и легкие, едва уловимые запахи полевых цветов. Узкие ложбины, закрытые горами от ветра, полны пряного запаха имбирного дерева.

Трое друзей — Мёнги́ль, Муни́ль и Кёнпха́ль, раскрасневшиеся, опьяневшие от аромата цветов, спускаются с горы по извилистой узкой тропке. За плечами у каждого вязанки травы.

Ребята подходят к крутому уступу и садятся под большим развесистым деревом передохнуть. Свежий ветерок приятно холодит их потные спины. Они всегда вместе—учатся в одном классе, живут по соседству, вместе готовят уроки, ухаживают в школьном уголке за кроликами. И дружат они с самого детства; спорят, строят планы на будущее...

На круглом, добродушном лице Мёнгиля улыбка. Он всегда улыбается, этот общий любимец третьего класса[1]. В нынешнем году его выбрали председателем совета отряда, хотя ничем особым Мёнгиль не выделяется. Голос у него негромкий, талантов никаких нет.

Почему же тогда вечно его окружают ребята? Может быть, потому, что он не отказывается от поручений, что у него добрый и ровный характер? Или потому, что он никогда не врет, справедлив и честен и всегда готов прийти на помощь другу?

Наверное...

Отца у Мёнгиля нет. Во время войны[2] он командовал партизанским отрядом, попал в плен к врагам, и они замучили его. Партизаны выкрали его тело и тайно похоронили в горах.

Он похоронен здесь, неподалеку, на холме, и на могиле его растут полевые цветы. Мать Мёнгиля — председатель местного кооператива. Она часто приходит на заросший цветами холм и подолгу сидит у могилы мужа...

Рядом с Мёнгилем, задумчиво подперев подбородок рукой, устроился поудобнее Муниль. Он совсем не похож на товарища — высокий, стройный, с худым веснушчатым продолговатым лицом, серьезный и обстоятельный. Муниль домосед. Он любит помогать матери по хозяйству, в шумные компании его

---

[1] В Корее несколько ступеней средней школы. Третий класс второй ступени равен нашему шестому классу. В нем учатся ребята 12—13 лет. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

[2] Речь идет об агрессии США и войне между Северной и Южной Кореей, начавшейся в 1950 году. В 1953 году было заключено перемирие, но в Южной Корее до сих пор находятся американские войска.

не затащишь, постоять за себя он не умеет. Он кажется старше своих тринадцати лет, может быть, оттого, что многое успел пережить?

Когда началась война, ушел на фронт отец Муниля. Потом заболела его старая бабушка, живущая в горной глухой деревушке. Старушка хотела видеть внука, и Муниль вместе с приехавшим за ним дядей отправился ее навестить.

Бабушка умерла на второй день после приезда Муниля. А еще через день в ее старенький домик попала бомба. Из всей большой семьи спасся только Муниль: он в это время ходил за водой к колодцу.

Когда Муниль возвратился в родную деревню, когда, запыхавшись, прибежал на свою улицу, он так и замер в испуге и изумлении: их дома не было. Вместо него зияла огромная воронка от бомбы — одной из последних, сброшенных на многострадальную землю, потому что вскоре было заключено перемирие.

Муниль бросился к соседке, и тетушка Цой, вздыхая и охая, рассказала ему о страшном дне налета.

— А мама?..— еле слышно спросил Муниль.

— Маму с сестрой и дедом увезли куда-то...— всхлипнула тетушка.— Их ведь всех ранило...— Она взглянула на Муниля и быстро прибавила: — А ты живи пока у меня... Пока они не вернутся...

И Муниль остался у тетушки Цой. Он по-прежнему ходил в школу, помогал тетушке по хозяйству и терпеливо ждал конца войны. Семья собралась вместе только после перемирия. Да, Муниль пережил многое...

А другом он был настоящим — в этом ребята убедились давно.

Ну, а что можно сказать о третьем товарище, о Кёнпхале? Кёнпхаль — парень веселый! Вечно он кого-то поддразнивает, над кем-то смеется и шутит. И забияка Кёнпхаль порядочный: сколько раз приходилось друзьям защищать его, ввязываться из-за него в драку! Впрочем, он весь в отца. Отец у него из-

вестный в деревне весельчак и задира. Что бы ни случилось, никогда не вешает нос, знай посмеивается да напевает.

Вот мать — та другая. Характер у нее крутой, строгий. И отец, и сын даже ее побаиваются. Ну да она отходчива! Поворчит-поворчит и перестанет.

Ребята сидят на самом краю каменного уступа, болтая ногами. Под ними широкая долина и их родная деревня Сингван. Сверкает на солнце река. Отроги гор словно покрыты снегом: наступила пора цветения яблонь.

До чего же прекрасна родная земля! Здесь они родились, выросли, бегали по этим полям, лазали на холмы и горы, вечерами задумчиво глядели в далекое звездное небо.

Что за мир там, на севере, за горами? Покинуть бы деревню и уехать далеко-далеко...

Они мечтали об этом еще совсем недавно. Но с некоторых пор их мечты изменились. Всё чаще думали они теперь не о далеких неведомых странах, а о своей родной деревушке, родной земле. Любовь к ней остановила бег горячего скакуна — фантазии. Не просто прекрасные горы и реки, нет, родина — земля, за которую проливали кровь их отцы и матери,— вот что теперь волновало ребят.

Жизнь всегда текла в деревне медленно, неторопливо, все казалось давно устоявшимся, неизменным. И вдруг она стремительно рванулась вперед: в Сингване организовали кооператив.

Из темных, сырых, оставшихся после войны землянок, бомбоубежищ и блиндажей люди стали перебираться в новые светлые дома; на реке Санчхо́н построили водонапорную башню, и чистая голубая вода пошла на рисовые поля; на склонах гор разбили огромный фруктовый сад.

И все это делали их земляки, которых они знали с тех самых пор, как помнили самих себя,—люди, раз и навсегда, казалось бы, погруженные в мелочные свои заботы.

Мог ли Мёнгиль когда-нибудь представить, что его мать будет возглавлять такое хозяйство? А Кёнпхаль? Это благодаря стараниям его отца в деревне построили мельницу. Раньше об этом и думать не смели...

Каждый день приносил ребятам что-то новое, интересное. Вот и сегодня в деревне большой праздник: наконец-то построили новый коровник, о нем давно уже мечтали крестьяне.

Сегодня старики поведут туда своих коров, и дед Муниля — старик Токпо́ будет за ними ухаживать. По этому случаю в школе даже занятия отменили — кому не хочется взглянуть на торжественную церемонию!

— Пошли нарежем свежей травы, угостим коров на новоселье! — заорал вчера на весь школьный двор Кёнпхаль, и приятели с восторгом подхватили его идею.

Они всегда любили это занятие: забраться высоко в горы, нарезать пучки душистой травы, а потом не спеша спускаться в деревню с полным чиге[1] за плечами. Только раньше они старались для себя, а теперь — для всех. И было в этом что-то волнующее, непривычное.

В школе, на переменах, ребята из Сингвана без конца рассказывали о предстоящем празднике мальчишкам и девчонкам из соседних деревень. Те тоже не оставались в долгу. Новостей хватало у всех: в одной деревне рыли оросительный канал, в другой провели водопровод и уже пустили воду, в третьей открыли детский сад, в четвертой — медпункт.

Говорили обычно все вместе, перебивая друг друга, и во всех рассказах с нарочитой небрежностью, но тайной гордостью звучали новые для ребят слова: «наш», «общий». Казалось, мальчишки и девчонки живут теперь одной дружной семьей, едят за одним столом, и заботы и интересы у них одинаковые. Они и к школе относились сейчас совсем иначе. Даже Муниль, не так давно мечтавший уйти из деревни и прославиться в

---

[1] Чиге́ — специальное приспособление для переноски тяжестей за спиной.

дальних краях, даже он без конца говорил теперь о кооперативе, о завтрашнем дне своей родной деревни.

Менялась не только жизнь. Менялись люди.

Ребята снова надели чиге и мелким пружинистым шагом стали спускаться с крутого склона.

Они подоспели вовремя. Длинный новый коровник плотным кольцом окружали крестьяне. Под ногами вертелась малышня, ребята постарше солидно стояли поодаль. На полу в коровнике лежало свежее сено, в углу в котле что-то булькало. Старухи посмеивались:

— Дожили... Коровы в домах спать будут!

— Ведут, ведут!..— закричал вдруг какой-то малыш.

Все зашумели, зашевелились. Старики вели коров. Коровы шли медленно, важно. Впереди шествовал вол Олл́ук — краса и гордость деревни. Эх, и завидовали когда-то крестьяне его хозяину! Еще бы: за один день мог вспахать Оллук огромное поле, на котором другой вол трудился бы дня четыре. Теперь вол стал общим.

По живому, веселому коридору коровы не спеша шли к коровнику. Со всех сторон их добродушно похлопывали по бокам, гладили по спине, совали коровам свежую, душистую траву. Мёнгиль, захватив пучок травы, протянул ее Оллуку. Кёнпхаль погладил вола по боку.

Наконец коровы, аппетитно хрустя травой, скрылись в дверях коровника. Дед Токпо засуетился: пора принимать хозяйство! Он словно помолодел в этот знаменательный день — с лица его не сходила радостная улыбка.

— Вы прямо юношей стали, дедушка,— улыбнулась мать Мёнгиля.

— А как же! — тут же откликнулся дед.— Подумать только: за целое стадо в ответе!

Он вытер рукавом потный лоб и снова принялся хлопотать вокруг своих питомцев.

— Дедушка, можно, мы будем ухаживать за Оллуком? — пробившись к дверям коровника, спросил Кёнпхаль.

Но дед только махнул рукой: некогда, мол, после поговорим...

За старика Токпо ответила мать Мёнгиля.

— Возьмите над Оллуком шефство, ребята,— сказала она.— Этот вол — наше богатство...

Мёнгиль уселся на корточки и, склонив голову набок, глядел на вола, забыв обо всем на свете. Мать, перехватив его восхищенный взгляд, улыбнулась: хозяин растет!

2

Хозяйствовать по-новому было нелегко.

Сингван — деревня большая: сто с лишним дворов, и большинство бедняцкие — такие как у Мёнгиля, Муниля и Кёнпхаля. Есть и середняки. Те не спешат пока вступать в кооператив, приглядываются, ждут, что будет дальше.

Бедняки, правда, вступили сразу, не раздумывая, только у большинства из них нет ни домов настоящих, ни скотины, ни даже мотыг и лопат — всё унесла война.

Трудятся они день и ночь — работы хватает. Однако много на первых порах и неполадок: не очень хорошо знают крестьяне, как приняться за новое для всех дело. Да и земли в кооперативе разные: у реки плодородные, ближе к горам сухие и каменистые.

Впрочем, хозяйство постепенно налаживается. Построили коровник, много новых добротных домов, посреди деревни забухал молот: стала работать кузница. Наконец-то будут в достатке серпы и мотыги!

Хватает дел и у школьников. После уроков целыми классами разыскивают они оставшееся от войны железо и таскают его в кузницу, бегают на станцию — подбирают упавший с проходящих поездов кокс.

Им нравится работать вместе! Кёнпхаль даже организовал в деревне бригаду: в выходные дни ребята ходят теперь по соседним деревням, рассказывают о том, что такое коллективизация, выступают перед крестьянами со стихами, поют песни и пляшут.

Выпускают пионеры и стенную газету: пишут в ней о школьных и кооперативных делах...

Последнее время в деревне вдруг стало как-то неспокойно. Из дома в дом, словно черные змеи, поползли зловещие нелепые слухи:

— Говорят, скоро наступит великий мор! Все, говорят, помрем с голоду!..

— Слыхали? Жить скоро будем в одном, общем, доме!

— Ай-я-яй, беда-то какая!..

И кумушки, покачивая головами, расходились по домам.

Откуда они шли, эти нелепые россказни? Кто сочинял их и кто разносил по всей деревне?

И если бы только россказни! Вслед за странными слухами начались непонятные какие-то истории. Как-то ночью в одном дворе ни с того ни с сего загорелся сарай. Через неделю засорился канал, по которому шла из водохранилища на рисовые поля вода.

А потом произошло вот что.

У самой околицы лежало непаханое поле — больше тысячи пхён[1]. Нужно было срочно вспахать его: пора сажать рис, а свободных рук мало. Еле-еле набрали бригаду.

Среди других вызвался пахать Ким Буги́ль — нездешний, из уезда Енчхо́н. Никто не знал толком, что за человек этот Ким. В деревне он появился вскоре после войны — много тогда бродило по городам и селам разного люда. Ну да разве

[1] Пхён — мера площади, равная примерно 30 м².

это уж так важно, кто он такой? Крестьянин — он крестьянин и есть: землю, видать, любит. Жаль только, что Бугиль связался с бездельником Пак Пхунса́мом. Тот кого хочешь с пути собьет.

Бугиль работал, как и все, быстро, с охотой. А потом на поле послали школьников — сажать рисовую рассаду.

Работа шла споро. Одни таскали нагруженные доверху нежными зелеными ростками чиге, другие втыкали в землю рассаду. У каждой идущей к центру поля канавки развевались по ветру разноцветные флажки. Ребята старались обогнать друг друга, хотя сажать рассаду было не так-то просто: приходилось следить за тем, чтобы ряды были ровными, расстояние между ямками одинаковое. Смеясь и весело перекликаясь, Мёнгиль, Муниль и Кёнпхаль (они, конечно, работали рядом) приблизились к центру поля.

Но что это? Земля становилась все тверже и тверже, сажать глубоко так, как положено, было уже невозможно. «В чем дело?» — недоумевали ребята.

— Братцы! — вспомнил вдруг Мёнгиль.— Ведь это же участок Кима!

— Да здесь совсем и не вспахано,— подхватил Муниль.

— Зачем же он тогда вызвался работать? — поднял брови Кёнпхаль.

Не успели разобраться с этим удивительным случаем, как через несколько дней Бугиля заметил возле водохранилища дед Токпо: Ким пытался разрушить плотину.

Бугиля арестовали. И уже потом жители деревни Сингван узнали, что он вовсе не был простым крестьянином, а был сыном помещика, бежавшего после Освобождения на Юг.

Во время реформы у Кима Бугиля отобрали землю. Он скрылся в горах, примкнул там к банде головорезов, и руки его обагрены кровью невинных людей.

Да, не только друзья окружали кооператоров...

3

— Ребята,— сказал как-то учитель Чансу́.— Завтра к нам в школу придет новый ученик. Зовут его Ким Чхонён. Он старше вас на два года, но учиться будет вместе с вами, потому что дважды оставался на второй год. Вы не должны смеяться над ним: это не его вина...

Учитель помолчал, глядя на притихших ребят, потом добавил:

— У Чхонёна погиб на фронте отец. Сам он вместе с матерью много раз переезжал с места на место. Потому и отстал в учебе...

На другой день по дороге в школу Мёнгиль вспомнил слова учителя. Он решил, что непременно подружится с новеньким. Уж он-то знал, каково жить без отца!..

Но подружиться с Чхонёном оказалось не так-то просто. Высокий, рослый парень был угрюмым и неразговорчивым. Когда Мёнгиль спросил: «Хочешь сидеть со мной рядом?» — Чхонён только кивнул и молча сел за парту, глядя куда-то вбок.

Так он просидел весь день, не перемолвившись ни с кем ни словечком. И Мёнгиль, искоса поглядывая на нового товарища, не решался тревожить его.

Прошел месяц с того весеннего дня, как Чхонён впервые переступил порог школы, а Мёнгиль все не мог понять, что за человек новый его однокашник.

На уроках Чхонён молча сидел рядом с ним и, похоже, совсем не слушал объяснений учителя, на вопросы преподавателей отвечал кратко и нехотя, часто пропускал занятия.

— Слушай, Чхонён,— сказал ему однажды Мёнгиль,— давай заниматься вместе. Я тебе помогу!

Чхонён как-то странно взглянул на него и молча отрицательно покачал головой. Мёнгиль хотел было сказать еще что-

то, но, поймав на себе настороженный взгляд Чхонёна, осекся. «Что с ним творится? — терялся в догадках Мёнгиль.— Почему он всегда такой мрачный? Может, поговорить об этом с классным руководителем?»

На другой день Чхонён не пришел в школу, и Мёнгиль решился. После уроков он подошел к учителю Чансу.

Ребята очень любили и уважали своего классного руководителя. Еще бы — ведь он прошел всю войну, сражался на знаменитой 351-й высоте! И как он понимал дела и заботы своих учеников, как умел выслушать каждого, дать дельный совет! Он никогда ни на кого не повышал голос, говорил мягко, но твердо. И свой предмет — физику — объяснял так, что класс сидел на его уроках затаив дыхание.

Учитель Чансу спокойно выслушал сбивчивую речь Мёнгиля, нахмурился.

— А почему ты говоришь о своем товарище таким унылым тоном? — спросил он вдруг.— Ты ведь председатель совета отряда и товарищ Чхонёна. Разве не так?

Мёнгиль молча кивнул.

— Почему же тогда ты так скоро решил отступиться?

— О чем с ним ни заговоришь, он только «да» да «нет», вот и все,— пробормотал Мёнгиль.— Я уж не знаю....

— Конечно,— согласился учитель,— Чхонён не похож на других ребят. Он скрытен, у него трудный характер. И он не схватывает на уроках все так легко и быстро, как ты, например. Но это не значит, что он должен остаться в классе один, понимаешь? Он в твоем отряде, Мёнгиль, он ваш товарищ. И вы должны сделать так, чтобы он стал среди вас своим. Это зависит только от вас — от вашей помощи, от доброго к нему отношения.

Учитель Чансу помолчал и тихо добавил:

— Ты подумал, Мёнгиль, о том, почему он такой? Война никого не пощадила...

Мёнгиль слушал учителя и все ниже опускал голову — ему было нестерпимо стыдно. Он сейчас же пойдет к Чхонёну. Сей-

час же! Узнает, почему его не было в школе, расскажет, что задано на завтра, поможет приготовить уроки. Он станет ему настоящим другом!

Мёнгиль вышел из школы и решительно зашагал к дому Чхонёна. Сгущались сумерки. На полях по-прежнему трудились крестьяне — пололи рис. Легкие волны пробегали по светло-зеленому полю.

Мёнгиль подошел к склону холма, на котором стоял дом Чхонёна, и вдруг услышал звонкий, переливчатый женский смех. Ему вторил мужской. На холм по дороге, ведущей из уездного города, поднимались двое: известный всей деревне пьяница и картежник Пак Пхунсам и мать Чхонёна, тетушка Хван. На круглом, лоснящемся, довольном лице Пака сияла улыбка. Видно было, что он не очень-то трезв: он шел чуть пошатываясь, глаза у него были красные, как у кролика.

Чуть ли не каждый день этот бездельник таскался в город, с утра до ночи дебоширил и пьянствовал, до рассвета резался в придорожных харчевнях в карты. И всегда он насмешливо улыбался, словно дразнил соседей: «Работайте, работайте, а я покуда в картишки сыграю!»

Рядом с ним, тоже улыбаясь, шла мать Чхонёна — еще не старая, миловидная женщина с белым, незагорелым лицом и такими же белыми, изнеженными руками: сразу видно, что не очень-то утруждает себя работой.

Правда, вначале, когда они с Чхонёном только приехали, она работала, пожалуй, не хуже других. Но не прошло и месяца, как ей все это надоело.

— Мне в город по делам надо,— все чаще и чаще слышала от нее мать Мёнгиля.

Она пыталась поговорить с нерадивой женщиной, пристыдить ее, да все без толку.

Пак и тетушка Хван прошли совсем близко; в широкой улыбке у женщины блеснул во рту золотой зуб. Мёнгиля они не заметили: очень уж были поглощены беседой.

Идти или нет? Мёнгилю не хотелось толковать с Чхонё-

ном в присутствии тетушки Хван и этого самого Пака. Он повернул было обратно, как вдруг увидел своего угрюмого однокашника. Согнувшись в три погибели, напряженно глядя себе под ноги, Чхонён с битком набитым дровами чиге медленно спускался с горы. Мёнгиль сразу понял, что парень устал. Еще бы: разве можно тащить в одном чиге столько дров!

— Чхонён!

Чхонён, вздрогнув, поднял голову и остановился как вкопанный. «Что ему надо?» — бросил он настороженный взгляд на Мёнгиля. А Мёнгиль словно не замечал этого взгляда.

— Ты, я вижу, ходил за дровами? — дружелюбно улыбнулся он.

Чхонён кивнул и молча двинулся дальше, но Мёнгиль преградил ему путь:

— Погоди, Чхонён. Два слова... Да ты поставь чиге на землю, тяжело ведь...

Чхонён немного помедлил, словно раздумывая, уйти ему или остаться, потом, крякнув от натуги, снял с плеч чиге, опустил наземь и выжидательно уставился на Мёнгиля.

— Сядем!

Мёнгиль уселся на зеленую пушистую траву. Чхонён сел чуть поодаль, подставив свежему ветру разгоряченное лицо.

— Ты почему в школе не был? — не зная с чего начать, спросил Мёнгиль.

— Так...— пожал плечами Чхонён.— Дел много... Дрова пришлось рубить...

— Послушай! — волнуясь, заторопился Мёнгиль.— Ты бы сказал, мы бы тебе помогли — пришли бы все вместе после школы и помогли...

Чхонён ничего не ответил. Он сосредоточенно выдергивал одну за другой тоненькие травинки и снова бросал их на землю с таким видом, будто занимался невесть каким важным делом.

— Ты в другой раз говори... Поможем...— вконец растерявшись, пробормотал Мёнгиль.

— Да отстаньте вы от меня! — вскочил вдруг Чхонён.— Какое вам всем до меня дело? И помощь ваша мне не нужна, ясно?..— Голос его дрогнул.— Брошу я школу — и всё...

— Да ты что?! — тоже вскочил Мёнгиль и схватил Чхонёна за руку.

— Отстань! Понял? — зло вырвал руку Чхонён.— У меня своя голова на плечах есть! Сам знаю, что делать.

Он, задыхаясь от ярости, торопливо надел перегруженное чиге и чуть не бегом побежал к своему дому.

Мёнгиль вспыхнул от незаслуженной обиды, хотел крикнуть ему вслед что-нибудь грубое, резкое, но сдержался и, вздохнув, медленно побрел домой.

4

На высоком холме за деревней возвышается новая мельница — гордость кооператива. Как бы ни спешил человек, какие бы дела ни призывали его, он хоть на минуту, а заглянет сюда. Еще бы: своя мельница — это не шутка! Прежде жители деревни Сингван ездили на мельницу за десять ли! [1] А теперь пожалуйста, к их услугам дядюшка Чан, отец Кёнпхаля, которого вся деревня зовет «Весельчак Чан» за его веселый характер.

Соседи Чаном гордятся — не в каждом селе есть свой механик. Механик... Прежде о такой профессии и не слыхали! Правда, он не то чтобы настоящий механик: раньше работал в кузнице, но в машинах разбирается здорово.

Чан давно уже ратовал за то, чтобы в Сингване была своя мельница, и мать Мёнгиля его в этом поддерживала.

— У нас должны быть свои машины и механизмы,— говорила она.— Должно быть хозяйство, оснащенное техникой. Без этого новую жизнь не построишь!

---

[1] Л и — мера длины, равная примерно 400 метрам.

Вначале, правда, многие сомневались.

— Жили без всяких там механизмов и теперь проживем,— ворчали на собраниях старики.

Но вот после долгих споров и всяческих толков на холме построили мельницу, и самые завзятые скептики прикусили языки. Со скрипом вертелись тяжелые жернова, очищала крупу крупорушка, весь белый от плавающей в воздухе мучной пыли, босой, веселый, гордый своим исключительным положением, колдовал у машин дядюшка Чан. И старики, покачивая от восхищения головами, молча смотрели на то, как быстро работает «механизм».

Мёнгиль, Муниль и Кёнпхаль бегали на мельницу чуть ли не каждый день. Издалека еще слышали они ровный немолчный гул мотора. «И как это дядюшка Чан управляется с такой махиной? — думал Мёнгиль, глядя на ловкие руки отца Кёнпхаля.— Где он всему научился?»

— Не знаю я, где он учился. Он и дома всегда что-то придумывает. То какую-то чудну́ю пепельницу соорудит, то звонок. А раз зажигалку сделал. Искры летели — думали, загоримся... Любит он технику,— словно подслушав, сказал Кёнпхаль.

Кёнпхаль и сам был в отца. Вся школа знала: если нужно сделать какое-то приспособление, обращайтесь к Кёнпхалю, уж он придумает! Не то чтобы Кёнпхаль здорово знал теорию — физику там или математику,— вовсе нет. Не очень-то нравилось ему заниматься расчетами, чертежами. Этим больше увлекался Муниль. Кёнпхаль же любил мастерить все своими руками.

Как-то вдвоем с Мунилем они соорудили автоматическую кормушку для кроликов, живущих в школе в живом уголке. За это в стенгазете их назвали «изобретателями», и ребята были очень довольны титулом.

«Как вы научились всем этим премудростям?» — спросил однажды Муниля толстяк Ким.

«Дядюшка Чан нас обучил!» — не без гордости ответил Муниль.

Да, верно, так оно и было. Друзья до седьмого пота работали вместе с отцом Кёнпхаля на мельнице. Муниль часами рассматривал чертежи, Кёнпхаль драил мотор и смазывал его маслом. И если случались какие неполадки — а мотор был старым и часто барахлил,— ребята рылись во всевозможных инструкциях, стараясь найти причину очередной поломки. Что же касается дядюшки Чана, то он не спешил им подсказать, хотя сам находил неисправности мгновенно.

«Ну-ка, герои, что тут случилось?» — как всегда улыбаясь, спрашивал он и терпеливо слушал их сбивчивые объяснения.

В конце концов ребята знали мотор чуть ли не лучше самого Чана. Понятно, что когда по физике стали проходить двигатели внутреннего сгорания, в их тетрадях красовались одни пятерки.

Итак, у деревни появилась теперь своя мельница. Но отцу Кёнпхаля этого оказалось мало. Ведь мотор, который он сам собрал, был очень старым: все части его были изношены.

— Надо купить новый, а то мельница станет! — твердил Чан в правлении.

Мать Мёнгиля и сама это знала. Вздыхая, слушала она доводы механика.

Все, что он говорит, правильно. Да вот только где деньги-то взять? Наконец собралось правление кооператива. Все долго считали, спорили, чуть не поругались, но в конце концов деньги на мотор нашли.

В тот знаменательный день, когда в деревню должны были привести долгожданный мотор, дядюшка Чан просто места себе не находил от волнения.

— Что ж его не везут?.. Эх, надо было самому ехать!..— сокрушался он и впервые прикрикнул на Кёнпхаля, когда тот пристал к нему с каким-то вопросом.

Наконец привезли отличный новый мотор, очень мощный. С таким можно очищать рис по тридцати камани[1] в день, обслуживать не только свою, но и соседние деревни.

Отец Кёнпхаля не мог на него налюбоваться — все ходил вокруг да около, вытирая стальные бока мотора масленой тряпкой, и улыбался.

Вот он, красавец, сердце мельницы! Теперь дело пойдет на лад! Ребята тоже вытирали мотор тряпками и от восхищения прищелкивали языками.

А на другой день дядюшка Чан устроил Кёнпхалю баню. Подумать только, в машинное масло попал песок, а мальчишка, никого не спросясь, смазал этим маслом новый мотор! Чан сразу уловил изменившийся звук мотора и резко остановил двигатель.

— Кто тебя просил?! — бросился он к Кёнпхалю.— Кто тебя просил, спрашивается? — Он вырвал масленку из грязных рук сына.— Ты что, решил загубить мотор? Почему не сказал, что хочешь закапать масло, а? Сколько тебя учить надо? А ну, марш отсюда!

Дядюшка Чан так сердился, что несколько дней и близко не подпускал ребят к мельнице. Наконец он смилостивился и однажды утром, уходя из дому, буркнул:

— Приходите после школы, если хотите...

Кёнпхаль еле досидел до конца уроков. Не успел прозвенеть звонок, как он вскочил с места:

— Бежим, Муниль! А Мёнгиль где?

Мёнгиль куда-то исчез. Вот наказание! Друзья, отчаявшись найти его, отправились на мельницу вдвоем.

Дядюшка Чан молча сунул им в руки тряпки.

— Осторожнее, а то прогонит еще раз — тогда конец! — шепнул Кёнпхаль приятелю.

Муниль молча кивнул, с опаской покосившись на дядюш-

---

[1] Камани — мера сыпучих тел — соломенный куль, куда входит примерно 50 кг зерна.

ку Чана. Ребята принялись за дело. Они так увлеклись, что не заметили, как к мельнице подошел Мёнгиль. Вид у него был невеселый.

— Здравствуйте, дядюшка,— поклонился он отцу Кёнпхаля, остановившись у входа.

— А... пришел! — отозвался дядюшка Чан.— Проходи...

— Куда ж ты пропал?—набросились на Мёнгиля друзья.— Мы тебя ждали-ждали...

Кёнпхаль вытер рукой нос. Под носом осталась черная масленая полоса.

— Да я так, Чхонёна искал,— нехотя оветил Мёнгиль.

— Ну и как, нашел? — безразлично поинтересовался Муниль и, накопив слюну, сплюнул сквозь стиснутые зубы: он плевал дальше всех в школе и очень этим гордился.

— Ага...— вздохнул Мёнгиль.

— А зачем он тебе понадобился? — поинтересовался Кёнпхаль.

— Пошли, расскажу.

— Да, пора домой,— подхватил Муниль.

— До свидания, дядюшка Чан!

— До свидания, до свидания,— махнул рукой отец Кёнпхаля.— Приходите завтра.

Стягивая с себя на ходу рубашки, друзья, не сговариваясь, зашагали к реке: вечер был такой душный! Мёнгиль рассказал о встрече с Чхонёном.

— Болван он! — коротко отозвался Кёнпхаль.

— Не надо так говорить,— тихо остановил приятеля Мёнгиль.— У него отец погиб...

Он замолчал.

Некоторое время ребята шли молча, подбрасывая ногой круглые, отшлифованные рекой камешки.

— Слушай...— вдруг остановился Кёнпхаль: похоже, до него только сейчас дошло сказанное приятелем.— Он что, в самом деле хочет бросать школу? Вот дурак!

— Ладно, не шуми,— остановил его Муниль.

— Да нет, он, наверное, сошел с ума! — еще больше распалился Кёнпхаль.

— Мало ли какие дела могут быть у человека,— снова вступился за Чхонёна Муниль.— Может, у него есть причины...

— Какие там еще причины! — взорвался Кёнпхаль.— Просто лентяй — и все тут! Недаром он сразу мне не понравился.

Они замолчали. Впереди в сумерках таинственно поблескивала река. Друзья мигом стянули с себя брюки и прямо с обрыва бултыхнулись в прохладную свежую воду.

5

Сегодня Мёнгиль пришел в школу пораньше: он был дежурным. В классе было прохладно и тихо, чуть слышно пахло сосной — дежурные каждое утро приносили вместо веников большие сосновые лапы, и сейчас они лежали в углу просторной комнаты. Новая светлая школа с белыми потолками и чистыми, сверкающими окнами казалась ребятам прекрасным дворцом. Ведь еще совсем недавно они учились в сырых землянках...

Мёнгиль настежь раскрыл окна, подмел пол, а потом, присев на корточки, принялся натирать его суконной тряпицей. Вчера он лег спать, так и не дождавшись матери. Опять она до поздней ночи заседала в правлении: кого-то там выбирали.

Последнее время Мёнгиль часто оставался один. Конечно, он давно уже умел приготовить себе поесть и убрать в доме, но без матери было удивительно неуютно! У нее все так и горело в руках. В полчаса и обед сварит, и приберет в доме... Нет, он так не умеет, хотя очень старается.

И Мёнгиль частенько, прихватив с собой котелок с остывшей давно кашей, отправлялся ужинать к соседке.

Да, мать Мёнгиля работала много, отдавала новому делу все свои силы. За последний год она заметно осунулась, постарела; у глаз ее веером разбегались морщинки, когда-то

красивое лицо почти всегда выглядело усталым и озабоченным. «Как ей помочь? Как сделать, чтобы ей было легче?» — часто думал Мёнгиль. Он старался многое в доме делать сам, но она все равно уставала. Он видел это...

Стали собираться ребята. Они бросали на парты узелки с книгами[1], брали чистые сухие тряпки и, присев рядом с Мёнгилем на корточки, принимались драить и без того чистый уже пол. Самый рослый силач Пак, перекрывая гомон и смех, командовал:

— Раз, два — взяли!.. Раз, два — взяли!..

Они почти закончили работу, как вдруг раздался топот бегущих ног, с шумом распахнулась легкая дверь, и в класс ворвались Кёнпхаль и Муниль. Толстяк Кёнпхаль с разбегу вылетел прямо на середину и, вытаращив свои и без того круглые большие глаза, с трудом проговорил, задыхаясь:

— Эй, вы! Вчера... Вчера вечером... я видел... видел что-то совсем непонятное... Наверное, это был «нечистый дух», вот что!

Да... Такого сообщения не ожидал никто даже от Кёнпхаля — известного фантазера! У Пака от изумления вывалилась из рук тряпка. Раздался дружный хохот.

— Что ты, спятил? — хохотали ребята.— Вот так пионер! В нечистых духов верит! Ну, брат, насмешил!..

И тут Муниль, тихий, серьезный Муниль, подошел к донельзя обиженному общим смехом другу, положил руку ему на плечо и сказал, повернувшись к ребятам:

— Я тоже видел...

— Что видел? — в наступившей вдруг тишине растерянно спросил Пак.

— Ну, этого самого... «нечистого духа», что ли...— смущенно пробормотал Муниль.

Это было уже серьезнее. В классе Муниля уважали. Ко-

---

[1] В Корее книги обычно носят завернутыми в большие платки, в узелке.

нечно, он друг Кёнпхаля, но вовсе не такой человек, чтобы врать — пусть даже ради товарища.

Наоборот, сколько раз он останавливал Кёнпхаля. Тот, бывало, начнет привирать, а Муниль скажет негромко: «Ты вот что, не выдумывай-ка попусту»,— и весь пыл с Кёнпхаля мигом соскочит.

И вот такой человек, как Муниль, тоже заговорил о нечистом духе. Значит, что-то действительно есть...

Ребята плотным кольцом окружили друзей, засыпая их нетерпеливыми вопросами. Кёнпхаль развязал платок, вытащил книги, разложил их на парте. «Не верили? Теперь ждите, мучайтесь...» — говорил весь его вид. Потом он сдвинул на затылок кепку, сунул руки в карманы брюк, еще раз оглядел аудиторию и не спеша начал рассказывать:

— Вчера вечером вышли, значит, мы от Мёнгиля...

Он покосился на Мёнгиля. Тот, застыв как изваяние, не сводил с рассказчика глаз.

6

Вчера вечером друзья допоздна засиделись у Мёнгиля: вместе решали задачи по физике, писали сочинение. Когда они вышли на улицу, было уже совсем темно: шел одиннадцатый час ночи. Дул свежий ветер, в небе, ныряя в тяжелые, рваные тучи, словно играя с кем-то невидимым в прятки, плыла луна. Кёнпхаль шел, как всегда сунув руки в карманы и насвистывая какую-то веселую песенку. Муниль чуть поотстал. Он шагал молча, глядя себе под ноги, и о чем-то думал.

Друзья прошли узкий кривой переулок, вышли к правлению. В окнах большого дома горел яркий свет, дверь была распахнута настежь, и видно было, как сизый табачный дым клубами плавал в просторной комнате. Шло заседание. Люди часто теперь засиживались до полуночи: приходилось решать десятки самых разных вопросов.

На крыльце, возле двери, сидел дед Токпо и слушал ораторов, время от времени одобрительно покачивая головой.

Ребята остановились, прислушались. Говорила мать Мёнгиля и, кажется, снова о тетушке Хван. Потом все зашумели, закричали каждый свое. Интересно, какую еще кашу заварила эта несносная тетушка, мать Чхонёна? Не очень-то, видать, ей по душе кооператив! Да и не только ей. Многие были попрежнему против. Лишь бедняки болели за новое дело всей душой.

А тетушка Хван?.. Вечно она была чем-нибудь недовольна, вечно ругалась с соседками — ни с кем не водила дружбы, распускала всякие нелепые слухи и сплетни.

— Подумаешь, хозяйство! — орала она, когда ее просили поработать на общем поле.— Все равно ничего не вырастет, что зря спину-то гнуть? И нечего людей понапрасну тревожить: ничего вы не успеете сделать до осени, вот увидите! А мне и вовсе некогда: в город пора! — И она, вздернув голову, скрывалась в дверях своего дома.

Сколько раз увещевала ее мать Мёнгиля. Она пыталась подружиться с этой странной женщиной, помочь ей. Как-то весь день проработала с ней рядом в поле, обучала ее. Все было напрасно. Тетушка Хван никого не желала слушать и жила так, как считала нужным сама.

— Пошли! — вывел Мёнгиля из задумчивости голос Кёнпхаля.— Оба они хороши: что сын, что мать.— И, помолчав, Кёнпхаль прибавил: — Не люблю я это семейство!

Приятели отправились дальше, подбрасывая ногами камешки.

Муниль вдруг засмеялся:

— Чудна́я она все-таки... А все базар...

Кёнпхаль даже остановился от удивления:

— Какой базар? При чем тут базар? Что ты этим хочешь сказать?

— Да то и хочу сказать, что она спекулянтка,— спокойно ответил Муниль.

— Да ну?! — недоверчиво покосился на своего приятеля Кёнпхаль.— Откуда ты взял?

— За руку ее, конечно, никто не поймал...— пожал плечами Муниль и замолчал на полуслове: ему не хотелось говорить Кёнпхалю, что он слышал об этом от своих родителей.

— А знаешь,— немного погодя снова заговорил Муниль,— она все время болтает о том, что кооператив к осени развалится. Я сам как-то слышал...

— Это на нее похоже! — важно кивнул Кёнпхаль.— И сынок, видать, такой же...

Недолюбливал он Чхонёна: ну что за мрачный парень! Угрюмый как сыч, слово из него клещами не вытащишь. И что это Мёнгиль с ним возится? Непонятно...

Муниль, будто подслушал мысли Кёнпхаля, подтолкнул его локтем в бок:

— А помнишь, что Мёнгиль нам рассказывал? Как он к Чхонёну домой пришел. Он вроде тогда на Чхонёна даже не обозлился...

— Так ведь это Мёнгиль,—пожал плечами Кёнпхаль.—Он и злиться-то не умеет...

— Конечно,— усмехнулся Муниль.— Но даже он сказал, что Чхонён — странный парень.

— Да ну его, этого Чхонёна! Стоит о нем говорить! — махнул рукой Кёнпхаль и тихонько запел, поглядывая на луну, все так же плывущую в рваных тучах:

Ясная, светлая луна,
Куда ты плывешь по высокому темному небу?
И зачем ты купаешься в черных тучах?
Разве могут они вымыть тебя, красавица?

Муниль слушал песню, задумчиво покачивая головой в такт медленной грустной мелодии.

Они уже не думали о Чхонёне и его матери, а просто шли куда глаза глядят, наслаждаясь красотой летней прохладной

ночи. Где-то куковала кукушка, шелестели на ветру листья деревьев...

Это случилось неподалеку от нового коровника, когда они почти дошли уже до дома Кёнпхаля. Луна как раз скрылась за тучами. В темноте Кёнпхаль оступился и чуть было не рухнул в большую, глубокую яму, вырытую не так давно для навоза. Муниль еле успел схватить товарища за руку, не то быть бы Кёнпхалю в яме. И вдруг...

Черная косматая тень мелькнула на самом верху высокой, окружающей коровник ограды. В одно мгновение она бесшумно и ловко соскользнула вниз и прижалась к стене, слилась с нею, только косматые волосы да рваное длинное платье развевал порывистый ночной ветер.

Луна снова показалась на ночном небе. Тень скользнула по белой стене за угол и растворилась в ночи в переулке, ведущем к мельнице.

Первым пришел в себя Кёнпхаль. Он вскрикнул, всплеснул руками и, несмотря на то что здорово ушиб ногу, прихрамывая, бросился бегом к своему дому. За ним припустился Муниль.

Тяжело дыша, они ворвались в дом и с грохотом захлопнули двери. Дед Кёнпхаля, чинивший старый соломенный куль, удивленно воззрился на внука. Потом перевел взгляд на Муниля.

— Что с вами, а? Бешеная собака, что ли, вас покусала?

Ребята молчали. Потом Муниль, дрожащими руками стянув с головы старенькую помятую кепку, неловко поклонился деду:

— Здравствуйте, дедушка!

Дед кивнул, усмехнулся.

— А ты что ж? — с ехидцей спросил он Кёнпхаля.— Так и будешь стоять в шапке?

Кёнпхаль поспешно стянул кепку и без сил опустился на пол. Ребята переглянулись: «Сказать?» Впрочем, Кёнпхаль все равно не умел хранить тайны.

— Дедушка...— тихо начал он.— Мы сейчас знаешь как напугались...

Дед покосился на внука и, никак не откликнувшись на эту новость, стал латать в куле очередную прореху.

— Честное слово! — Кёнпхаль изо всех сил старался привлечь внимание старика.— На той улице... ну там, где новый коровник, знаешь?

Дед наконец поднял голову.

— Ну?

— Так вот,— заторопился ободренный его вниманием Кёнпхаль,— там на стене появилась какая-то тень... Косматая, в лохмотьях... Помнишь, ты нам рассказывал про водяных? Точь-в-точь водяной. Перемахнула тень, значит, через ограду и пропала, будто ее и не было...

— Правда! Чистая правда! — поддержал друга Муниль.

Дед отложил соломенный куль: похоже, рассказ внука заинтересовал его. А Кёнпхаль принялся с жаром живописать подробности.

Дед, прищурившись, слушал. И вдруг сказал:

— Да... Не иначе, как вам повстречался «нечистый дух»...

— «Нечистый дух»?! — прошептали ребята.

— Ну да, водяной, а может, и леший...

7

Вот о каком невиданном происшествии рассказал своим однокашникам Кёнпхаль, и Муниль подтвердил каждое его слово. Ребята, слушая «страшную» историю, улыбались, подталкивали друг друга локтями:

— Вот дают! Ох и горазд на выдумки этот Кёнпхаль! Да и Муниль, видать, не зря с ним дружит: тоже будь здоров заливает!..

Когда друзья закончили наконец свое повествование, раздался дружный хохот:

— Ну и придумали! Ай, молодцы!

— Смотрите-ка, и Муниль обучился!

— Враки все это, братцы, выдумки!..

— Эх, вы, а еще пионеры: слушаете бабьи сказки...

Ребята долго еще потешались над Мунилем и Кёнпхалем. Даже Мёнгиль им не верил, и это было самое обидное. «Сам виноват,—терзался Кёнпхаль.—Вечно выдумывал всякие истории, вот все и привыкли к тому, что вру...»

Сокрушался и Муниль: его считают лгуном, а ведь он никогда еще никого не обманывал! Он попытался что-то еще раз объяснить, но прозвенел звонок, и все уселись по своим местам. Все, кроме Чхонёна: он опять не пришел в школу.

Мёнгиль плохо слушал объяснения учителя. «Может, Чхонён просто опаздывает? — думал он, то и дело с тревогой поглядывая на дверь.— Не бросил же он в самом деле школу?.. И чего он такой угрюмый? Тетушка Хван — та другая, не унывает...»

Мёнгиль вспомнил их недавнюю встречу, там, на узкой горной тропинке, услышал громкий переливчатый смех матери Чхонёна, противное хихиканье Пхунсама. И что он возле нее вьется? Сбивает только тетушку Хван с толку. Рассказать, что ли, обо всем матери?..

После уроков, на пионерском сборе, Мёнгилю поручили помочь Чхонёну в учебе и поговорить с тетушкой Хван об ее сыне. Потом начались, как всегда, разговоры о кооперативе, об отношении пионеров к учебе. После сбора Мёнгиля попросил остаться учитель Чансу.

В пустом классе было совсем тихо. Классный руководитель посмотрел Мёнгилю в глаза и негромко сказал:

— Тебе, Мёнгиль, поручили помочь Чхонёну. Верно?

Мёнгиль кивнул.

— Так вот. Я хочу, чтобы ты правильно меня понял. Помочь надо так, чтобы Чхонён не чувствовал себя уязвленным. Запомни это. И еще: помоги ему справиться с сегодняшними трудностями и не напоминай о вчерашних.— И, заметив мелькнувшее на лице Мёнгиля недоумение, пояснил: — Не говори с ним о прошлом, Мёнгиль. Оно у него было тяжелым...

«О каком прошлом вы говорите?» — хотел спросить Мёнгиль, но учитель, предупреждая его вопрос, предостерегающе поднял руку.

— Не ломай себе над этим голову, Мёнгиль,— улыбнулся он.— Ты просто помни мои слова — и всё. Договорились?

— Да-а-а...— протянул Мёнгиль.— Только... я хочу сказать вам...

— Ну! Смелее! — видя его нерешительность, улыбнулся учитель Чансу.

— Это не о нем... Это о его матери...

— О матери? — нахмурился классный руководитель.

— Да! — решился наконец Мёнгиль.— Это все она... Это из-за нее он так плохо учится и вообще...

Волнуясь все больше и больше, он стал говорить о том, как видел тетушку Хван с Паком, как весело они смеялись. А Чхонён в это время тащил тяжеленное чиге, полное дров. И в школу он в тот день не пришел из-за того, что дома было много работы.

Учитель молча слушал Мёнгиля. Лицо его стало очень серьезным, даже, пожалуй, сердитым. И вдруг он оборвал своего ученика на полуслове.

— Хватит, Мёнгиль! — почти крикнул он.— Кто тебе позволил осуждать старших? Твое дело помочь Чхонёну, а с его матерью мы поговорим сами, не беспокойся. Уж поверь мне, мы сумеем заинтересовать ее нашими общими делами...

Он посмотрел на Мёнгиля — тот стоял низко опустив голову, уши у него горели.

— Иногда и нам некоторые вещи кажутся странными,—

мягко добавил учитель.— А вам и подавно. Вы ведь еще не взрослые, хотя совсем большие... Не говори об этом с ребятами, Мёнгиль. А если что случится, приходи, посоветуемся. Договорились?

Мёнгиль молча кивнул.

Вечёром Мёнгиль снова пошел к Чхонёну. Теперь-то уж он непременно поговорит с ним! Только бы застать его дома.

Он толкнул калитку и вошел во двор, где жил новый его однокашник. Ему повезло: Чхонён стоял в дальнем углу у поленницы, колол дрова. По его красивому сосредоточенному лицу крупными каплями катился пот.

— Чхонён! — радостно окликнул товарища Мёнгиль.

Чхонён резко обернулся, встретился взглядом с Мёнгилем и покраснел. Потом он опустил топор, шагнул Мёнгилю навстречу и молча встал перед ним, настороженно сощурив большие глаза.

«Здорово он встречает гостей! — усмехнулся Мёнгиль и вздохнул: — Что ж, Чхонён верен себе... Обидно, конечно, однако ничего не поделаешь — сам пришел в этот негостеприимный дом!»

А Чхонён между тем уже снова стоял к нему спиной — не хотел он ничего слушать! Он яростно колол сухие поленья, и они с треском раскалывались под его сильными руками. Мёнгиль смотрел на упрямый затылок парня и чувствовал, как обида уступает место в его душе восхищению. Ничего не скажешь, силен этот Чхонён! Топор в его руках словно легкая тросточка. Ишь как играет!

— Дай мне! — неожиданно для самого себя сказал вдруг Мёнгиль и протянул руку.

Чхонён, слегка растерявшись, молча подал топор. Мёнгиль поплевал на ладони, взялся покрепче за топорище.

— Отдай,— неуверенно сказал Чхонён.

— Отойди!..

Чхонён немного постоял в нерешительности, потом стал подбирать поленья и складывать их в поленницу.

— Ты чем занимался сегодня? — вдруг спросил его Мёнгиль.

— Да так... Ничем особенным,— нехотя отозвался Чхонён.

— Домашние дела, да?

Чхонён неопределенно пожал плечами.

«Зачем ему знать все это? — думал он.— И вообще, чего он пожаловал? Что ему надо?» По правде говоря, Чхонён даже побаивался Мёнгиля — все-таки председатель совета отряда, парень прямой, резкий. Кто знает, что у него на уме...

А Мёнгиль все больше входил в азарт. Стучал топор, с треском врубаясь в сухое дерево, разлетались во все стороны толстые, короткие поленья. Потом, отложив топор в сторону, Мёнгиль сбросил с себя рубаху. Он весь взмок от работы.

Чхонён смотрел на его ловкие движения — Мёнгиль не хуже, чем он, орудовал топором,— и недоверие и настороженность постепенно исчезли.

Но вот все дрова переколоты. Мёнгиль с размаху воткнул топор в большое бревно, вытер рукой потный лоб.

— Воды не найдется? — спросил он и, не дожидаясь ответа, отправился прямо в кухню.

Чхонён вдруг залился краской. Вскочив, он загородил Мёнгилю путь и крикнул испуганным, срывающимся голосом:

— Сиди!.. Я тебе принесу...

Он скрылся в дверях маленькой кухни. Мёнгиль, пожав плечами, уселся в тени персикового дерева. Черная ворона, сидевшая на самом верху, насмешливо покосилась на незваного гостя и хрипло каркнула.

Вышел Чхонён, протянул Мёнгилю кувшин. В кувшине плескалась вода: у Чхонёна дрожали руки.

— На, пей... Холодная...— отрывисто сказал он.

Мёнгиль принялся пить жадными, большими глотками.

— Эх, хороша! — шумно отдуваясь, сказал он.— У вас что, на заднем дворе свой колодец?

Чхонён кивнул, усмехнулся.

— Мать говорит: «Добавить чуть сахару — получится «Саида»[1].

Ребята расхохотались. Возникшая было скованность как-то незаметно исчезла.

Снова каркнула ворона.

— Слышишь, каркает? — засмеялся Мёнгиль.— Старухи говорят: подает ворона голос — жди в дом желанного гостя.

— Гостя? — недоверчиво хмыкнул Чхонён.— Да еще желанного?..

— А что? Разве у вас не бывает гостей? — удивился Мёнгиль.

Чхонён не ответил.

— Слушай,— потянул его за рукав Мёнгиль,— давай вместе готовить уроки? У тебя по дому все переделано? А то я помогу.

Вот и нашлись наконец слова, которые так долго искал и не мог найти Мёнгиль. Слова простые, немудреные, такие же, какими становились теперь их отношения.

До сих пор между ними словно стояла стена. Теперь в ней образовалась брешь. Сегодня Мёнгиль увидел другого Чхонёна — простого и доброго парня, и с этим парнем он, конечно, подружится!..

— Да что там за дела? — смущенно пробормотал Чхонён.— Все уже сделано.

Они расстелили под деревом большую соломенную циновку и уселись на ней заниматься.

Мёнгиль как раз объяснял задачки по физике, когда заскрипела старая калитка. Во двор вошла тетушка Хван. Мёнгиль встал, поклонился. Женщина улыбнулась, сверкнув золотым зубом. Настроение у нее было прекрасное.

— Ну, вот и я! — сказала она, весело глядя на ребят,

---

[1] «Саидá» — название фруктовой воды в Корее, от англ. «Soda-water».

и зачем-то добавила: — Я не велю ему ходить в школу, когда у нас много дел...

Она покосилась на сына. Чхонён, уткнувшись в книгу, мрачно молчал.

— Все, о чем ты просила, я сделал,— чуть слышно пробормотал он, не глядя на мать.

— Ох-хо-хо!.. — вздохнула вместо ответа тетушка Хван и, держась за поясницу, будто она у нее болела, стянула с головы цветастый платок. Потом она тяжело опустилась на бревно. Кто бы мог подумать, что эта женщина только что была такой веселой и оживленной?

— Устали? — участливо спросил Мёнгиль.

— А то нет? — живо откликнулась тетушка Хван. Она хотела еще что-то сказать, но Чхонён перебил ее.

— Давай заниматься,— буркнул он, и Мёнгиль принялся объяснять дальше.

Тетушка Хван не уходила. Она сидела неподалеку от ребят, то и дело бросая на них внимательный взгляд. «Как они похожи,— думала она.— Глаза, рот, волосы... Просто удивительно — такое сходство!»

Они действительно были похожи — Мёнгиль с Чхонёном. Это особенно бросалось в глаза, когда они сидели вот так, рядом. В школе их сходство тоже заметили.

— Ты откуда родом-то? — вдруг спросила Мёнгиля тетушка Хван.

— Из деревни Понто́н, уезда Ана́н.

— Как ты сказал? — прищурилась женщина. — Деревня Понтон?

— Мама, ты нам мешаешь! — оборвал ее вдруг Чхонён. На лбу у него залегли резкие складки.

— Спросить нельзя, что ли? — нахмурилась женщина.

Чхонён швырнул наземь книгу:

— Вечно эта болтовня! Надоело!

— Как ты смеешь так разговаривать с матерью? — взорвалась тетушка Хван.

— Подумаешь,— скривился Чхонён.

Тетушка Хван, бросив на него негодующий взгляд, встала и, одернув юбку, не оглядываясь прошла через двор в кухню.

— Ты что, Чхонён? — растерянно пробормотал Мёнгиль.

Он наблюдал эту сцену с нескрываемым изумлением: «Как он говорит с матерью! Разве так можно?»

Чхонён, не отвечая, яростно листал книгу. Казалось, он решил разорвать ее на листочки.

— Знаешь, Кёнпхаль с Мунилем рассказывали, что они видели у коровника духа,— стараясь нарушить молчание, с улыбкой сказал Мёнгиль.— Они так смешно описывали его! Говорят: у него длинные косматые волосы, вместо одежды лохмотья, на водяного похож...

Мёнгиль взглянул на товарища и прикусил язык: Чхонён смотрел в сторону, лицо его было бледным до синевы. «Что с ним?» — в смятении подумал Мёнгиль, но спросить не решился.

8

В тот самый день, когда Мёнгиль наконец подружился с Чхонёном, отец Кёнпхаля, дядюшка Чан, встал раньше всех в доме: нужно было идти на мельницу. Крестьяне везли теперь зерно каждый день, пора была страдная.

Вчера вечером перед уходом домой он, как всегда, прибрал инструмент, протер маслом мотор, тщательно подмел пол. «На мельнице должен быть полный порядок!» — любил говорить дядюшка Чан и сам строго придерживался этого правила.

Солнце чуть золотило край неба, когда Чан снял тяжелый замок и не спеша вошел в помещение. Он надел свой старый комбинезон, пустил мотор. Мотор загудел ровно и сильно, и вдруг в ровное это гудение ворвался совсем другой, резкий, захлебывающийся звук. Дядюшка Чан рванул на себя рубильник, но было уже поздно: от мотора валил черный дым, пахло

горелым маслом. «Что же это, а?» — растерялся Чан. Руки его дрожали. Он бросился к мотору. Сомнений не было — мотор был испорчен.

Отец Кёнпхаля тяжело опустился на ящик, в котором хранил инструменты. Он не стыдился своих слез: никто их не видел.

Сколько времени он просидел так? Наверное, много. Во всяком случае, когда дядюшка Чан вышел на улицу, солнце уже плыло по синему небу. Надо было идти в правление, рассказать о том, что вышел из строя новый, с таким трудом выпрошенный и так необходимый деревне мотор. Отец Кёнпхаля вздохнул, вытер глаза рукавом и побрел к большому белому дому...

Через полчаса о том, что случилось, знала уже вся деревня. Возле мельницы молча стояли крестьяне. Пришли члены правления, секретарь партийной организации Хенгю́. Пришел и милиционер — худой, длинный как жердь Чхон.

Внимательно осмотрев мельницу, Чхон попросил людей отойти подальше и стал ходить вокруг нее, глядя на землю, будто увидел там что-то очень для себя интересное.

Мать Мёнгиля стояла неподвижно, молча, бледное ее лицо было безучастным, почти спокойным — казалось, она не поняла еще, какое случилось несчастье. Рядом с ней, склонив седую голову, стоял Хенгю и что-то тихо ей говорил.

Когда-то Хенгю работал в одной партийной ячейке вместе с отцом Мёнгиля, потом вместе с ним партизанил. После гибели отца Мёнгиля он остался лучшим другом его жены и сына. Мёнгиль, бывало, целыми днями пропадал у него, да и Хенгю частенько заглядывал в их маленький домик.

Сейчас мать Мёнгиля, как и всегда в тяжелую минуту своей жизни, ждала от него помощи, и другие ждали, он знал это.

— Товарищ Сунбо́,— обратился Хенгю к отцу Кёнпхаля,— когда вы ушли вчера с мельницы?

Дядюшка Чан с горестным выражением лица развел руками:

— Да разве я помню? Часов десять небось уже было...

— А кто заходил к вам последним? — вступил в разговор милиционер.

— Кажется, дед Чхонсé... Да-да, он...— От волнения отец Кёнпхаля никак не мог собраться с мыслями.— Он еще принес молоть кукурузу. Часов в десять, правильно...

Крестьяне напряженно вслушивались в эту беседу. Но вот кто-то негромко сказал:

— Не иначе, свои это сделали...

И словно бомба разорвалась вдруг в толпе. Все зашумели, заговорили:

— А то как же, ясно — свои...

— Кто последний был, тот и мотор испортил...

— Говорят, песок сыпанули.

Из-за чьего-то плеча выглянуло круглое лицо Пак Пхунсама.

— Э-э-э...— начал он.— Вчера ночью я видел, как Чинтхэ́ тащил на спине мешок с мельницы...

— Какой Чинтхэ? Тот, что за свиньями ходит? — заорал старик Чо: он был туговат на ухо и всегда кричал что есть мочи.

Хенгю спокойно посмотрел на Пака.

— В котором часу это было? — спросил он.

Пак Пхунсам, казалось, только и ждал этот вопрос:

— Да часов в десять...

— А куда он мешок потащил? — снова встрял в разговор неугомонный старик Чо.

— Ясно куда: в свинарник! — быстро повернулся к нему Пак.— Он же всегда приходит на мельницу за отрубями...— Пак горячился все больше и больше.— Все на моих глазах было,— размахивал он руками.— Я как раз на поле вышел, взглянуть, идет ли вода... Он мне показался ужас каким подозрительным!..

Пак оглядел притихших односельчан и прибавил, таинственно понизив голос:

— Я говорю: «Куда идешь, мельница-то на замке!» А он: «Ничего, говорит, дядюшка Чан мне мешок с отрубями у дверей оставляет».

Чинтхэ хорошо знали в деревне. Когда-то он батрачил у здешнего помещика, потом одним из первых вступил в кооператив. Был он честным и добрым и пользовался у людей большим уважением. Ничего удивительного в том, что он пришел на мельницу поздно, не было: Чинтхэ вечно чуть ли не до ночи возился со своими питомцами и всюду искал для них пропитание.

Пак Пхунсам, видя, что его слова не произвели должного эффекта, сгустил краски:

— Чинтхэ сказал мне, что отрубей у двери совсем мало, что он, пожалуй, выломает доску и залезет внутрь, поглядит, нет ли чего в самой мельнице.

И Пак победоносно оглядел крестьян: ну, что, мол, теперь скажете?

В толпе зашептались. Пхунсам, конечно, известный болтун, но придумать такое?.. И тут в разговор вступил Хенгю. Его речь была краткой.

— Давайте-ка по домам,— твердо сказал он.— А с этим делом мы разберемся...

Днем Чинтхэ вызвали в правление, где ему передали слова Пхунсама. Чинтхэ спокойно выслушал их, пожал плечами, а потом сказал, что никакого Пака вчера он не видел, что он вообще не встречал его несколько дней. А на мельнице он действительно был, взял мешок с отрубями — тот, что оставил ему у дверей Чан, и ушел. Вот и все! Никаких досок он не ломал.

— Ну иди и не сердись, пожалуйста, что мы тебя вызвали,— сказала, выслушав его, мать Мёнгиля.

Чинтхэ молча надел кепку и вышел. А члены правления еще долго сидели за длинным столом, обсуждая это неслыхан-

ное происшествие. Ясно, конечно, что Чинтхэ ни при чем. Но кто же, кто это сделал?..

А по деревне уже ползли упорные слухи о том, что не кто иной, как Чинтхэ, испортил новый мотор. Люди верили и не верили досужим домыслам. Один — горячая голова — прибежал вечером к свинарнику и бросил прямо в лицо Чинтхэ:

— Ты, собака! Это ты сломал наш мотор?..

У Чинтхэ от обиды и возмущения даже слезы на глазах выступили. Он ничего не сказал, повернулся к обидчику спиной и продолжал заниматься своим делом.

Да, Чинтхэ ничего не ответил односельчанину и, как ни странно, многие сомневающиеся почему-то поверили в то, что Чинтхэ — преступник, заговорили о том, что скоро его арестуют и будут судить. Соседи Чинтхэ, знавшие его много лет, пытались защитить старика, но их голоса тонули в хоре деревенских сплетен.

— Был бы не виноват, дал бы за такие слова! — судачили кумушки.

Чинтхэ отмалчивался. Он и прежде был нелюдим, а теперь и вовсе перестал бывать на людях.

И тогда Хенгю попросил мать Мёнгиля снова созвать правление.

— Как же так, товарищи? — сказал он.— Про человека плетут невесть что, а мы молчим? Надо сказать всем, что Чинтхэ невиновен...

Через день собрали собрание.

— Хватит болтать чепуху! — выступила на нем мать Мёнгиля.— Давайте лучше думать, что делать с мотором.

— А что думать? — улыбнулся дядюшка Чан.— Ремонтировать надо! Я уже начал. Думаю, сумею наладить...

Последние его слова утонули в аплодисментах.

Мёнгиль узнал про мотор одним из последних. В тот день он сидел у Чхонёна и объяснял ему все, что тот пропустил.

Муниль с Кёнпхалем ворвались в маленький дворик.

— Ты знаешь, что вчера вечером в мотор кто-то насыпал

песок? — прямо с порога закричал Кёнпхаль.— Знаешь, что мотор теперь не работает?..

У Мёнгиля от изумления даже карандаш из рук выпал.

— Да-да! — не дав ему сказать ни слова, возбужденно продолжал Кёнпхаль.— Отец ничего не знал. Пришел утром, включил. Мотор как зарычит... И всё!.. Сломался...

Мёнгиль помолчал, потом прищурился. Казалось, какая-то нежданная мысль пришла ему вдруг в голову.

— Песок, говоришь? — задумчиво переспросил он.

— Ну да! Я сам видел! Сам! — Кёнпхаль говорил от волнения все быстрей и быстрей.

Муниль сжал кулаки.

— Эх, показали бы мне того мерзавца...— процедил он сквозь зубы.— А вообще-то надо поговорить с дядюшкой Чаном, когда все уладится.

Он осторожно вынул из кармана немного промасленного песка. Это было на него похоже! Такой уж Муниль обстоятельный парень: все всегда хочет посмотреть своими глазами, пощупать своими руками.

Кёнпхаль ударил себя кулаком в грудь:

— Ну попадись мне эта гадина!..

Мёнгиль молчал. Он думал о дядюшке Чане: «Представляю, как он расстроился! Полгода клянчил новый мотор, потом искал к нему всякие там запасные части, смазывал, разбирал — и вот тебе нá! Получил!»

— Знаешь, пришел милиционер! — вытаращив глаза, шепотом сообщил Кёнпхаль.— Все ходил вокруг мельницы, а потом знаешь чего Пак выдумал?..

Мёнгиль почти не слушал приятеля. «Как там мать? — думал он.— Сколько она колебалась, прежде чем купить мотор. Все высчитывала, хватит ли денег. Со мной советовалась...»

— Послушай,— вдруг прервал он Кёнпхаля.— Ведь вы вчера ночью видели этого самого «нечистого духа», да?

— Ну да,— кивнул Кёнпхаль и подозрительно покосился на Мёнгиля: опять на смех поднять хочет?

Но Мёнгиль и не думал смеяться.

— Расскажи-ка, куда пошел от коровника этот «дух»?

Муниль внимательно посмотрел на Мёнгиля.

— Ну, к мельнице... в переулок...

— А откуда он появился?

— Не знаю,— пожал плечами Муниль.

— И я не знаю,— подхватил Кёнпхаль.— Знаешь, Мёнгиль, ниоткуда он, наверное, не появлялся, он просто возник... Ну, как все духи...

— Значит, исчез он в том переулке, что ведет к мельнице? — переспросил Мёнгиль.

Ребята кивнули.

— Слушай, а почему ты об этом вспомнил? — встрепенулся Кёнпхаль, но Мёнгиль молчал.

«Значит, им не показалось,— думал он.— Они и вправду видели «нечистого духа». Только это был человек, и шел он к мельнице... А что, между прочим, делал он у коровника? И как он в один миг перемахнул через ограду?»

Мысли лихорадочно обгоняли друг друга. Надо сказать матери, поговорить с ней!..

Мать пришла поздно вечером, после собрания.

— Ты ужинал? — устало спросила она.

— Да, а ты, мама?

— Я не хочу...

Она вынула из кармана свою неизменную записную книжку, положила на стол, провела рукой по седеющим волосам и вдруг спросила:

— Правда, что ребята видели вчера ночью какое-то странное существо?

Мёнгиль кивнул.

— Значит, правда?..— переспросила мать.— Расскажи-ка мне об этом подробнее.

И она приготовилась слушать.

Глава вторая

КОЕ-ЧТО ПРОЯСНЯЕТСЯ

1

Теперь всем уже было ясно, что в деревне орудуют враги — люди, ненавидящие новую жизнь. Как уберечь от них общее достояние? Как найти этих зловещих невидимок?

На экстренном заседании правления решено было организовать отряд самообороны. Вся молодежь записалась в отряд, и по вечерам у мельницы теперь дежурили патрули.

И так было не только в деревне Сингван. По всей стране заканчивалась коллективизация, по всей стране бывшие кулаки и помещики — те, которые не успели бежать на Юг,— давали новым хозяевам жизни последний бой. Но бедняки, объединившиеся в кооперативы, не сдавались. Они знали, какова старая жизнь, и не собирались к ней возвращаться...

А у школьников были свои заботы: занятия в школе, работы на поле. К лету они организовали свою, ученическую, бригаду, и кооператив выделил им участок.

Продолжала давать концерты и агитбригада. Как-то ребята даже поставили пьесу. В ней играли трое друзей: Мёнгиль, Кёнпхаль и — что самое удивительное — Муниль. Подумать только, стеснительный, молчаливый Муниль играл веселого тракториста! Да еще так здорово — ну просто артист!

И только Чхонён по-прежнему был невеселый. Правда, теперь он гораздо лучше учился, однако от ребят все еще стоял в стороне. Сколько раз Мёнгиль заводил с ним разговор об агитбригаде, предлагал выступать вместе, но Чхонён отмалчивался, а однажды вспылил.

— Отстань! — крикнул он.— Нет у меня никаких талантов, понял?

Правда, в поле вместе со всеми Чхонён теперь ходил с охотой и работал не хуже других. Занимался он и со своим новым другом: Мёнгиль каждый день приходил в знакомый дворик.

Тетушка Хван поначалу встречала его приветливо, потом начала хмуриться. Часто Мёнгиль ловил на себе ее недовольный испытующий взгляд. «Что с ней? — терялся он в догадках.— Вроде мы не мешаем. А может, мешаем?..»

Однажды Мёнгиль решился.

— Можно, Чхонён будет приходить ко мне домой заниматься? — спросил он.

— Вот еще! — возразила тетушка Хван.— На деревне теперь неспокойно, а он будет по ночам где-то шляться!..

— Почему по ночам? — пытался возразить Мёнгиль.— Вовсе не по ночам — вечерами...

Но она его и не слушала:

— Сказала — нет, значит, нет! Нечего ему у вас делать! — И она скрылась в кухне.

Чхонён за время этого недолгого разговора не сказал ни слова, даже головы не поднял, словно он его не касался. А Мёнгиль ужасно расстроился и рассказал обо всем матери.

— Ничего, сын, что-нибудь придумаем,— ответила та задумчиво.

Через неделю, в один из воскресных дней, Мёнгиль вместе со всей бригадой отправился в соседнюю деревушку давать концерт. Ребята шли полем. Ярко сияло солнце. В полуденной тишине щебетали птицы.

В высокой траве, у обочины, отдыхала какая-то женщина. Заслышав веселые голоса, она села, улыбнулась, и Мёнгиль узнал мать Чхонёна. На ней была ее неизменная пестрая косынка и белый передник.

— Эй, Мёнгиль! — крикнула она мальчику. — Поди-ка сюда!

— Идите, я догоню,— кивнул товарищам Мёнгиль и подошел к женщине.

— Притомилась вот, прилегла отдохнуть, — заискивающе улыбаясь, заговорила тетушка Хван. — Работы ужас как много!..

Мёнгиль молчал.

— Я вот что...— заторопилась женщина.— Я хотела поговорить с тобой о Чхонёне... Ты парень, как я погляжу, толковый, вот и моего подтянул. А я уж на него рукой махнула: куда мне без отца-то с ним справиться!..

Скороговоркой выпалив все это, она, помолчав, вдруг добавила:

— А коли надо у вас заниматься, что ж, я не против. Пожалуйста! Я просто думала, он будет мешать...

— Значит, вы разрешаете, тетушка? — обрадовался Мёнгиль.— Вот спасибо!

Он попрощался и побежал догонять своих. «Чудна́я все-таки эта тетушка Хван! — думал он.— Вчера — одно, завтра — другое... Надо сказать Чхонёну, вот обрадуется!»

С этого дня в доме Мёнгиля стали вечерами собираться все четверо: Мёнгиль, Кёнпхаль, Муниль и Чхонён.

Чхонён заметно повеселел. И учиться стал лучше. Он уже не опускал голову и не краснел, когда учитель Чансу говорил:

— Ученье, ребята, ваш патриотический долг, ваш удар по общему врагу. Помните: за вашими успехами следит вся деревня!..

Чхонёну не приходилось теперь, как это бывало прежде, подолгу объяснять одно и то же. Он схватывал быстро, легко, память у него оказалась отличная. Скоро он уже сам без труда решал сложные алгебраические задачи.

«Вот, значит, в чем дело,— думал Мёнгиль.— Вовсе он не неспособный и не так уж отстал от всех нас... Просто-напросто он не хотел учиться и сердился на мать. Но почему?..» Ответа на этот вопрос пока не было...

А тетушка Хван день ото дня становилась любезнее. Она приветливо встречала Мёнгиля, когда он заходил за ее сыном, и однажды сказала Чхонёну, что Мёнгиль ему настоящий друг.

Они действительно стали друзьями, и не только Мёнгиль с Чхонёном. Даже Кёнпхалю Чхонён не казался уже мрачным и заносчивым, и он все удивлялся, как это он раньше так думал об этом славном парне.

Однажды, читая учебник, Чхонён вдруг рассмеялся, да так заразительно, что насмешил всех троих.

— Ты чего? — спросил его, давясь от смеха, Кёнпхаль.

— Так... А ты чего?

И все снова расхохотались.

Полюбила парня и мать Мёнгиля, и теперь, если в доме готовили что-нибудь вкусное, непременно посылала за ним сына.

— Сходи позови Чхонёна. Небось тетушка Хван такую куксу[1] не варит...

И потом, наблюдая, как ребята за обе щеки уминают куксу, мать Мёнгиля думала: «Странно все-таки: тетушка Хван и Чхонён — мать и сын, а такие разные. Совсем непохожи... А вот на Мёнгиля Чхонён похож, даже очень. Может, потому он мне и нравится?..»

Она изо всех сил старалась, чтобы Чхонён стал своим в их доме. И это, похоже, ей удалось. Он не чувствовал себя здесь гостем. Придет, бывало, пораньше, поможет наколоть дров, натаскает вместе с Мёнгилем воды, а потом — за уроки. И все это весело, со смехом и шутками. Вот только когда заходил разговор о родителях, Чхонён мрачнел. Однажды Мёнгиль принялся рассказывать о своем отце, о том, как он партизанил, как замучили его враги, и вдруг Чхонён встал:

— Я пойду...

Мёнгиль быстро взглянул на него:

— Погоди, Чхонён!

Но того уже не было в комнате.

В этот вечер Мёнгиль долго не мог заснуть. Как это он забыл о том, что отец Чхонёна пропал без вести, что его друг не только растет, как и он сам, без отца, но ему даже нечего о своем отце рассказать, потому что он не знает, жив отец или погиб... И если погиб, то как?..

Сегодня воскресенье, чудесный, солнечный день! Мать Мёнгиля встала едва рассвело и принялась готовить праздничный обед. Она сделала кимчхи[2], куксу, поставила в печь тток[3]. Сегодня у них в доме праздник — как же не постараться!

[1] Кукс́у — корейская лапша, национальное блюдо.

[2] Кимчх́и — корейская перченая капуста, национальное блюдо.

[3] Тток — корейский хлеб.

Мать Мёнгиля умела стряпать. Она знала уйму рецептов и с удовольствием делилась ими с соседками.

— Ну и председатель у нас! — хвалились крестьянки Сингвана.— И хозяйством не хуже мужика управляет, и всех нас стряпать по-настоящему научила. Молодец!

Сегодня она решила, что не пойдет в поле — так она обещала сыну и выполнит свое обещание. Пусть это будет ее подарком.

— Можно? — Во двор заглянули Муниль, Кёнпхаль и Чхонён.

Мёнгиль просил их непременно зайти — и вот они здесь. Но что это? Перед ними мать Мёнгиля — красивая, помолодевшая, в белом новом переднике. Ребята от изумления даже поздороваться с ней забыли. Сколько раз видели они ее выступавшей на собрании или на пионерских сборах, и всегда она была строгая, подтянутая и всегда куда-то спешила. А тут — нá тебе, совсем другая, домашняя, без устали снующая из комнаты в кухню, простая и веселая — такая же, как их матери и соседки.

— Ну, садитесь! — радостно сказала мать Мёнгиля. — Что ж ты, сынок, приглашай гостей!

Она внесла низенький столик, и ребята уселись вокруг него, поджав под себя ноги. Кёнпхаль первым попробовал рис — он был известный обжора!

— Тетушка, а вы что ж? — воскликнул он, видя, что мать Мёнгиля снова собирается идти в кухню.— Нет уж, садитесь, а то мы тоже не станем есть!

Она села рядом с сыном, взяла палочки [1], но тут же снова вскочила:

— Погодите, ребята, уже, наверное, тток готов...

— Тток? — изумился Кёнпхаль.— Это по какому случаю?

— Скажи, Мёнгиль, что молчишь? — прокричала из кухни мать.

---

[1] В Корее, Китае, Японии и некоторых других странах Востока едят палочками.

Она вошла в комнату, улыбаясь поставила на стол поднос с теплым, дымящимся ттоком и покосилась на сына. Тот сидел чинно, будто был гостем в солидном доме, и молчал.

— Ну, развлекай гостей! — подсмеивалась над ним мать.

— Что развлекать-то? — смутился Мёнгиль.— Ешьте вот...

— А правда, чего это у вас сегодня такой пир, а? — спросил Муниль, с любопытством переводя взгляд с Мёнгиля на его мать.

Мать Мёнгиля улыбнулась.

— Сегодня, мальчики, Мёнгилю исполнилось четырнадцать лет. Так что поздравьте его...— И она с тихой гордостью поглядела на сына.

— Правда? — изумились ребята.— Что ж ты раньше ничего не сказал? Эх, ты, даже не предупредил!

Они были слегка смущены. Особенно Кёнпхаль: пришел, навалился на всякие яства, а в чем дело, спросить не удосужился.

— Ладно, ладно, неважно,— оборонялся от их упреков Мёнгиль.— Не все ли равно, по какому поводу праздник?

— Ну что ж, поздравляем тебя, Мёнгиль! — торжественно сказал Кёнпхаль и поднял чашку с фруктовой водой.

Скоро говорили уже все вместе, почти не слушая друг друга, с аппетитом уминая вкусный дымящийся тток.

Мать тихо сидела в сторонке. В глазах у нее стояли слезы. Потом она отвернулась и быстро вытерла глаза концом длинной белой ленты, свисающей с ворота ее кофточки. Но как ни быстро было ее движение, Чхонён заметил его: он всегда был очень внимателен к матери друга.

— Что с вами, тетушка? — встревожился он.

Ребята умолкли.. Она плакала!.. Кто бы мог подумать, что увидит когда-нибудь на ее глазах слезы!..

— Нет, нет, все в порядке,— поспешно сказала мать Мёнгиля и провела рукой по лбу, словно желая разгладить горькую складку. Но ребята не отставали.

— Скажите нам, что случилось! — расстроенно повторяли они.

И тогда она подошла к ним, села рядом и тихо сказала:

— Я вспомнила тот день, тот теперь уже очень далекий день, когда родился мой Мёнгиль. Могла ли я думать, что он будет учиться в школе, что я устрою ему день рождения в светлом, просторном доме, что к нему придут в гости его друзья...

— А что в этом особенного? — широко раскрыл глаза Кёнпхаль.

Мать Мёнгиля невесело усмехнулась.

— Тогда это казалось мне невозможным. Слишком тяжелая была у нас жизнь. Не жизнь, а так... одно название... Знаете, как он родился? — Она кивнула в сторону сына. — Гремел гром, лил дождь и дул ветер. А я лежала с ним, совсем крошечным, под мостом и закрывала его своим телом...

— Под мостом? — переспросил Муниль. — Разве у вас не было дома?

Чхонён встал со своего места и пересел поближе к матери Мёнгиля.

— Какой уж там дом, — махнула она рукой. — Я жила тогда у помещика, в батрачках. Потом пришлось уйти куда глаза глядят...

— Ладно, мама, хватит, — залившись краской, перебил мать Мёнгиль. — Зачем об этом рассказывать?

Мать строго посмотрела на сына.

— Тебе нечего стыдиться, Мёнгиль, — сказала она. — Так жили тогда многие... — Она оглядела ребят. — Вот вы читаете в книгах о том, что родина ваша была под властью японцев [1]. А что это такое — власть японцев и богачей, вы знаете? У Мёнгиля не было ботинок, не было ни одной пары белья. Штаны да куртка — вот и весь наряд. Всю зиму он, бывало, сидел дома: не в чем выйти на улицу...

---

[1] До 1945 года Корея была японской колонией.

Она помолчала, потом горестно усмехнулась:

— Вот помню я праздник Нового года... Богачи нарядились тогда в разноцветные одежды, прохаживались по улице, хвастались друг перед другом своими нарядами. А бедняки и их дети сидели в темных, сырых каморках и дрожали от холода...

Она поежилась, будто с тех далеких времен пахнуло на нее холодным, леденящим душу и тело ветром. Ребята молчали.

— Враги есть и сейчас,— добавила она.— Они хотят, чтобы вернулись старые времена. Помните об этом, ребята.

Мёнгиль взглянул на друзей. Они во все глаза смотрели на его мать. Только Чхонён сидел, низко опустив голову.

2

Много ночей подряд шли дожди. Гремел раскатистый гром, ослепительные молнии озаряли деревню.

В этот вечер тоже лил проливной дождь. Мёнгиль, проводив Чхонёна, сидел вдвоем с матерью и слушал ее рассказы. И вдруг сквозь монотонный немолчный шум ливня до них донесся громкий крик и сразу же топот бегущих ног.

Мёнгиль вскочил с кана[1], подбежал к двери, распахнул ее. Под косыми струями дождя к дому во весь дух неслись двое. Сверкнула молния, и Мёнгиль узнал своих старых друзей. Кёнпхаль с Мунилем ворвались во двор, задыхаясь от бега, с бледными, мокрыми лицами. Мать Мёнгиля в накинутом на голову платке выбежала к ним навстречу:

— Что с вами?.. В чем дело, мальчики?

Ребята молча смотрели на нее округлившимися от страха глазами. С их мокрой одежды ручьями стекала вода. Мёнгиль чуть ли не силой втащил их в дом, закрыл дверь.

---

[1] Кан — теплая лежанка в корейских домах. В Корее под полом домов обычно проложены трубы, по которым идет теплый воздух.

— Да говорите же наконец, что случилось?

— Опять, знаешь, опять...— пролепетал Кёнпхаль.

— Что — опять? — улыбнулась мать Мёнгиля.

— Опять тот самый, что у коровника... «Нечистый дух», что ли...— криво улыбнулся в ответ Кёнпхаль.

Вынув большущий носовой платок, он вытер слипшиеся от дождя волосы и сел рядом с Мёнгилем.

Мёнгиль посмотрел на его вконец растерянное лицо и понял, что от Кёнпхаля сейчас ничего не добьешься.

— Рассказывай ты, Муниль, что там опять случилось?

Муниль покосился на улыбающуюся мать Мёнгиля, потом на закрытую дверь так, словно в ней таилась какая-то неведомая, но грозная опасность, и нехотя принялся говорить.

Сегодня была их очередь дежурить в школе, в живом уголке. Лил дождь, на улицу выходить не хотелось, но вечером они все-таки отправились, как положено, в школу, чтобы накормить кроликов и поменять у них в клетках подстилки. Они были собою довольны. Муниль даже немного жалел, что никто их сейчас не видит — их, промокших до нитки, но честно выполняющих свой долг!

Откровенно говоря, потому он и предложил зайти к Мёнгилю. Нет, конечно, он не собирался хвастать — чем хвалиться-то? Просто хотелось обо всем рассказать другу.

Кёнпхаль согласился, и они вышли на улицу. Дождь усилился, колдобины на дороге до краев наполнились водой, жидкая грязь хлюпала под ногами. Но настроение у ребят было отличное. Кёнпхаль шел, как всегда насвистывая какую-то песенку. Муниль, подняв кверху лицо, ловил ртом струи дождя.

Вот уже виден дом Мёнгиля. В окнах горит свет. Кёнпхаль как раз хотел по этому поводу что-то сказать, как вдруг холодная, мокрая рука Муниля зажала ему рот. Второй рукой Муниль молча показывал на освещенные окна дома.

Кёнпхаль глянул в направлении его руки, и у него вырвался сдавленный крик: та же знакомая, странная тень с раз-

вевающимися космами, пригибаясь, стояла перед окном. Едва раздался крик Кёнпхаля, она метнулась в сторону и исчезла, будто ее и не было...

— Что-то у вас, ребята, последнее время стало в глазах мельтешить,— засмеялась мать Мёнгиля, выслушав этот рассказ.— Может, и впрямь есть на свете нечистые духи?

И она снова расхохоталась.

— Ну, тетушка, мы же видели своими глазами! — взмолился Кёнпхаль, призывая взглядом в свидетели Муниля.

Тот пожал плечами: он ведь только что рассказал.

«И Мёнгиль снова не верит»,— взглянув на Мёнгиля, с обидой подумал Кёнпхаль. Он махнул рукой и смолк на полуслове. Замолчал и Муниль. Немного погодя, нехотя рассказав про кроликов, они попрощались и отправились по домам.

Проводив ребят, мать Мёнгиля в глубокой задумчивости присела на кан, потом подошла к шкафчику и вытащила из ящика фонарик.

— Ложись спать, Мёнгиль, — сказала она. — Я скоро приду.

Она вышла во двор. Сеял мелкий, нудный дождик, вдали еще погромыхивал гром. Мёнгиль походил по комнате, потом схватил кепку и, быстро надев ее, выбежал вслед за матерью. Она стояла, светя перед собой фонариком, разглядывая, словно увидала впервые, персиковое дерево.

Потом мать Мёнгиля не спеша пошла вдоль ограды, рассматривая что-то на мокрой, булькающей дождем земле, заглянула в собственное окно, словно кого-то искала в своем доме. Мёнгиль подошел к ней поближе.

— Ну что? — коротко спросил он.

— Следы,— так же коротко ответила она.

На рыхлой земле отпечатались чьи-то большие следы. Ливень размыл их, сделал расплывчатыми, неясными, но это несомненно были следы высокого, сильного человека. Они вели за сарай, на огород и там пропадали: как могли они сохраниться в этой жидкой грязи!

Мёнгиль молча взял мать за руку, повел ее в дом. В глубокой задумчивости она присела на кан.

— Интересно, кто это болтается по ночам у чужих дворов? — тихо начал Мёнгиль, но мать перебила его.

— Прошу тебя, сын,— сказала она,— никому о сегодняшнем не рассказывай. Договорились? А ребятам скажи, что им показалось...

Несмотря на увещевания Муниля, Кёнпхаль все-таки не удержался. Придя в школу, он первым делом принялся рассказывать о вчерашнем происшествии. И, конечно, ребята снова подняли друзей на смех.

— Делать вам нечего,— смеялись мальчишки.— И как не надоест одно и то же болтать?.. Придумали бы что-нибудь поновее!

В субботу на сборе вожатый начал разговор о суевериях, и ребятам здорово влетело за их байки. Самое обидное, что выступил и Мёнгиль. И обратился он прямо к друзьям.

— В самом деле, хватит, ребята, болтать! — сказал он. — Не то станем посмешищем для всей деревни: ну и пионеры, скажут. Давайте-ка лучше заниматься делом. Рот лучше держать на замке...

Пионеры расхохотались, а Кёнпхаль с Мунилем очень обиделись. Это они-то не занимаются делом! Кёнпхаль прямо задохнулся от возмущения: «Ну и Мёнгиль, хорош друг, нечего сказать! Теперь от ребят проходу не будет!»

Он хотел поговорить после сбора с Мёнгилем, но тот куда-то исчез. Последнее время его невозможно было поймать.

3

Однажды Чхонён пришел к Мёнгилю раньше обычного. Он был явно чем-то встревожен.

— Что с тобой? — спросил Мёнгиль.— Ты, случайно, не заболел?

— Да нет,— принужденно улыбнулся Чхонён. Губы его дрожали.

Мать Мёнгиля, войдя в дом и сняв с головы мокрый от дождя платок, внимательно посмотрела на мальчика, приложила ладонь к его горячему лбу.

— Что вы, тетушка,— чуть отодвинулся от нее Чхонён,— я здоров...— И он повернулся к Мёнгилю: — Давай заниматься...

У ребят уже наступили каникулы, но Чхонён по-прежнему приходил к Мёнгилю позаниматься алгеброй — он твердо решил на следующий год идти вровень с классом по всем предметам.

Однако сегодня дело явно не шло на лад: Чхонён был рассеянным, невнимательным. Собираясь домой, он вдруг сказал, глядя куда-то мимо Мёнгиля:

— Послушай, Мёнгиль, что ты думаешь обо всех этих россказнях?

— Каких россказнях? — не понял Мёнгиль.

— Ну об этих, что ребята рассказывали... О духах всяких там, привидениях...

Мёнгиль удивился: «С чего это он вспомнил?» — потом усмехнулся:

— Выдумки все это! Мы же говорили на сборе...

— Значит, ты не веришь, что они в самом деле все это видели? — с непонятной настойчивостью допытывался Чхонён.

— Конечно, не верю,— улыбнулся Мёнгиль.— Просто им померещилось, а они с перепугу невесть что насочиняли.

— Вот как...— с облегчением пробормотал Чхонён.— Ну я пошел...

— Куда ты, Чхонён? — В комнату с подносом горячего, дымящегося риса вошла мать Мёнгиля. — Оставайся ужинать. Да, кстати, мама твоя нынче не была в поле. Она нездорова?

— Здорова,— покраснев, буркнул Чхонён.

— А что же случилось? — не заметив этой перемены, снова спросила председатель.

— Случилось?! — сорвался вдруг Чхонён.— На базар отправилась, вот что «случилось»!

Мать Мёнгиля нахмурилась:

— И что она на базар повадилась ходить? В кооперативе палец о палец не ударит... Только слухи всякие распускает, людей сбивает с толку...

Чхонён стоял багровый, низко опустив голову. Мать Мёнгиля положила руку ему на плечо и мягко добавила:

— Не понимаю я твою маму, Чхонён. Ну те, которые при японцах жили богато, они-то, конечно, нас ненавидят. А вы? Вам ведь с кооперативом одна дорога. Неужто ей это не ясно?

— До свидания. Я пойду,— вместо ответа сказал Чхонён и открыл дверь.

— Я провожу тебя! — Мёнгиль выскочил вслед за ним.

Он не знал, что сказать другу, как утешить его, и молча шагал рядом с ним по узкому, темному переулку. Звенели цикады, на безлунном небе сквозь рваные облака изредка пробивались слабые звезды.

— Послушай, Чхонён, отчего ты последнее время опять загрустил? — не выдержал Мёнгиль.

Чхонён молчал. Он шел, как обычно, неспешным, широким шагом, опустив упрямую голову, и не говорил ни слова.

— Может, ты за что-то на меня обиделся? — продолжал Мёнгиль.— Скажи, что с тобой?

— Да так... Ничего...— пожал плечами Чхонён.

— Но я же вижу,— вздохнул Мёнгиль.

Он действительно видел: на душе у его друга тревожно, с ним что-то произошло, что-то его мучает. Но что именно, этого Мёнгиль не знал. И Чхонён не говорил ему. Почему он молчит? Боится? Но кого? Чего? Да, не очень-то он, видать, смел, его новый товарищ... А может, он просто не хочет сказать?..

— Пока,— бросил Чхонён и, не оглянувшись на друга, хлопнул калиткой.

— Пока,— пробормотал Мёнгиль и долго еще стоял, глядя Чхонёну вслед.

Когда Мёнгиль вернулся домой, мать уже собрала ужинать. Она виновато покосилась на сына: ну что она набросилась на его друга? Чхонён и так был чем-то расстроен. Вот и поесть не остался. А тетушка Хван еще небось из города не вернулась. Так и ляжет мальчик спать голодным...

Она вздохнула, но ни о чем не спросила сына, а только сказала:

— Чхонён забыл свой учебник. Отнеси ему завтра.

Мёнгиль рассеянно взял в руки учебник, и вдруг из него выпала тонкая, сложенная вдвое полоска бумаги. Видно, лежала она в книге давно: бумага стала совсем желтой, стерлась на сгибах.

Мёнгиль развернул листок. Перед ним был рисунок: высокие горы, поля, на меже большое дерево. Пожалуй, это даже был не рисунок, а что-то вроде топографической карты.

— Смотри, мама.— Мёнгиль показал листок матери.

— Какие-то поля, горы... Это что, Чхонён так хорошо рисовал? — удивилась она.

— Что ты! — рассмеялся Мёнгиль.— Да ни в жизнь он так не нарисует!

Поужинав, Мёнгиль лег спать, а мать села что-то считать.

Наутро, едва рассвело, прибежал Чхонён.

— Где мой учебник? — выпалил он прямо с порога.— Я вчера его здесь оставил!

Он даже дрожал весь от нетерпения. Мёнгиль подал ему учебник, и Чхонён принялся лихорадочно листать его. Найдя рисунок, он тут же захлопнул книгу.

— Что там у тебя за рисунок? — поинтересовался Мёнгиль.— Здорово нарисовано: поля, горы как настоящие...

Чхонён вздрогнул, потом, немного помедлив, ответил:

— Это когда-то отец рисовал...

— А что он нарисовал? — совсем тихо спросил Мёнгиль.

— Ну что...— растерялся Чхонён.— Разве не видишь? Горы вот, поля...

Вошла мать Мёнгиля:

— А, Чхонён... Молодец, что пришел! Как раз готов завтрак.

— Нет-нет, я пойду,— заторопился Чхонён, но она и слушать ничего не хотела.

Скоро все трое уже сидели на циновке за низеньким столиком.

— Помню, в такой же вот теплый день объявили о земельной реформе,— задумчиво улыбнулась женщина.— Твой отец, Мёнгиль, тогда стоял во дворе на коленях, мял землю в руках и плакал от счастья. И твой папа, Чхонён, тоже, наверное, плакал в тот день от радости... Понимаете ли вы, мальчики, каким это было тогда событием?

— Угу,— ответил Мёнгиль, уплетая вкусную кашу.

Чхонён к ней почти не притронулся.

А вечером, встретив Чхонёна на улице, Мёнгиль так и ахнул от изумления: под правым глазом Чхонёна красовался огромный синяк, глаза заплыли, опухли, словно он долго плакал.

— Колол дрова и упал...— не дожидаясь вопроса, пояснил Чхонён и медленно побрел дальше. Он даже не остановился поболтать с приятелем.

Глава третья

ЕЩЕ ОДНО ПРОИСШЕСТВИЕ

1

С Мунилем в последнее время что-то случилось. Он перестал болтать и смеяться, не заходил уже, как бывало, со всеми своими вопросами и раздумьями к Мёнгилю и даже на речку его теперь было трудно вытащить. А ведь Муниль плавал лучше всех мальчишек в деревне и еще недавно не прочь был этим похвастать.

Кёнпхаль, скорый на всякие прозвища, рассердившись на друга, называл его теперь индюком.

— Эй, индюк! — кричал он по утрам под окнами Муниля.— Пошли купаться! Хватит тебе дома сидеть.

Но Муниль даже не показывался.

«Что это с ним?» — недоумевал Кёнпхаль и в который раз плелся на речку один.

А Муниль, дождавшись, когда опустеют выбеленные солнцем деревенские улицы, стремглав летел в коровник. У коровника он замедлял шаги, осторожно открывал тяжелую скрипучую дверь и входил в полумрак пахнущего душистым сеном сарая.

В дальнем углу, на подстилке, лежал Оллук — краса и гордость деревенского стада. Около него, горестно покачивая головой, сидел на корточках дед Муниля — Токпо.

Оллук захворал. По ночам он жалобно мычал в стойле, ничего не ел и только пил и пил воду. Дед совсем голову потерял от горя. Каждый день на рассвете приходил он к Оллуку, приносил ему свежей травы и потом уже ни на шаг не отходил от вола и все спрашивал:

— Ну что тебе дать, голубчик ты мой? Ну поешь хоть немного...

Оллук глядел на деда влажными печальными глазами и отворачивал морду от душистой травы.

Дед Токпо не знал, что делать. Три раза ездил он в уезд, привозил всяческие снадобья; привез как-то даже ветеринара, и тот пытался лечить Оллука иглоукалыванием. Ничего не помогало. С каждым днем Оллуку становилось все хуже. Он уже не жевал жвачку, целыми днями лежал на подстилке и не мычал, а лишь громко вздыхал.

Дед чувствовал себя виноватым перед всеми односельчанами: не уберег вола! При встрече с соседями он отводил взгляд, не отвечая на ставший уже обычным вопрос:

— Ну, как там Оллук?

Вечером он ворчал на всех в доме, а утром опять уходил к своему Оллуку и проводил там весь день. Даже обед Муниль приносил ему прямо к коровнику...

Скоро вся деревня знала, что Оллуку совсем плохо. Ребята больше не звали своего товарища на реку, не смеялись над ним.

И Кёнпхаль прикусил язык.

— Я же не знал, в чем дело,— оправдывался он перед друзьями и обещал оторвать язык тому, кто хоть раз назовет его друга индюком.

Как-то друзья все вчетвером нарвали в горах свежей травы, пришли в коровник. Вол лежал в дальнем углу, рядом с ним сидел на корточках дед Муниля и гладил его по впалым бокам. Муниль положил перед мордой Оллука пучок травы.

— Ну как, не лучше? — тихо спросил он.

— Куда там! — Дед безнадежно махнул рукой. За эти тяжелые дни он еще больше состарился, стал еще суше и словно бы меньше ростом.

К деду несмело приблизился Кёнпхаль.

— Что с ним, дедушка? — спросил он тихо.

— Кабы знать, разве допустили бы до такого? — вздохнул дед и, кряхтя, поднялся: — Помогите-ка сменить солому...

Ребята приподняли задние ноги вола, дед поменял подстилку. Чхонён сунул охапку травы прямо волу в морду, но тот даже глаза не открыл, только вздохнул.

— Поешь, милый, поешь...— приговаривал дед, ласково похлопывая вола по спине.

Потом, так ничего и не добившись, дед Токпо пошел, прихрамывая от усталости, в угол, где хранились корма. Муниль непонимающе смотрел ему вслед: «Зачем он идет туда? Ведь Оллук все равно ничего не ест».

Дед принес большую пузатую бутыль с наклейкой, вылил из нее на тарелку какую-то жидкость и снова вернулся к волу.

— Поднимите ему голову,— хмуро буркнул он.

Ребята подняли тяжелую голову Оллука, и дед, осторожно раздвинув ему пальцами губы, влил волу в глотку лекарство.

— Да... Не было горя...— вздохнул старик.— Девятый день мается...

— Может, он съел что-нибудь? — несмело предположил Мёнгиль, но дед покачал головой:

— Я ж ему корма-то даю, никто другой...

Снаружи послышались голоса. В коровник вошли мать Мёнгиля и ее заместитель — высокий толстяк, дядя Кёнпхаля.

— Ну как дела? Полегче? — зарокотал толстяк басом.

— Какое! — махнул рукой дед.— Подыхает Оллук, как есть подыхает!..

Мать Мёнгиля молча присела рядом с волом, подняла ему веко. Вол не пошевелился.

— Когда вы заметили, что вол заболел? — спросила она.

— Да вот уж девять дней будет,— вздохнул дед.

— Девять дней...— задумчиво повторила мать Мёнгиля.

Мёнгиль внимательно посмотрел на нее. Словно молния мелькнула в его голове мысль — как же он раньше не догадался? «Девять дней... Девять дней...» — мысленно повторял он, возвращаясь домой.

2

В этот день весь их отряд полол кукурузу. Это был их собственный участок, и ребята очень гордились тем, что вырастили такую красавицу. Щедро удобренная навозом кукуруза золотилась на солнце. Ее высокие стебли скрывали ребят.

— Ну что нового на нашей ферме? — разогнул усталую спину Мёнгиль.

Ребята и не заметили, как вслед за взрослыми привыкли считать своими и ферму, и Оллука, и все хозяйство. Муниль не успел ответить. Вдали показался Кёнпхаль: мальчишки отправили его за водой.

— Глядите-ка, да он вроде без кувшина! — крикнул толстяк Чон.

Кёнпхаль действительно был без кувшина. Он во весь дух бежал к ребятам и что-то кричал.

— Сейчас опять что-нибудь насочиняет...

— Да, это уж по его части...— посмеивались ребята.

Наконец Кёнпхаль добежал до поля и, задыхаясь, крикнул:

— Да вы что, оглохли, что ли?.. Оллук, говорю, сдох!..

Он судорожно глотнул — во рту у него совсем пересохло — и без сил опустился на землю. Ребята растерянно молчали. Первым пришел в себя Мёнгиль.

— Эй, сюда, скорее! — крикнул Мёнгиль тем, кто работал на дальнем конце поля и не слышал ошеломляющей новости.

Через десять минут все уже бежали к коровнику. Муниль поотстал. Он шел, сунув руки в карманы, и глотал соленые слезы.

Бедный Оллук! Дед за ним так ухаживал! Целыми вечерами, бывало, рассказывал о своем красавце, ночи не спал, когда тот заболел... Все напрасно! Не спасли Оллука!

У коровника было так же многолюдно, как в день торжественного открытия. Муниль не без труда пробился к воротам. Ветеринар в клеенчатом длинном халате ощупывал брюхо сдохшего вола.

— Придется делать вскрытие,— сказал он и взглянул на мать Мёнгиля.

Та молча кивнула.

Притихшие крестьяне, заглядывая через плечи друг друга, пытались рассмотреть, что же творится в коровнике.

— Говорила я: где ж одному за целым стадом глядеть...— вздохнула какая-то старуха.

Муниль сжал кулаки: теперь пойдут разговоры!

Эх, Оллук, Оллук!.. Как радовались все в тот весенний солнечный день, когда его привели в новый коровник! А мальчишки — те и подавно были в восторге. Сколько потом перетаскали ему свежей травы! Сколько раз Муниль помогал деду чистить вола, смотрел, как Оллук пьет, как не спеша жует принесенное ему угощение, как гордо идет впереди стада!

А однажды Муниль даже поругался из-за него с Паком. Пак Пхунсам тогда возвращался с поля, и телега, в которую был впряжен Оллук, увязла в болоте. Пхунсам подгонял вола хворостиной и ругался на чем свет стоит. А ведь он был сам виноват: хотел сократить дорогу, вот и увяз в грязи.

Пак орал как безумный и колотил вола так, что сломал хворостину. Муниль, не помня себя от ярости, подскочил к негодяю, вырвал у него из рук хворостину.

«Как ты смеешь! — срывающимся голосом закричал он.— Кто тебе дал право...» — Он даже заикаться стал от волнения.

«Подумаешь!» — скривился Пак, но бить вола перестал.

Чтобы помочь Оллуку, Муниль не пожалел свои новые кеды. Шагая прямо по жидкой грязи, он подошел к телеге, позвал Пака, и они вдвоем вытащили глубоко засевшее в грязи заднее колесо...

Ветеринар производил вскрытие, а крестьяне терпеливо ждали, что же он скажет.

— Верно, какая трава ядовитая попала,— высказал предположение долговязый Ким.

— Не иначе, дурной глаз сглазил...— вздохнула тетушка Хван.

Мёнгиль усмехнулся: «Как же, трава! Где она, интересно, в здешних краях? Нет, тут что-то другое...» Мёнгиль поискал

в толпе друзей. Муниль стоял рядом с дедом и смотрел на него полными слез глазами. Кёнпхаль что-то горячо доказывал собравшимся вокруг него мальчишкам. Чхонён стоял в стороне, глядя в землю. Лицо его было таким мрачным, что Мёнгиль даже поежился.

Через полчаса из коровника вышел ветеринар. Несколько минут он молча смотрел на сразу притихших крестьян, потом принялся устало снимать с себя фартук.

— Он проглотил гвоздь, ваш Оллук,— сказал он наконец.

Толпа ахнула. Потом все заговорили разом, не слушая друг друга, гневно и возбужденно. Кто-то в ярости крикнул деду Муниля:

— Ну, старик, с тобой мы еще поговорим!..

Дед ничего не ответил. Маленький, щуплый, даже не пытаясь защищаться, он сгорбившись стоял перед разъяренными односельчанами.

И тут, как и тогда, на мельнице, вперед протиснулся Пак Пхунсам. Его широкое лицо сияло.

— Надо разобрать все, как было! — злорадно заорал он.— Кто мог подсунуть гвоздь, а? — И он повернулся к деду.

Старик вздрогнул. Он словно проснулся, обрел вдруг дар речи, понял, в чем его обвиняют.

— Может, ты скажешь, что я подсунул ему этот гвоздь? — тонким, дребезжащим от волнения голосом сказал он.

Пак вытаращил налитые кровью глаза, потом прищурился.

— А кто в коровнике полный хозяин? — вопросом на вопрос ответил он.— Скажешь, не ты?..

— Ну и что? — растерялся дед и умолк. Руки его дрожали.

— Чего молчишь-то? — обрадовался Пак. — Все «я» да «я»... «Я за кооператив»! «Я за всех»!.. А на деле?..

Умолкшие было крестьяне опять зашумели. Муниль до крови закусил губу. Неужели они думают, что дед способен на такое злодейство? Да ведь он все девять суток ночи не спал.

себя не жалел, чтобы Оллука вылечить! Как они могут?.. А все этот мерзавец Пак! Схватить бы его за глотку, чтоб он поперхнулся гадкими своими словами! Но что он, Муниль, может сейчас сделать?..

А ветеринар меж тем показывал гвоздь — тот, что был у вола в желудке.

— Нет сомнения в том, что гвоздь попал в желудок давно,— говорил он матери Мёнгиля и дядюшке Хенгю.— Смотрите, желудок вола продырявлен в двух местах.

Он проводил их в коровник и, наклонившись над Оллуком, стал что-то показывать. Хенгю жестом попросил его замолчать, прислушался к тому, что творилось снаружи.

— Простите, пожалуйста! — сказал он ветеринару.— Я на минутку...

— Погубили вола! Погубили! — бесновался у коровника Пак.— Надо немедленно найти виновного! Надо сообщить в милицию!..

— Помолчал бы ты лучше,— тронул его за плечо Хенгю.— Как-нибудь без тебя разберемся!

Пак сразу умолк. Но тут вышла мать Мёнгиля, и он начал снова. Теперь он уже не кричал, а говорил спокойно и рассудительно, обращаясь только к ней одной:

— Ужас-то какой, товарищ председатель! Кто же это входил в коровник? Вроде никто. Кроме деда, конечно...

— Да ладно тебе! — оборвал его дед Токпо.— Чего несешь-то?

Остальные молчали. Что они могли сказать? В самом деле, никто вроде в коровник не приходил... А старика жаль. Всю жизнь батрачил, и отец его был батраком, и дед... Три поколения служили помещику. Наконец пришло Освобождение. Дали крестьянам землю. Только зажили как люди — война. Отец Муниля ушел на фронт, мать с дедом работали за троих. Потом в деревне создали кооператив. Казалось, всем бедам конец. И вот на́ тебе — такое несчастье!

А ведь как старался старик! Как ухаживал за своими

питомцами! Как-то заболел теленок, так он забрал его домой и три дня выхаживал возле теплого кана — вся деревня знала об этом. Ох, беда, беда!..

3

К вечеру в опустевшем коровнике остались четверо: Мёнгиль, Кёнпхаль, Муниль и Чхонён.

— Знать бы, кто это сделал...— сжал кулаки Кёнпхаль.

— Гадина какая-то! — Смертельно бледный Муниль все еще переживал недавние ужасные слова Пака.

Чхонён мрачно молчал. Губы его страдальчески кривились.

— Послушай, Кёнпхаль...— озаренный вдруг внезапной догадкой, заговорил Мёнгиль.— Когда вы во второй раз видели «нечистый дух»? Ну помните, у нас под окнами, а?

Кёнпхаль с досадой поморщился: «Нашел, что вспомнить! Дался ему этот дух! И так все потешаются...»

— Ведь это было несколько дней назад, да? — продолжал допытываться Мёнгиль.

— Ну да...— неохотно подтвердил Кёнпхаль.

— Вспомни поточнее, когда это было. Это очень-очень важно! — настаивал Мёнгиль.

Кёнпхаль, нахмурив лоб, стал вспоминать, загибая пальцы. Потом улыбнулся:

— Конечно, это было в тот самый день, когда мы с Мунилем дежурили в последний раз в школе... Девять дней назад.

Мёнгиль невесело усмехнулся:

— Ну, тогда смерть Оллука — тоже проделки вашего «нечистого духа».

— Что? — переспросили ребята.

Чхонён искоса взглянул на Мёнгиля: он-то понял, о чем говорил его друг.

— Ведь ты же не верил нам? Говорил, что «нечистый дух» нам померещился? — теребил Мёнгиля Кёнпхаль.

— А я и сейчас не верю,— спокойно ответил Мёнгиль.— Нечистые духи бывают только в сказках, а в жизни бывают друзья и враги...

Чхонён вздрогнул и побледнел.

— Пошли отсюда,— пробормотал он.— Погуляем лучше...

Они прошли через всю деревню, подошли к каналу и уселись на берегу. У самых их ног плескалась темная вода, в небе поблескивали первые звезды.

— Мать говорит,— нарушил молчание Мёнгиль,— что в деревне есть люди, ненавидящие кооператив...

— А кто это? — оглядываясь, словно кто-то может его услышать, шепотом спросил Кёнпхаль.

— Ну вот, так ему и скажи! — с досадой махнул рукой Мёнгиль.— Откуда мне знать? Ты, Кёнпхаль, прямо как маленький! Эти люди где-то скрываются...

— Сам знаю, что скрываются... Надо найти их!

— Найди,— усмехнулся Муниль.

Чхонён молчал. В темноте не было видно выражения его лица.

— Мать говорит, что не все помещики убежали на Юг,— задумчиво продолжал Мёнгиль.— Многие попрятались, другие поменяли имена и живут рядом с нами, вредят нам...

— А ты видел когда-нибудь живого помещика? — Муниль подвинулся к Мёнгилю поближе.

— Откуда? — усмехнулся Мёнгиль.— Мне только мать рассказывала.

— А мне — дед! — подхватил Кёнпхаль.

Перебивая друг друга, они принялись рассказывать всякие истории из жизни своих родителей, и только Чхонён по-прежнему сидел молча, покусывая стебелек тонкой травинки.

Мать Мёнгиля вернулась домой только ночью. Но Мёнгиль не спал, ждал ее возвращения.

— Ты почему не спишь? — устало спросила она.

— Так... Не хочется...— неопределенно отозвался Мёнгиль.

— Что с тобой, сын? — Она подошла к Мёнгилю, ласково провела рукой по его волосам.

— Мама,— звенящим от напряжения голосом сказал Мёнгиль,— кто же убил Оллука?

— Пока не знаем,— сдержанно ответила мать, машинально поправляя упавшую на лоб прядь волос.— Но узнаем. Обязательно.

Она села рядом с сыном, внимательно посмотрела ему в лицо, улыбнулась:

— Вот ты и стал у меня совсем взрослым...

А Мёнгиль волновался все больше и больше.

— Неужели кто-нибудь думает на деда Муниля? Ведь это ужасно!

— Ужасно,— согласилась мать.

— Он не такой человек! Он не может! — стукнул кулаком о колено Мёнгиль.

Мать, улыбнувшись, положила ему на плечо теплую руку. «Успокойся, сынок»,— говорил ее взгляд. Но Мёнгиль ничего не замечал.

— Помнишь «нечистого духа», о котором рассказывал Кёнпхаль? — продолжал он.

Мать кивнула.

— Они ведь видели его ровно девять дней назад! И Оллук как раз тогда заболел...

Мать задумчиво выслушала сбивчивый рассказ сына.

— Как-то, сынок, я рассказывала тебе о помещике, на которого мы с твоим отцом батрачили,— сказала она.— Думаю, это дело рук таких, как он...

Она помолчала и добавила:

— Надо найти этого самого «духа»...

И, придвинувшись к сыну, стала что-то ему говорить.

На улице дул ветер, качались и скрипели деревья. А мать с сыном все говорили и говорили...

Глава четвертая

КТО ОН?

1

По темному, вечернему небу неслись на восток тяжелые тучи. Холодный, пронизывающий насквозь ветер свистел в ветвях деревьев, и они стонали и гнулись, словно жалуясь на непогоду.

А в домах ярко горели огни, из освещенных окон доносились негромкие голоса: люди отдыхали после напряженного трудового дня.

По переулку неслышными торопливыми шагами шли двое. Вот они подошли к правлению, прислушались.

— Твоя мать выступает,— тихо сказал Чхонён.

— Да, она,— подтвердил Мёнгиль.

Голос матери звенел от гнева.

— И кто-то тут еще говорит, что Оллук сдох из-за халатности старика! Нет, это не несчастный случай, а преступление! А эти нелепые слухи, что снова и снова ползут по деревне, откуда они?.. Нужно усилить охрану школы, мельницы и коровника, вот что я вам скажу! Давайте обсудим, как это лучше сделать...

Да, мать Мёнгиля была права. На деревне снова болтали кумушки:

«Конец, конец кооперативу...»

«Помрем все с голоду...»

«Детей, говорят, отберут, а нас в одном бараке поселят...»

И даже те, кто первыми вступили в кооператив, те, кто всегда смеялись над подобными россказнями,— даже эти люди заколебались: может, и вправду ничего не получится? Вон ведь что творится: беда за бедой. И все — теперь уже все — говорили о странном «нечистом духе», которого дважды видели вечерами мальчишки...

Ребята постояли немного у правления, потом тихо отошли от окон и отправились к водохранилищу. Чхонён поежился:

— Вернемся, Мёнгиль, ужас какой холодище...

— Подожди немного,— негромко отозвался Мёнгиль.

Чхонён промолчал. Он по-прежнему был грустным и озабоченным, еще больше похудел — остались одни глаза. Казалось, Чхонён перенес какую-то тяжелую болезнь. Но сколько ни пытался Мёнгиль узнать, в чем дело, что тревожит товарища, Чхонён отмалчивался и только старался все время быть рядом с другом.

Мёнгиль, его мать, новые друзья открыли Чхонёну другой, не известный ему прежде мир, и он тянулся к этому миру, как изголодавшееся растение тянется к солнцу. Ведь до сих пор он был так одинок в своем постылом доме за высоким забором, отгораживающим его от других людей!

Ему казалось, что он не нужен никому на свете, и потому он уверил себя в том, что и ему нет до людей дела. Чхонён не только не знал радости, он и не хотел ее узнавать, не верил в нее...

И вот словно кто-то разбудил Чхонёна, открыл ему глаза. Оказывается, не во всех семьях так, как у них; оказывается, сын с матерью могут быть друзьями, людьми по-настоящему родными друг другу.

Мёнгиль с матерью его любили, он знал это. А он? Чхонён готов отдать за них жизнь, но хватит ли у него сил рассказать им постыдную правду — правду, которая так мучит его?

Нет, никогда! Этого он не может! Если они узнают его тайну, все будет кончено. Они отвернутся от него, закроют двери в тот сияющий мир, который хоть немного, но стал и его миром... Он не может признаться им!..

Друзья сели у самой реки. Шум воды заглушал шелест высоких стеблей кукурузы. Ветер, наполненный свежестью, стих. Надвигалась гроза. Что-то тревожное висело в воздухе, и так же тревожно было на душе у Чхонёна.

— Знаешь, Чхонён,— задумчиво сказал Мёнгиль,— я почему-то все время за тебя беспокоюсь... Сам даже не понимаю...

Он смутился и замолчал. Чхонён не ответил, только вздохнул. А может быть, это прошелестел ветер?..

Ребята встали. Пошли по узкой тропинке через кукурузное поле. Мёнгиль тронул Чхонёна за руку.

— Ты кем будешь, когда кончишь школу? — спросил он.

— Не знаю...— растерянно отозвался Чхонён.

Он даже не слышал вопроса. Он только почувствовал прикосновение руки друга, и оно, это прикосновение, наполнило теплом его озябшую душу...

— А я уже решил — агрономом! — мечтательно улыбнулся Мёнгиль.— Представляешь, какой к этому времени станет наша деревня? Соломенных крыш не будет! Все дома покроют

черепицей! В окнах — стекла, стены — белые, посреди деревни — клуб, и каждый день кино!..

Мёнгиль говорил все громче, возбужденно жестикулируя и спотыкаясь в высокой траве. Он давно уже сошел с тропинки и теперь шагал рядом с Чхонёном, заглядывая ему в лицо. Ему хотелось видеть, какое впечатление производит его рассказ.

— И это еще не все! — Он снова схватил друга за руку.— На холмах разобьем сад! По всей деревне посадим цветы!..

— Да, хорошо,— пробормотал Чхонён.

— Всем тогда хорошо будет! Все будут счастливы: и я, и ты, и твоя мама...

— Ты только о моей матери не говори! — оборвал вдруг Мёнгиля Чхонён.— Никогда не говори, слышишь!

И Чхонён резко вырвал руку из руки товарища.

Первые капли дождя упали на землю.

— Мёнгиль! — Чхонён вдруг остановился, да так резко, что Мёнгиль чуть не налетел на него.

— Ты что? — Мёнгиль придвинулся к другу, стараясь разглядеть в темноте выражение его лица.

— Скажи своей матери,— задыхаясь от волнения, быстро проговорил Чхонён,— скажи ей, чтобы никуда не выходила сегодня... Ну, как вернется с правления... Хорошо?

Мёнгиль в недоумении смотрел на него.

— Понимаешь, в деревне ведь беспокойно... А она председатель и в партии...

Чхонён волновался все больше и больше. Тревога его передалась Мёнгилю, но он еще улыбался.

— Да что с тобой? — спросил он.

— Я за твою маму... Я ее как родную...— еле слышно прошептал Чхонён.

— По-моему, ты напрасно...—начал было Мёнгиль, но Чхонён не дал ему кончить.

— Я знаю, что говорю! — в отчаянии крикнул он.— Скажи, чтобы не выходила, слышишь!

— Чхонён,— помолчав, тихо сказал Мёнгиль.— Ты что-то знаешь...

— Я... Да... Нет... Нет, ничего...

И Чхонён быстро пошел вперед. Мёнгиль с трудом поспевал за ним. На душе у него было скверно. «Матери грозит беда, это ясно. Но какая? Что имеет в виду Чхонён?..» Вопросов было много, а ответа — ни одного.

— Послушай, Чхонён! — крикнул Мёнгиль.

Тот не оглянулся.

— Что случилось? Что грозит матери? Скажи, если знаешь...

Чхонён будто не слышал. Он почти бежал, чуть наклонившись вперед, крепко сжав зубы, яростно шлепая по жидкой грязи.

«Что с ним? — метались в голове у Мёнгиля тревожные мысли.— Почему он молчит? Боится?.. Но ведь мы с ним давно уже как родные братья!..»

Дождь стучал по жестким стеблям кукурузы. Чхонён наконец оглянулся.

— Ну вот, дождались настоящего ливня! — крикнул он так, словно и не было только что этого тяжелого разговора.

Он дождался, пока Мёнгиль поравняется с ним, хлопнул его по плечу:

— Побежали?

Дождь как будто ждал этого приглашения: с неба обрушился сплошной холодный поток—попробуй убеги от него!

— Переждем в сторожке! — прямо в ухо прокричал Мёнгилю Чхонён.

Ребята, поеживаясь в мокрых, прилипающих к телу рубашках, вбежали в сторожку.

В сторожке было тепло и сухо. По крыше барабанил дождь, и от этого здесь казалось еще уютнее. Ребята сняли рубахи и, крепко выжав, повесили их сушиться. Оба молчали, думая об одном и том же. Первым не выдержал Чхонён.

— Мёнгиль! — окликнул он друга.

— Да? — встрепенулся Мёнгиль.

— Может быть... Если бы я оказался плохим, ну просто никуда не годным парнем, ты бы...— Он не докончил фразы.

Мёнгиль ждал, и Чхонён заговорил снова.

— ...ты бы как стал ко мне относиться? — проглотив застрявший в горле комок, закончил он наконец.

— Брось болтать ерунду! — возмутился Мёнгиль.—Как это ты можешь стать вдруг плохим? Скажешь тоже...

Помолчали.

— Это ты небось из-за матери, да? Из-за того, что ее все ругают? — осторожно спросил Мёнгиль.— А она, говорят, лучше теперь работает...

— Кажется, дождь стал потише,— вместо ответа сказал Чхонён.— Пошли, что ли...

И он, натянув мокрую еще рубаху, вылез из сторожки.

2

А в это самое время на другом конце деревни, в небольшой рощице, что росла недалеко от коровника, прятались Муниль и Кёнпхаль. Муниль наконец-то уговорил приятеля самим заняться поисками преступника. С тех пор как этот бездельник Пак на глазах у всего честного народа жестоко оскорбил его деда, Муниль не знал ни минуты покоя. Он должен найти того негодяя, что подсунул Оллуку гвоздь! Схватить его собственными руками! Тогда все увидят, что дед его невиновен!

— Что ж, попробуем подкараулить мерзавца. Может, он снова сюда пожалует? — согласился Кёнпхаль.

И вот они сидят в роще, до боли в глазах вглядываясь в темноту. Шумит ветер, раскачивая одинокий фонарь у ворот коровника, горько пахнет полынью.

— Послушай,— негромко заговорил Кёнпхаль,— тебе не кажется, что Чхонён снова стал каким-то странным?.. С тех пор, как сдох вол...

— Да брось ты,— отмахнулся от приятеля Муниль.— Он всегда был таким.

— А вот и нет! — разгорячился Кёнпхаль.— Он стал веселый, когда подружился с Мёнгилем, а теперь опять «да», «нет» — и всё тут...

Они замолчали. Ветер утих. Собиралась гроза. Сильнее пахли цветы и травы.

«За что Пхунсам так ненавидит деда?» — с горечью думал Муниль. Он вспомнил, как сегодня днем, остановив на улице тетушку Хван, Пак что-то шептал ей в самое ухо, показывая на проходящего мимо старика, а та смеялась и согласно кивала. «Конечно, этому болтуну уже давно не верят — он и на собрании, бывало, наговорит с три короба, а как до дела — сразу в кусты. Но дед все равно переживает...»

— Кёнпхаль! — пораженный внезапной догадкой, окликнул Муниль своего друга.— А что, если сам Пак это сделал? Может, потому он и к деду цепляется: на него свалить хочет?..

— Кто его знает,— пожал плечами Кёнпхаль.— А вообще-то не верится... Пак всегда веселый, болтливый, а вредители — они знаешь какие?..

— Сегодня я вышел рано утром — на двор захотелось,— не слушая Кёнпхаля, продолжал Муниль.— Смотрю, мимо дома крадется Пак. Куда это он отправился в такую рань?

— Может, пьянствовал до рассвета,— высказал свое предположение Кёнпхаль,— вот и брел домой потихонечку...

— Да нет, он был трезвый...— задумчиво протянул Муниль и снова надолго умолк.

Блеснула молния. Пророкотал гром. По листьям застучали тяжелые капли. Ребята теснее прижались друг к другу, но уходить не собирались. Они знали, что ливень скоро кончится и лучше переждать его под развесистым дубом, чем бежать по улицам под холодными струями.

— Вот ты скажи мне: что такое классовая борьба? — спросил вдруг Кёнпхаль.

— С чего это ты? — усмехнулся Муниль.

Но он отлично знал «с чего». Несколько дней назад уехал на курсы трактористов старший брат Кёнпхаля. Он оставил братишке тоненькую брошюру, которая так и называлась: «Что такое классовая борьба?». Кёнпхаль таскал брошюру в кармане и просвещал всех желающих. Вот и теперь он принялся растолковывать другу всевозможные премудрости, но Муниль вдруг схватил его за руку.

— Гляди!..

Знакомая им зловещая тень выскользнула из-за угла. Вот она уже у дверей коровника. Она крадется медленно, неслышно, мимо высокого плетня из стеблей гаоляна. В призрачном свете тусклого фонаря тень кажется огромной и страшной.

— Пошли за ним...— чуть слышно выдохнул Муниль и, пригибаясь, скользя по мокрой от только что прошедшего ливня глине, двинулся к коровнику.

Кёнпхаль крался следом за ним.

«А что, если этот человек вдруг обернется?» — с замиранием сердца подумал Кёнпхаль.

И в тот же миг кто-то цепко схватил его за ногу. Кёнпхаль изо всех сил рванулся вперед и упал: нога его запуталась в высокой полыни. Он рывком стащил с себя мокрые тапки: «В случае чего, удеру босиком...» Он уже забыл, что собирался вместе с Мунилем поймать негодяя...

Но что это? Незнакомец свернул в переулок, где живет Мёнгиль. Он шел, прижимаясь к плетням, сливаясь с опустившейся внезапно темнотой, и вдруг резко ускорил шаги. И пропал. «Неужто упустили?» — мелькнуло в голове у Муниля. Уже не скрываясь, добежал он до конца переулка, вернулся к Кёнпхалю, растерянно стоявшему у калитки одного из домов. Никого...

И тут со двора Мёнгиля вырвалось яркое пламя. Оно безмолвно полыхало в ночи, и легкое потрескивание огня заглушал шум ветра. Ребята ворвались во двор — никого, потом снова выскочили на улицу, принялись изо всех сил кулаками барабанить в окна и двери соседних домов:

— Скорее! Скорее!! Пожар!..

Соседки бежали с ведрами и кувшинами, мужчины тащили багры и топоры. Скоро языки пламени стали ниже, а потом и вовсе захлебнулись в водяных струях. К дому, задыхаясь, подбежала мать Мёнгиля: в который уже раз пытаясь образумить тетушку Хван, она пошла сегодня вечером к ней домой, и та совсем заморочила ей голову своими байками.

А Мёнгиль в это время искал мать по всей деревне: его встревожили слова Чхонёна...

Мать Мёнгиля вбежала во двор и остановилась, держась рукой за сердце. Слава богу, дом цел! Соседи расспрашивали друг друга о том, как все случилось, но никто ничего толком не знал. Услыхали крики, выбежали, видят — огонь! Бросились, конечно, тушить, ну и потушили... Говорят, первыми подняли тревогу ребята. Только где же они?.. А ребята, совсем потеряв голову от стыда и отчаяния, бегали по переулкам. Куда он пропал? Куда? Под босыми ногами Кёнпхаля хлюпала жидкая грязь.

— Эх ты, растяпа! — бросил другу Муниль: он просто не знал, на ком сорвать свою злость.

3

Утром Мёнгиль прежде всего пошел к Чхонёну, но того не оказалось дома. Хмурая, невыспавшаяся тетушка Хван на вопрос о сыне раздраженно бросила:

— Не знаю я, где он... Не до него мне!..

Мёнгиль вышел на улицу, побрел по раскисшей от ливня дороге, и тут его окликнул учитель Чансу:

— Поди-ка сюда, Мёнгиль.

Мёнгиль подошел.

— Я вам очень сочувствую,— негромко сказал учитель, — и тебе, и твоей маме. Не думаю, чтобы дом загорелся сам по себе: в деревне электричество, лучину не жжем. Правда, может

быть короткое замыкание, но... Нет, не думаю...— Он задумчиво покачал головой.

Мёнгиль и сам знал, что это поджог: после пожара пришли участковый и дядюшка Хенгю и подтвердили подозрения матери. Значит, враг действует. Как же он, Мёнгиль, проворонил его? Сидел как дурак в сторожке, а рядом горел их дом...

Учитель о чем-то думал. Потом спросил:

— Когда вернулся вчера домой Чхонён? Ты, случайно, не знаешь?

Мёнгиль вздрогнул: зачем это он? При чем тут Чхонён?

— Часов в десять, наверное...— запинаясь, ответил он.— Нет, кажется, в пол-одиннадцатого. А почему вы спрашиваете? С ним что-то случилось?..

— Случилось, Мёнгиль...

И он рассказал вот что.

Сегодня утром свинарь Чингю́ отправился в сарай за сеном: пора было менять свиньям подстилки. Он принялся ворошить сухую траву и вдруг... Что это? Торчит чья-то босая пятка... Оказалось, в сене спал Чхонён. Он спал так крепко, что даже приход Чингю не разбудил его. Лоб у Чхонёна был завязан какой-то грязной тряпкой, на щеке ссадина. Когда свинарь с трудом разбудил парня, тот уставился на него непонимающими глазами, а потом вскочил и как ошпаренный бросился вон из сарая. Только его и видали!..

— Вот какие дела, Мёнгиль,— закончил со вздохом учитель.— С другом твоим неладно...

— И где он сейчас? — заволновался Мёнгиль.— Я был у них только что, его нет... Где он?

— Не знаю...— пожал плечами учитель.— Думаю, он опять поссорился с матерью.

— А почему у него завязан лоб? — снова перебил учителя Мёнгиль.

— Хотелось бы мне знать самому...— пробормотал учитель Чансу и попросил Мёнгиля рассказать, о чем они говорили вчера во время прогулки.

Мёнгиль, наклонив голову, мучительно морща лоб, старался припомнить все подробности вчерашнего разговора с Чхонёном.

— Значит, он просил тебя сказать матери, чтобы она не выходила из дому? — нахмурившись, переспросил учитель Чансу.— Что ж, хорошо, что ты все это мне сказал. До свидания!

И учитель быстро зашагал к правлению.

Мёнгиль обошел всех соседей, облазил все закоулки — Чхонёна не было. У мельницы к нему присоединились Муниль и Кёнпхаль. Втроем они снова пошли к приятелю, но на калитке висел огромный, тяжелый замок. Никто не запирал в деревне дома, кроме тетушки Хван.

— Уже куда-то отправилась! — возмутился Кёнпхаль.— А до Чхонёна ей и дела нет!

Они искали друга до вечера, а вечером пошли к учителю Чансу.

— Его нигде нет! — с порога начал Мёнгиль.— Мы всю деревню облазили!

Учитель улыбнулся.

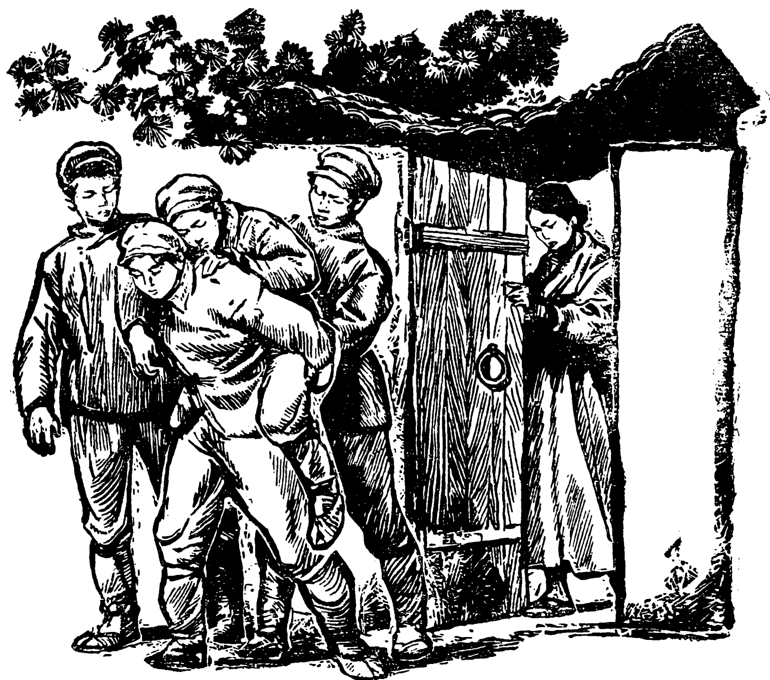
— Возвращайтесь-ка по домам, ребята,— мягко сказал он.— Я нашел его на берегу реки... Он плакал... Не ходите сейчас к нему. Завтра увидитесь...

На другой день они и вправду увидали Чхонёна. Лоб у него был завязан белым бинтом — учитель водил его на медицинский пункт,— большие глаза опухли.

— С матерью поругались...— неохотно обронил он, отвечая на молчаливый вопрос ребят.

«Так это, значит, она его так разукрасила! — с горечью понял Мёнгиль.— Какая же она злая!»

Конечно, он всегда недолюбливал его мать, но чтобы она била Чхонёна!.. Нет, этого он даже от нее не ожидал...

Глава пятая

ДРУЖБА

1

Пришла осень, первая осень с того дня, как в деревне организовали кооператив. Крестьяне встретили ее радостно. Весь год работали они в поте лица своего, зато сейчас урожай ожидали богатый.

Своими глазами видели теперь жители деревни Сингван, какая это сила — кооперация. Стеной стояла пшеница. Дул ветер, и золотые волны ходили по широкому полю. Косилка сме-

тала эти золотые волны, женщины вязали снопы, стараясь сохранить каждый колос, и вот уже длинными вереницами потянулись к правлению подводы с зерном.

Через неделю на широком дворе правления высилась целая гора зерна. И каждый, кто смотрел на нее, чувствовал гордость за себя и своих товарищей. Что и говорить, поработали славно! Ходили слухи, что на каждый двор пришлось по две тонны зерна и немало денег.

Ребята не отставали от взрослых. Сразу же после занятий бежали они на поле, и люди улыбались, слушая их веселые песни.

Наконец пришел день, когда стали распределять зерно. Все надели лучшие свои наряды, пришли в правление как на праздник, целыми семьями. Во дворе на сэнапе[1] играли веселые песни, барабанщик палочками отбивал такт, парни и девушки кружились в танце. Даже старухи вместе с молодыми подергивали, пританцовывая, плечами.

Людям было легко и радостно. Наконец-то исчезли, убежали куда-то омрачавшие жизнь темные слухи. В деревне стало спокойно. Правда, крестьяне по-прежнему были настороже — слишком суровыми оказались испытания, через которые им пришлось пройти.

Кёнпхаль с Мунилем, к примеру, долго еще не могли забыть, как видели они «нечистый дух», вспоминали про смерть Оллука, про пожар в доме Мёнгиля. Но с каждым днем воспоминания эти тускнели...

К вечеру подводы, тяжело нагруженные туго набитыми мешками с зерном, въехали во дворы крестьян. До поздней ночи слышались в домах веселые голоса, песни и смех.

Мёнгиль, Кёнпхаль, Муниль и Чхонён, как всегда, собрались в доме Мёнгиля.

— Слушай, а что делал у вас вчера Пак Пхунсам? — спросил у Чхонёна Муниль.

---

[1] Сэнáп — деревянный духовой музыкальный инструмент.

Чхонён насторожился, искоса взглянул на товарища. А Муниль продолжал, отложив в сторону книгу:

— И что он за тип, не понимаю... Никогда не сидит дома! Дед говорит, он не из нашей деревни; говорит, пришел откуда-то после перемирия...

— Дался он тебе...— проворчал с досадой Кёнпхаль.

— Не люблю я его — вот что! — все больше распалялся Муниль. — Пьяница! И тетушку Хван с толку сбивает...

И Муниль с непривычной для него горячностью стал говорить о своих встречах с Паком. В заключение он рассказал о том, как кооперативный теленок забрел к Паку на огород, и тот пинками выгнал его оттуда.

Ребята дружно расхохотались.

— Чего хохочете? — рассердился Муниль.— Разве станет человек, хоть немножко думающий об общем добре, так обращаться с теленком? Если хотите знать, теленок тогда чуть не сдох, вот!

Мёнгиль перестал хохотать и повернулся к Чхонёну:

— Он что, этот Пак, и сейчас к вам таскается?

— Да так... Был как-то...— неопределенно ответил Чхонён и отвернулся к окну.

— А мама твоя его хорошо знает? — не удержался еще от одного вопроса Мёнгиль.

— Не очень... С тех пор, как сюда приехали...— Чхонён смолк на полуслове.

— Бесстыжий он человек, вот что!..— гнул свое Муниль.

— Он вообще-то не злой... — негромко сказал Чхонён и неожиданно твердо добавил: — Но он нехороший. Очень!

А Муниль совсем разошелся:

— Дедушка говорит, ужасно он подозрительный! Помните, когда Оллук сдох, дед этого Пака несколько раз тогда у коровника видел. Чего он там слонялся, спрашивается?..

Мёнгиль внимательно слушал с неизменной своей улыбкой. Потом сказал:

— Слушай, Муниль, ведь у тебя нет никаких доказа-

тельств. Зачем ты зря болтаешь? Узнает тот же Пак, может такой шум поднять!

— Ну и пусть! — не сдавался Муниль. — Нет, вы его не знаете... Он и сегодня — в такой день! — приперся в правление пьяным...

Ребята так и ахнули. Они знали: Муниль не станет придумывать. А Муниль резко повернулся к изумленным друзьям.

— Уже того человека из бригады охраны порядка...— начал было он и вдруг осекся, будто сам испугался того, что собирался сказать.

Ребята во все глаза смотрели на своего друга.

2

Сегодня контрольная по геометрии, а Чхонён не явился в школу. «Неужто его опять не пустила тетушка Хван? — тревожно думал Мёнгиль, то и дело поглядывая на пустовавшее рядом с ним место. — Где он? Что делает?» Перед глазами Мёнгиля стояло угрюмое лицо его молчаливого друга. Он вдруг вспомнил слова, сказанные Чхонёном тогда, летом, на кукурузном поле: «Скажи матери, чтобы не выходила из дома!...» И в тот же вечер их дом загорелся.

Конечно, Чхонён знал о поджоге заранее. Но откуда? Кто сказал ему? Может, все это как-то связано с Паком?

Какой он всегда задумчивый и молчаливый, этот Чхонён. Впрочем, именно этим он и привлекает Мёнгиля. Кёнпхаль с Мунилем — те другие, в особенности Кёнпхаль. Ничто его по-настоящему не волнует, ни о чем серьезном он, кажется, и не думает. Как перемена — выскакивает с дружками во двор и гоняет без устали мяч.

Чхонён же держится в стороне. Но когда в прошлом году устраивали в школе мастерскую и ребята помогали строителям, Чхонён таскал в чиге по семь кирпичей сразу. А другие — по три-четыре: до станции, где стояли вагоны, как-никак

почти десять ли! И если Чхонён видел, что кому-то тяжело, он тут же подходил к товарищу и молча перекладывал кирпичи в свое чиге. Он старался сделать это незаметно, тихо и даже краснел от смущения...

Но вот занятия кончились. Мёнгиль вышел на улицу. Через три недели его отряд поедет в Пхеньян на экскурсию, надо было как следует подготовиться.

Небо хмурилось с самого утра и теперь наконец разразилось мокрым, осенним снегом. Горы, словно молчаливые часовые, окружающие деревню, стали совсем белыми. А снег все падал и падал...

Мёнгиль постоял на пороге, вдыхая свежий морозный воздух, потом вышел на белую от снега дорогу и отправился к Чхонёну. Снег летел прямо в лицо, падал большими влажными хлопьями. Мёнгиль шел вперед, против ветра, упрямо наклонив голову. Наконец вдали, за снежной пеленой, неясно забелел одинокий домик Чхонёна.

Мёнгиль взялся уже за кольцо, чтобы отворить калитку, как вдруг услышал женский смех. Ему вторил грубый мужской голос. Повинуясь какому-то неясному чувству, Мёнгиль поспешно отступил за ореховое дерево. Через минуту приоткрылась калитка. Из дому крадучись вышел мужчина. Вытянув от напряжения шею, Мёнгиль старался разглядеть человека. Черное зимнее пальто, черная шапка... Пак Пхунсам!..

Вот Пак прошел мимо дерева. Резко запахло водкой. «Неужели они пьянствуют вдвоем с тетушкой Хван? Или он приходит к ней пьяным?» — растерянно думал Мёнгиль.

Поглядев вслед Паку, он вышел из-за дерева и решительно рванул на себя калитку. Калитка была заперта. Мёнгиль тряс ее, изо всех сил барабанил обеими кулаками — все было тщетно. Но он не уходил: он же знал, что тетушка Хван дома. Наконец послышался ее недовольный голос:

— Кто там?

— Это я, Мёнгиль! — звенящим от ярости голосом крикнул мальчик.

За воротами помолчали, потом тетушка Хван отворила:

— Чего тебе?

Она казалась смущенной, стояла поодаль, искоса поглядывая на Мёнгиля.

— Чхонёна не было в школе. Вот я и пришел,— сдержанно объяснил Мёнгиль.

— Вот оно что... — протянула тетушка Хван. — А у меня, как назло, так голова разболелась! Со вчерашнего дня болит и болит. А сегодня — просто ужасно.

— Да...

— Ну заходи, заходи,— заторопилась она вдруг.

Мёнгиль вошел в дом. В нос ему сразу ударило перегаром. «Вот, значит, как: она пьет вместе с Паком...» — подумал он. Его неприязнь к тетушке Хван перешла в отвращение. Женщина пьет водку! Вместе с этим бездельником! Мёнгиль отвел глаза в сторону: ему было противно смотреть на нее.

Чхонён неподвижно лежал в углу на кане. Мёнгиль положил ему руку на лоб — лоб горел как в огне.

— Тетушка, у него же температура! — забыв о своей неприязни, бросился к матери Чхонёна Мёнгиль.— Вы вызывали врача?

— Чего там! — отмахнулась тетушка Хван. Видно было, что она не придает никакого значения болезни сына.— Простудился небось.

Она взяла с полу большую бутыль с водкой, поставила ее на полку.

— Как же так? — не отставал Мёнгиль.— Должен же врач его посмотреть!

— Так пройдет...

Тетушка Хван подошла ближе. Мёнгиль сморщился, отвернулся: очень уж несло от нее перегаром.

— Он что же, так и будет лежать тут без присмотра? — спросил он, изо всех сил стараясь быть вежливым.

Тетушка Хван промолчала и присела на кан. По багровому от жара лицу Чхонёна крупными каплями катился пот. Мён-

гиль взял висевшее на крючке полотенце, осторожно вытер товарищу лоб. Тетушка Хван покраснела. От водки, наверное. А может быть, ей стало стыдно.

— Приятель мой, Пак, только сегодня вернулся из города... Вот и пропустили по рюмочке, — сочла нужным она пояснить, внимательно наблюдая за выражением лица Мёнгиля.

Мёнгиль молчал. Ему хотелось сказать ей что-нибудь резкое, злое, но как он мог осуждать поступки взрослого человека...

Вдруг Чхонён тихо произнес что-то. Сначала ничего нельзя было разобрать. Потом, сквозь неясное бормотание, донеслось:

— Ты прости... прости... я... прости...

И вдруг тетушка Хван схватила его за плечи, затрясла изо всех сил:

— Чхонён, Чхонён! Ты с ума сошел!

— Что вы, тетушка! — испугался Мёнгиль.— Перестаньте! У него же температура.

Его поразило злое выражение лица тетушки Хван.

— Замолчи сейчас же! — кричала она и в ярости трясла сына за плечи.— Молчи!

Нет, этого Мёнгиль не мог больше терпеть. Какая же она мать, эта женщина?! Чхонёна надо немедля отправить в больницу! И как эта мысль не пришла ему в голову раньше?

— Ну вот что, — сказал он решительно. — Мы отправим его в больницу, в уезд.

Он говорил так, будто не сомневался в том, что тетушка Хван согласится.

— Сейчас, ночью? — испугалась она.— В такую погоду?

— Здесь его нельзя оставлять. Оденем его потеплее и донесем на спине.

— Глупости говоришь! — неуверенно возразила тетушка Хван.— Вот завтра утром...

— Да ведь у него же высоченная температура! Как можно ждать до завтра? Я пойду позову ребят.

И Мёнгиль, не дожидаясь ответа, выскочил из комнаты.

3

Кёнпхаль с Мунилем шли к Мёнгилю готовить уроки. Они шли и, как всегда, о чем-то спорили. Кёнпхаль, по обыкновению, горячился, орал до хрипоты, размахивая руками. Он совсем не умел спорить спокойно, даже когда бывал прав: у него просто не хватало терпения. Смешно было смотреть на него в такие минуты, и Муниль иногда нарочно «заводил» приятеля. Кёнпхаль вспыхивал как спичка, клещом впивался в друга и бранился и возмущался до изнеможения.

Друзья уже подошли к самому дому Мёнгиля, как вдруг заметили незнакомого человека. Человек ходил взад-вперед по тропинке, поглядывая на дом. Ребята никогда прежде не видели его, но что-то в нем казалось им очень знакомым. Смеркалось, шел снег, а человек все ходил и ходил. Высокий, прямые сильные плечи, бородка на старинный манер, черная кепка... Вот и все, что им удалось рассмотреть в темноте.

«Да это же тот самый... Тот, кто болтался тогда, весной, у дома!» — ахнул вдруг про себя Муниль. Он подтолкнул в бок Кёнпхаля. Кёнпхаль вопросительно взглянул на приятеля.

— Помнишь того, ночью...— быстро шепнул Муниль.

У Кёнпхаля гулко забилось сердце. Он снова взглянул на незнакомца и вдруг увидел, что тот уходит от дома прочь. Сейчас он уйдет, исчезнет, как в прошлый раз... Муниль тоже видел это. Раздумывать было некогда. И хотя Муниль слегка трусил, он выступил вперед и спросил человека:

— Кто вы такой, дядюшка?

Человек замедлил шаги, внимательно посмотрел на ребят.

— Никто... Прохожий... — негромко ответил он.

«Какой наглец! Даже не растерялся...» Муниль, не спуская с незнакомца напряженного взгляда, стал медленно к нему приближаться. Кёнпхаль шел за ним по пятам.

Вот Муниль подошел совсем близко, остановился. Если поторопиться, можно спугнуть...

— Прохожие идут своей дорогой, — сурово сказал он.— А вы? Чего вы бродите возле дома? Что вы тут делаете?

Незнакомец вдруг засмеялся и шагнул к Мунилю. Муниль инстинктивно подался назад.

— Ой-ой-ой! —пронзительно заорал Кёнпхаль: Муниль наступил ему на ногу.

Незнакомец расхохотался еще веселее.

— Здорово ты его! — беззлобно сказал он.

«Конечно же, тот самый мерзавец,— еще пуще разозлился Муниль. — И голос такой же противный. Схватить его — и дело с концом!»

Он снова многозначительно взглянул на Кёнпхаля. Кажется, Кёнпхаль его понял, но они ничего не успели сделать. Из-за поворота, скрипя, выехала груженная сеном телега. На какое-то время она закрыла собой незнакомца, а когда проехала, ребята в изумлении вытаращили глаза: человека на дороге не было. На небо ли он вознесся, под землю ли провалился, а только не было его — вот и всё.

Они бросились за поворот — никого. Побежали по дороге в обратную сторону — напрасно. Кёнпхаль, как всегда, набросился на Муниля:

— Эх ты, садовая голова! Чего ж ты не задержал его, не отвел в отряд обороны?

— А ты почему не отвел? — огрызнулся Муниль.

— Я хотел... — растерялся Кёнпхаль, но, впрочем, тут же нашелся: — Я же был сзади!..

— Ну да, конечно! — Муниль даже плюнул с досады. Потом сунул руки в карманы и уныло побрел по дороге.

Кёнпхаль шел рядом, машинально насвистывая какую-то песенку.

Снег валил тяжелыми хлопьями. В двух шагах ничего не было видно. И вдруг в снежной пелене возник человек. Муниль рванулся ему навстречу.

— Вы не видели тут прохожего?.. Высокий такой!.. — еще издали закричал он.

— Чего? — Человек замедлил шаги, обернулся. Это был Пак Пхунсам.

Эх, если бы Муниль узнал его раньше! Никогда ни о чем бы не стал спрашивать. Но было уже поздно.

— Чего? — повторил Пак.— Э-э-э, да это, никак, внук старика Токпо?

Пак слегка запинался. От него, как всегда, несло водкой. «И как это он умудряется? Каждый день пьяный!» Муниль отвернулся, а Пак продолжал, ухмыляясь:

— Так что этот тип сделал?

— Неважно...— нахмурился Муниль— А вы опять пьяны...

— Ах ты дрянь! — сразу же вскипел Пак.— Как ты со мной разговариваешь? — И, словно собираясь схватить Муниля, Пак, протянув руку, стал медленно подходить к ребятам.

— Вы что? — растерялся Муниль.

— Ах ты грубиян! — будто не слыша его, продолжал Пак.— Оба вы грубияны! И вообще, что это вы ко всему тут принюхиваетесь?

Он совсем рассвирепел. Казалось, он знал, кого ищут ребята этим снежным вечером.

— Да что вы, дядюшка! — поспешно сказал Кёнпхаль.— Мы просто идем к Мёнгилю делать уроки.

— К Мёнгилю... А кто это? Сын председательши, что ли?

— Да. Вы же его знаете,— выпалил Муниль.

— Хи-хи, учиться, значит, желаете? — мерзко захихикал Пак.— Напрасно... Все одно ничего не выйдет...

Он что-то забормотал себе под нос и, пошатываясь, побрел дальше.

Ребята переглянулись, озадаченные его последними словами, вздохнули — они уже не надеялись найти долговязого. Они повернули к дому Мёнгиля и вдруг увидели его самого. Мёнгиль бежал им навстречу.

— Хорошо, что вы нашлись! — заговорил он, задыхаясь от быстрого бега.

— Куда бежишь-то? — удивился Кёнпхаль.

— Никуда... Вас ищу. Идем скорее: Чхонёну плохо...

Ни о чем больше не спрашивая, Кёнпхаль и Муниль торопливо зашагали вместе с Мёнгилем к тетушке Хван.

— Ох, а у нас что случилось...— начал по дороге Кёнпхаль: он просто не мог не поделиться с другом.

— Мы видели какого-то типа! — подхватил Муниль.

Перебивая друг друга, они рассказали про недавнюю встречу. Мёнгиль задумался.

— А как он выглядел?

— Длинный как жердь, здоровенный, плечи широкие — во какие! — И Кёнпхаль показал руками, какие широкие были у незнакомца плечи.

— Голос у него гулкий-гулкий! Будто в пустой кувшин говорит,— возбужденно закончил Муниль и посмотрел на Мёнгиля.

Но Мёнгиль воспринял новость довольно равнодушно.

— Интересно, откуда он взялся, ваш незнакомец?— пожал он плечами.— Может, из уезда?

— Ну, тогда и говорить не о чем, — тут же успокоился Кёнпхаль.

А Муниль продолжал убеждать Мёнгиля. Он говорил, что нужно непременно найти незнакомца. Но Мёнгиль, казалось, его и не слышал.

4

Тетушка Хван суетилась, уверяла Мёнгиля, что завтра же отправит сына в больницу, но ребята ее не слушали. Они потеплее закутали Чхонёна, потом Муниль взвалил его на спину, и все трое вышли из дома.

Тетушка провожала их до ворот, бормотала что-то о том, как трудно тащить на плечах такого здорового парня, пусть даже по очереди. Но лицо ее было скорее довольным, во всяком случае, болезнь сына, видимо, не очень ее тревожила.

Она даже не посмотрела ребятам вслед. Сразу же за ними закрылись ворота, завизжал тяжелый засов. Этот визжащий звук больно поразил Мёнгиля. Ишь как поторопилась! Избавилась, рада... И Мёнгиль втайне вздохнул.

Бесшумно падал снег. Дорогу засыпало по самую щиколотку. Идти было трудно: Чхонён действительно был парень здоровый. Муниль спотыкался, скользил, ребята как могли помогали ему, поддерживая товарища сзади.

У самой горы Чхонёна взвалил на спину Мёнгиль: подъем был крутым, а Муниль устал. Вот и перевал — скользкий ото льда и снега. Мёнгиль шел, осторожно нащупывая ногой узкую тропку, иногда карабкался на четвереньках.

Сердце его стучало, пот градом катился у него по спине, но он чувствовал на своем затылке горячее, лихорадочное дыхание друга и торопился вперед изо всех сил. Хорошо, что он вытащил Чхонёна из этой темной комнаты, от матери, пьянствующей у постели родного сына... Мёнгиль сжал кулаки. Ох и мерзкий же этот Пак!.. Шляется к тетушке Хван, как в кабак!..

Такие мысли вились и вились у него в голове и наконец превратились в одну: ужасно, не по-человечески живет Чхонён! И нет у него никакого просвета...

Как далека от светлого мира их грязная, мрачная халупа! Почему он должен так жить? Надо еще раз поговорить с матерью. Рассказать ей подробно о Паке и тетушке Хван, попросить у нее совет. Пак, конечно, противный, но тетушка... Наверное, потому и грубит ей Чхонён, что она совсем не любит его.

Перед глазами Мёнгиля вдруг встало лицо его матери. Какая она хорошая, добрая! Как было бы здорово, если бы у Чхонёна была такая мама!..

Снег шел и шел. Холодные, мокрые хлопья падали на Чхонёна. Он медленно открыл глаза, с трудом приподнял голову, шевельнулся.

— Ну как, легче немного? — обрадовался Мёнгиль.

Чхонён потряс головой: «Снег... Куда меня несут?..» Он вдруг испугался.

— Куда мы идем? — хрипло спросил он.

— Лежи, лежи... В больницу...— успокоил его Мёнгиль.

Чхонён застонал — грудь болела ужасно — и снова ткнулся в спину Мёнгиля.

Кёнхпаль с Мунилем шли сзади, придерживая больного товарища. И как снег, что всегда тает под лучами весеннего солнца, так их дружба согревала и успокаивала Чхонёна.

Они вдруг с новой силой почувствовали, как дорог им их невеселый товарищ. Они не говорили об этом между собой, но им было удивительно хорошо.

Наконец ребята добрались до уездной больницы. Было одиннадцать часов вечера. Дежурный врач, осмотрев больного, сказал, что у него, возможно, воспаление легких, и тут же отправил Чхонёна в палату.

— Хорошо, что вы принесли его,— несколько раз повторил он.— Могли опоздать...

— Можно, мы у него подежурим? — попросил Мёнгиль, но доктор не разрешил.

Тогда они уселись в приемном покое: они не хотели оставлять Чхонёна одного.

Ребята сидели рядышком и ждали, когда от Чхонёна выйдет врач. Они не думали о том, что уже ночь, что им идти назад десять ли. Они думали только о своем друге.

Наконец врач вышел к ребятам.

— Устал я сегодня... А парнишку вытащим,— сказал он.— Вы что, из одного класса?

— Да,— встал со скамьи Мёнгиль.

— Десять ли тащить парня...— удивленно проговорил врач.— В такой снег...

— А как с Чхонёном, учитель? [1] — спросил Мёнгиль с беспокойством.

---

[1] Так уважительно обращаются в Корее к старшим.

— Недели две придется полежать. А потом вернется ваш друг домой.

Ребята облегченно перевели дыхание.

Врач взглянул на их насквозь промокшие башмаки, помешал кочергой угли в крохотной, жарко натопленной печке.

— А что же его родители? — спросил он вдруг.— Почему вы тащили его?

Ребята переглянулись. Как лучше ответить? Наконец Мёнгиль сказал медленно:

— Отец его погиб при бомбежке. Живет он вдвоем с матерью. А мать... У матери дело там... срочное. Вот мы и донесли его сами.

Не очень хотелось Мёнгилю говорить неправду, но как мог он сказать, что тетушка Хван пьяна, и потому они принесли друга... Чхонёну это было бы неприятно.

Врач внимательно оглядел всех троих.

— Что ж, хорошо... Настоящие вы друзья,— сказал он негромко.

Мёнгиль вдруг вырвал из записной книжки листок, торопливо написал несколько слов, сложил листок вдвое и протянул врачу.

— Пожалуйста, передайте Чхонёну,— попросил он.

Врач взял записку, еще раз взглянул на стоящих перед ним ребят:

— Куда ж вы пойдете на ночь глядя? Оставайтесь в дежурке.

— Не беспокойтесь, для нас это пустяки! — Мёнгиль улыбнулся, показал ребятам глазами на дверь: пора, дескать, и честь знать.

Врач не заметил этого взгляда, пожелал друзьям счастливого пути и вышел из комнаты.

Ребята вслед за ним проскользнули во внутренний двор. Снег прекратился. Дул ветер.

Они довольно быстро нашли палату Чхонёна, заглянули в окно. На белой кровати лежал их друг. Горел синий ночник.

У изголовья Чхонёна сидела няня. Вот она наклонилась, поправила одеяло. Чхонён спал. Лицо его было спокойно.

Друзья с улыбкой переглянулись

5

В тот день Чхонён проснулся с головой ясной и свежей. Солнечные лучи заливали палату. В окно заглядывала сосна. На сгибающихся от снега ветках шумели и ссорились воробьи. Вот они разом вспорхнули и улетели. И долго еще качались сосновые ветви.

Чхонён смотрел в окно и улыбался. «Вот бы всегда было так покойно, так тихо...» — думал он блаженно.

Но как он здесь очутился? Он смутно помнил, как мокрый снег падал ему на лицо, как тащил его на спине Муниль, потом Мёнгиль. Они несли его поздно вечером. Когда же они вернулись в деревню? Как они, наверное, устали! Душу его переполняла любовь к товарищам, в ушах звучал мягкий, заботливый голос Мёнгиля.

Какие они чудесные, его друзья! Взять, к примеру, Кёнпхаля. Казалось бы, легкомысленный шумный парень — и всё. А какой верный друг! Муниль — тот другой: все больше помалкивает, никогда не узнаешь, что у него на уме. Но кто, как не он, всегда готов прийти людям на помощь?

Да... Не очень-то хорошо до сих пор он к ним относился. Конечно, он считал их своими друзьями, проводил с ними все время, но всегда тревожила его одна и та же мысль, всегда был он настороже... И еще он без конца присматривался: как они к нему относятся? Теперь он понял, почувствовал, что они любят его всей душой, волнуются за него.

Вот он лежит в мягкой, удобной постели. Ему легко и покойно. Если бы не они, что было бы с ним? Он вдруг подумал, что, пожалуй, умер бы, останься он дома.

Его дом... Есть ли еще где-нибудь такое же отвратитель-

ное, мрачное логово? Чхонёна даже передернуло. Что будет с ним, когда он выздоровеет? Неужто суждено ему туда возвратиться?

Рядом с их халупой, совсем близко,— счастливый дом Мёнгиля. Какая у него удивительная мать — нежная, сильная. Кажется, притронься она рукой — любую хворь снимет. «Ну почему моя мать не такая? Совсем другое у нее сердце. И какая она злая... Почему?» — терзался Чхонён.

Дверь отворилась. Вошли врач и сестра — начался утренний обход.

— Ну, как дела? — улыбнувшись, спросил врач и присел рядом с Чхонёном.

Чхонён тоже улыбнулся в ответ. Врач взял его за руку, пощупал пульс. Сестра сунула под мышку градусник. Все заботились о нем, все о нем думали!.. Никогда, кажется, не был Чхонён так счастлив.

Выслушав пульс, врач встал, поправил одеяло.

— Все в порядке, дружок,— сказал он весело,— все в порядке.

Потом, словно вспомнив о чем-то, полез в карман, вытащил клочок бумаги:

— Это тебе от друзей... От тех, что принесли тебя позавчера вечером.

Чхонён развернул записку. Он сразу узнал торопливый почерк Мёнгиля:

Поправляйся скорее. Ни о чем не беспокойся. В воскресенье придем тебя навестить. Мёнгиль.

Сегодня как раз воскресенье... Чхонён прочел записку, и из глаз его вдруг закапали слезы. Они текли всё быстрее. Белая наволочка потемнела от влаги. Ему не хотелось, чтобы врач и сестра видели эти слезы, и он зарылся с головой в пушистое одеяло. Они молча постояли над ним и тихо вышли, плотно прикрыв дверь.

После завтрака неожиданно пришла мать. На ней была ее

нарядная фиолетовая юбка, белая как снег кофточка, на плечах широкий шерстяной шарф. Щеки нарумянены, губы подмазаны.

Чхонён повернулся лицом к стене.

— Хм... Ты что же, не хочешь и взглянуть на меня? — Мать скривилась, тяжело плюхнулась на кровать, хотя рядом стоял стул, покосилась на лежащую на тумбочке пустую коробочку.— Лекарствами пичкают? — усмехнулась она, вертя коробочку в белых руках.

Чхонён резко повернулся к ней.

— Зачем пришла, говори? — с трудом сдерживаясь, сказал он.

— Вот те нá! Мать пришла в такую погоду, по снегу, а он спрашивает «зачем»... Вместо благодарности...

— Уходи! — Сердце бешено стучало у него в груди.

— Ая-я-яй, да что же это! — покачала головой тетушка Хван.

Чхонёна всего трясло.

— Уходи! — снова повторил он.

Мать неприязненно покосилась на сына и встала.

— Напрасно ты веришь всяким там... Мало ли что болтают...— невразумительно пробормотала она.

Чхонёна словно ударили в грудь. Страшная мысль молнией мелькнула у него в голове.

— О чем это ты? — быстро спросил он.

— О тебе же думаю... Тебе жить...

— Нет, что ты имеешь в виду?

— А ты что?

Упрямо сжав губы, Чхонён молча смотрел в окно.

— Посмотрите-ка на него! — снова осмелела тетушка Хван.— Как он разговаривает с матерью! Как дворянин какой...

Чхонён рывком сел на постели. Сразу же заломило все тело, но ему было сейчас не до этого.

— Иди!.. Уходи!..— не помня себя от ярости, закричал он.

Тетушка Хван зло смерила его взглядом и быстро пошла к выходу. Дверь оглушительно хлопнула. Чхонён обеими руками заткнул уши.

6

В уезде был сегодня базарный день. Со всех деревушек тянулись туда крестьяне. В потоке людей шли Мёнгиль, Муниль и Кёнпхаль. Но базар не интересовал их. Они направлялись в больницу. Они шли, болтая о том о сем, и вдруг Кёнпхаль, прервав сам себя на полуслове, нырнул куда-то в толпу. Мёнгиль с Мунилем в растерянности остановились. Они подождали немного — Кёнпхаль не появлялся; попытались найти его — тщетно.

— Взбесился он, что ли? — рассердился Муниль.

Мёнгиль тоже был зол. Никогда не знаешь, что ожидать от этого сумасбродного парня!

— Пошли дальше. Ну его! — махнул рукой Муниль.

Они подходили к больнице, когда их догнал обливающийся потом Кёнпхаль.

— Ты что, рехнулся? — набросился на него Муниль.

— Погоди, не сердись! Я видел его... того типа,— задыхаясь от бега, бормотал, проглатывая слова, Кёнпхаль.

— Какого еще типа? — с любопытством спросил Мёнгиль.

— Того, что шатался у твоего дома.

— Да что ты?! — Муниль одним прыжком очутился рядом с Кёнпхалем.

— Я заметил его в толпе, понятно? Рванул за ним... Он на базар — я тоже... И тут он пропал.

Мёнгиль нахмурился:

— Ну и зачем все это? Вечно вы кого-то выслеживаете!

Кёнпхаль обиделся:

— Тебя слушать, так и тени врага не поймаешь...

Они были уже возле самой больницы, и спор сам собой

прекратился. Все трое вошли к Чхонёну. Он лежал у стены, уткнувшись лицом в подушку.

— Чхонён! — окликнул его Мёнгиль.

Чхонён стремительно повернулся. Лицо его покраснело от радости и волнения. Ребята бросились к другу. Мёнгиль положил на тумбочку пакет с яблоками и сластями.

Некоторое время все сидели молча и только, улыбаясь, переглядывались. Потом Мёнгиль взглянул на внушительную вмятину, оставшуюся на кровати.

— К тебе что, мать приходила? — осторожно спросил он.

— Да... так... Немного побыла и ушла.

Чхонён почему-то покраснел еще гуще.

— Знаешь, она, наверное, занята. Сейчас так много работы, особенно рассиживаться некогда,— пытался утешить друга Мёнгиль.

Потом они заговорили все разом. Перебивая друг друга, они расспрашивали Чхонёна о том, как его здесь лечат, рассказывали про школу. И вдруг Чхонён спросил с беспокойством:

— Вчера вечером в деревне ничего не случилось?

— Ничего...— несколько удивился Мёнгиль.

— А что может случиться? Ведь в деревне отряды обороны,— подхватил Муниль.

— Мы всех их поймаем, должны поймать! — Кёнпхаль схватил воображаемого врага за горло.

— Да ты не волнуйся, поправляйся-ка лучше,— ласково сжал руку друга Мёнгиль.

Чхонён, казалось, хотел что-то сказать, но только пошевелил губами.

— Мама как-то рассказывала о том, как болел мой старший брат... С ним было совсем иначе...— задумчиво проговорил Мёнгиль. Он ни к кому в отдельности не обращался, просто думал вслух...

— И что же? — тихо спросил Чхонён.

— Умер... что! — нахмурясь, обронил Мёнгиль и вздохнул.

— А теперь, если заболеешь, вылечат! — улыбнулся Муниль, поглаживая мягкое одеяло.

Чхонён согласно кивнул.

— Да, Чхонён...— У Мёнгиля блеснули глаза.— Через три недели едем в Пхеньян на экскурсию!

— Что? — так и вскинулся Чхонён.

— Поправляйся скорее, поедешь с нами,— успокоил друга Мёнгиль.

Глава шестая

ПУТЕШЕСТВИЕ

1

В отряде Мёнгиля шумно и весело: завтра ребята едут в Пхеньян. Наконец-то! Как ждали они этот день, особенно те, кто впервые в жизни покидал родную деревню. А таких не так уж мало. Что видели они до сих пор? Горы, реку, маленький уездный городок.

Пхеньян... Столица республики... Неужели завтра своими глазами увидят они прекрасный город, будут ходить по его улицам и площадям, почувствуют знаменитый «темп строительства», о котором им столько рассказывали учителя?

Сейчас они распределяли обязанности. Не так давно неожиданно выяснилось, что Чхонён прекрасно рисует. Так вот, ему и Кёнпхалю — тот по праву считался лучшим художником в классе — поручили делать альбом зарисовок. Муниль с Мёнгилем должны были вести дневник.

Готовились и родители: шили ребятам рубахи, покупали кепки и башмаки. Мать Мёнгиля с утра отправилась в уезд и вернулась оттуда с большим, завязанным крест-накрест узлом.

— Что ты купила, мама? Так много...— смутился Мёнгиль.

Мать улыбнулась. Потом вытащила из-под стола чемодан — его она купила загодя,— развязала узел и стала перекладывать в чемодан носки, новые платки, даже сласти она не забыла.

— Съешь в вагоне с товарищами.— Она закрыла чемодан, вздохнула: — Вот бы отец порадовался! Сын едет в Пхеньян... Путешественник...

Она погладила коричневый бок чемодана. Всегда в радостные минуты она вспоминала мужа. Мать, обняв сына за плечи, рассказывала:

— Отец, бывало, поднимет тебя высоко в воздух и скажет: «Он будет у нас большим человеком!» А после Освобождения, когда получили мы землю, он даже плакал. «Ну вот, Мёнгиль,— сказал он тогда,— и на нашей улице праздник!..» И по лицу его текли слезы...

— Я все расскажу тебе о Пхеньяне, мама,— сказал Мёнгиль, дотронувшись до руки матери.

Она улыбнулась в ответ. Потом протянула сыну какой-то сверток:

— Отнести это Чхонёну.

Мёнгиль вопросительно посмотрел на мать.

— Там тоже галстук, носки, платки, записная книжка,— объяснила она.

— Спасибо, мама,— обрадовался Мёнгиль, принимая подарок.

— Тетушка Хван небось тоже купила что-нибудь: я видела ее в уезде. А это от меня...

Мёнгиль тут же отправился к другу. Честно говоря, он немного боялся, что тетушка Хван не пустит Чхонёна в Пхеньян. А он так готовится! Сам сказал на сборе.

Чхонён был дома один: складывал вещи в рюкзак. Он обрадованно встал Мёнгилю навстречу. Тетушки Хван дома не было.

— Смотри, Чхонён,— прямо с порога начал Мёнгиль,— это тебе моя мама прислала!

Чхонён смутился.

— Что ты... Зачем...— пробормотал он.

— Как — зачем? Галстук-то у тебя совсем старый.

Мёнгиль вынул галстук, носки. Чхонён молча смотрел на подарки. Мёнгиль принялся рассказывать об экскурсии, и вдруг в кухне скрипнула дверь.

— Кто-то пришел...— остановился на полуслове Мёнгиль.

— Да нет там никого,— быстро возразил Чхонён.

— Я же ясно слышал,— пожал плечами Мёнгиль.

Чхонён встал, молча прикрыл плотнее дверь. На лице его было странное выражение. Он как-то сразу погрустнел.

— Что с тобой? — спросил Мёнгиль с удивлением.

— Пошли! — торопливо поднялся с места Чхонён.

— Куда?

— До смерти надоело сидеть дома! — И Чхонён снял висевшую на стене кепку.

Мёнгиль вышел за ним.

2

На маленькой станции собрались пионеры — веселые, оживленные, с чемоданами и рюкзаками. Они ждут поезд и поют песни. Вокруг них взволнованные родители. Многие пришли целыми семьями: тут и мать, и отец, и бабушка, и млад-

шие братья и сестры. Еще бы! Такое случается не каждый день: ребята едут в Пхеньян! Родители провожают их торжественно, словно героев на великий подвиг. Раньше-то и слыхом не слыхали ни о каких экскурсиях, а тут — нате пожалуйста, едут...

И только матери Мёнгиля нет: очень уж много у нее дел. Мёнгиль, впрочем, не слишком огорчен: они попрощались дома. Зато по перрону бегает тетушка Хван — нарядная, нарумяненная. Вот она снова в самой гуще провожающих.

— На-ка тебе деньжат на дорогу,— громко говорит она и сует Чхонёну в карман деньги: пусть все видят, какая она заботливая!

Чхонён густо краснеет.

Тут же старый Токпо. Он притащил внуку здоровенный кусок ттока. Муниль не очень любит тток, но берет: не может же он обидеть деда.

Наконец к перрону, пуская белые клубы дыма, подходит поезд. Ребята шумно влезают в вагон, раздается длинный гудок, и поезд идет на север...

Поезд шел вперед и вперед. Покачивались вагоны, чуть постукивали на стыках колеса. За окном мелькали деревни. На полях работали тракторы, трепетали на ветру разноцветные флажки — над многими участками шефствовала молодежь.

Учитель Чансу оживленно рассказывал:

— Смотрите, ребята, вон там, вдали, будто муравьиные ходы на полях... Это оросительные каналы. Урожай в нынешнем году богатейший — сто лет ничего подобного не было! Видите, кончается одна оросительная система — начинается другая. И так всюду... А вон комбайн. Машины теперь и сеют и убирают. Людей освобождают от тяжкого труда...

Ребята слушали учителя и ехали под веселый перестук колес в новый, неизвестный им мир.

— Учитель, а правда, что в деревнях делают теперь лекарства из морских водорослей?

Чудной вопрос Муниля вызвал общий хохот: очень уж он был неожиданным. Но Муниль знал, о чем говорит.

— Нечего смеяться,— сказал учитель, не сумев, однако, сдержать улыбку.— Уже сейчас химия помогает деревне. Скоро не одни только водоросли, все отходы будут использовать...

Бывает так: бросишь камешек в пруд, и пойдут от него круги по воде — всё шире и шире. Так и рассказ учителя. Ребята не могли уже остановиться. Перебивая друг друга, говорили они о том, что будет в Сингване, о том, кем они станут. Кёнпхаль, размахивая руками, кричал, что непременно выучится на тракториста, хотя прежде собирался работать механиком; Муниль сказал, что будет агрономом, а раньше спал и видел себя писателем. Мёнгиль не принимал участия в спорах, но про себя решил, что во всех случаях останется в деревне, а кем станет, там будет видно.

Молчал и Чхонён. Он смотрел в окно и думал, что все эти мечты не для него. «Эх, если бы я мог стать техником!..» Он повернулся и поглядел на ребят. Какие они счастливые! Он отдал бы все на свете, если бы смог оказаться на их месте!.. Чхонён вздохнул и снова повернулся к окну. Даже путешествие не могло развеять его мрачные думы. Как тогда, в больнице, после ухода матери, глухая тоска словно льдом сковала ему грудь...

К вечеру стало тихо. Ребята угомонились. Одни сидели, негромко беседуя, другие читали. По радио передали последние известия. Потом заиграла тихая музыка. Пхеньян был уже совсем близко.

К Чхонёну подошел Мёнгиль с пакетом в руках:

— О чем ты все думаешь?

Чхонён вздрогнул: он словно пробудился от глубокого сна.

— Ешь! — Мёнгиль протянул другу пакет с конфетами.

Подошли Кёнпхаль и Муниль. Им, как всегда, не сиделось

на месте. Они без конца слонялись по коридору, выходили в тамбур, болтали и спорили.

— Подъезжаем! — набив рот конфетами, возбужденно сказал Кёнпхаль.

— Интересно, какой он, Пхеньян? — прищурился Муниль: вечно он важничал!

Чхонён улыбнулся: с друзьями ему сразу становилось легче.

— Пхеньян! — объявил проводник.

Мальчишки засуетились, надевая рюкзаки.

3

Уже на перроне ощутили ребята мощное дыхание огромного города. Навстречу им шли и шли люди. Высокие дома, гигантские подъемные краны, впервые увиденные бульдозеры и экскаваторы — все поражало школьников горной деревушки Сингван.

«Так вот он какой, Пхеньян!» — изумлялся Чхонён.

Мимо них с песнями прошла колонна людей. Учитель Чансу сказал, что это рабочие и студенты идут на многочисленные стройки города.

«Эти люди восстановили Пхеньян,— потрясенно думал Чхонён.— Он ведь лежал в развалинах, а теперь...» Он вдруг подумал о том, как им повезло. Как бы хотел он тоже быть в их строю, стать рабочим. А почему бы и нет? То, что до сих пор терзало его, показалось вдруг смешным и нелепым. Он вырвется из дому, забудет все, что осталось там, он ничем не хуже других, он выучится, будет работать, и все пойдёт у него хорошо!..

Ребята переночевали в общежитии студентов университета, а утром отправились на одну из строек. Рабочие рассказали им немало интересного, потом позволили взглянуть на Пхеньян с высоты птичьего полета.

«Какой огромный город! — Мёнгиль глядел вниз с головокружительной высоты.— Какой же должна быть вся наша страна!.. И сколько нужно знать, чтобы трудиться в этой стране!»

Вечером они ходили в парк на гору Моранбóн, гуляли у реки Тэдонгáн. Где только не побывали они за эти четыре дня! Накануне отъезда ребята попросили учителя разрешить им поработать на стройке...

Дул холодный ветер, сыпал снег, а им было тепло. Они пели песни и, выстроившись длинной цепочкой, весело перебрасывали друг другу кирпичи. Силачу Чхонёну разрешили поработать на тягаче. Он гордо ехал по улице, сидя рядом с водителем — молодым парнем, и даже подпевал ему, хотя не знал слов песни, которую тот пел. Подумать только: он тоже восстанавливает столицу! Ему хотелось работать еще и еще, а время, как назло, бежало так быстро! Водитель, будто прочтя его мысли, прокричал Чхонёну в самое ухо:

— Вот гляди, вы тут у нас всего день, а следы вашего труда останутся в Пхеньяне на сто, на тысячу лет! Когда-нибудь приедешь — посмотришь на дело своих рук... А вот здесь,— перебил он себя, показывая на обширный пустырь,— будет Большой театр. Там за рекой — детский парк...

В душе Чхонёна цвела-переливалась прекрасная радуга. Он видел завтрашний день своей родины, свой завтрашний день...

В конце рабочего дня прораб сказал:

— Спасибо, ребята, за помощь. Хорошо учи́тесь, будьте здоровыми, сильными, смените нас потом...

Вечером Чхонён долго не мог заснуть. Целую вечность лежал он, глядя в потолок, потом тихонько окликнул Мёнгиля.

— Да,— тут же отозвался Мёнгиль.

— Ты чего не спишь? — шепотом спросил Чхонён.

— Не знаю... Сон не идет что-то,— тоже шепотом ответил Мёнгиль.

— А о чем ты думаешь? — продолжал допытываться Чхонён.

— О матери...— Голос Мёнгиля дрогнул.

— О матери? — привстал на локте Чхонён.

— Да... Что-то она сейчас делает?

Чхонён промолчал. Он тоже скучал об этой ласковой, доброй женщине. Не видел ее только четыре дня, а кажется — очень долго.

— Наверное, она в правлении...— сказал он тихо.

И Мёнгиль вдруг увидел мать сидящей за письменным столом. Вот ее милое лицо склонилось над ним... Ведь они расстались первый раз в жизни, и ему было без нее так грустно!..

— Да, хорошая у тебя мать,— вздохнул Чхонён.

Мёнгиль промолчал. Потом спросил:

— А ты о чем думаешь?

— Так... Обо всем понемножку,— еле слышно пробормотал Чхонён.

Мёнгиль решил почему-то, что он думает о тетушке Хван, и не стал больше ни о чем спрашивать... Стояла глухая ночь, а на стройке продолжались работы. Под мерные звуки гудящих машин Чхонён наконец заснул.

Глава седьмая

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ОБ ЭТОМ!

1

Через несколько дней после возвращения из Пхеньяна в отряде Мёнгиля состоялся сбор. Все было празднично и торжественно. На стенах висели рисунки Чхонёна, Муниль читал дневник, ребята наперебой исправляли и дополняли его заметки. Общий восторг вызвало сообщение Мёнгиля: теперь каждый год лучший отряд будет отправляться в такие путешествия.

Да, чудесная была поездка! Как она их сплотила! Даже Чхонён изменился. Он и не представлял раньше, что люди могут работать с таким удовольствием. Теперь он это увидел. Как же не беречь все это, завоеванное в жестоких боях! Прежде у Чхонёна не было особых поручений в отряде, всегда он старался от них увильнуть. Теперь он с радостью брался за любое дело.

Однажды вечером ребята, как всегда, собрались у Мёнгиля. Матери его не было: она отправилась в уезд, на собрание председателей кооперативов — речь шла о предстоящем севе. Вернуться она должна была завтра, и друзья решили переночевать у Мёнгиля.

Чхонён, как всегда, сидел у окна и молчал. Он думал о том, что он трус. Почему он никак не решится все рассказать своему другу? Хотел же он признаться тогда, ночью, в Пхеньяне... Он сделает это сейчас, обязательно! Пусть даже друзья не простят ему долгого молчания, хватит того, что они столько времени ему сочувствовали, его любили...

Вечером потушили огонь, улеглись на широком кане. Ребята сразу заснули, чуть посвистывая во сне носами. Чхонён смотрел широко раскрытыми глазами прямо перед собой. Было темно и тихо. С чего начать тяжелый разговор? Как начать его? Наконец он негромко окликнул Мёнгиля. Тот что-то невнятно пробормотал.

— Мёнгиль! — повторил Чхонён.

— А? Чего? — чуть хриплым со сна голосом отозвался Мёнгиль.

— Слушай, если я... Если мы...— начал неуверенно Чхонён, но Мёнгиль перебил его.

— Давай спать,— проворчал он.— Ужасно устал. О-хо-хо...

Он повернулся на другой бок и тут же заснул. Чхонён помолчал в нерешительности, потом снова окликнул друга, но тот не ответил.

2

В Сингван вернулась весна. Деревья, на которых еще недавно торчали лишь голые ветки, стали одеваться в зеленые одежды. Склоны гор тонули в весеннем мареве, в полях заливались жаворонки.

В деревне началась пахота. Ребята не отставали от взрослых. У них была своя «Малая пятилетка», и они успешно ее выполняли. И еще они проводили сборы на тему: «Тяжелый путь наших отцов и матерей». На сборы приходили родители, седобородые старики и одетые во все белое старухи. Они рассказывали о жизни в старой деревне, о том, как угнетали народ помещики и капиталисты, как издевались в старые времена над крестьянами.

Пригласили на один из таких сборов и мать Мёнгиля. Она, как всегда, была занята, но для ребят время нашла. Накануне пионеры допоздна писали лозунги, вешали на стены картины. На сбор пришли ребята из других отрядов, а чтобы все узнали о сборе, решено было выпустить стенгазету.

Мать Мёнгиля стала за стол учителя. Ее встретили громкими аплодисментами. Она улыбнулась. В новой нарядной юбке и ослепительно белой кофточке она казалась удивительно молодой. Конечно, лицо ее было в морщинах — слишком трудную жизнь она прожила,— но большие ее глаза остались ясными и глубокими. Она стояла и смотрела на молодые веселые лица и не глазами — сердцем нашла среди этих лиц два особенно дорогих: Мёнгиля и Чхонёна...

— Ребята...— негромко начала она.

По классу прошелестел шумок, будто легкие круги пробежали по воде, потом вода успокоилась, стало тихо.

— Ребята, не забывайте полных крови и пота дней, прожитых вашими отцами и матерями... Они сделали всё, чтобы вы были счастливы...

Класс приготовился слушать.

Вот что рассказала им мать Мёнгиля.

3

Ее родители были батраками в деревне Понтон. С утра до глубокой ночи работали они на полях помещика О Тонха́ка, оставляя на ее попечение трех сестер и брата — она была старшей в большой семье. Мать и отец трудились не покладая рук, и все равно семья не могла выбраться из долгов: очень уж высокими были проценты.

Ей исполнилось восемь лет, когда ее забрали в услужение к О Тонхаку. Произошло это на удивление просто.

Однажды зимним морозным утром, когда с серого неба без устали валил снег, к ним в домишко пришел управляющий. Он схватил девочку за озябшую руку и молча потащил к двери. Сестренки заплакали, ухватившись за ее старую юбку. Управляющий грубо оттолкнул их и выволок девочку из дому.

— Тебя будут звать Килле́,— сказали ей в доме помещика.

Это имя носила до нее маленькая батрачка, умершая несколько дней назад от брюшного тифа.

Так началась ее батрацкая жизнь. Килле вставала с рассветом и работала до глубокой ночи. Спала, свернувшись калачиком, в клетушке, рядом с коровником; одеяла у нее не было.

Как тосковала она по своим родителям, по малышу-брату и сестрам! Но она могла только горько плакать...

О Тонхак верой и правдой служил японцам. В доме его вечно пьянствовали японские полицейские, сборщики налогов, уездные начальники. Все они драли с крестьян три шкуры. Килле ненавидела их, но должна была им прислуживать. Она мыла гостям ноги, грела у себя за пазухой туфли О Тонхака, чтоб помещик не замерз, когда решит отправиться в свою очередь в гости.

Как-то осенью, когда с гор дул промозглый, холодный ветер, помещик собрался ехать в волость. Зычным голосом позвал он Килле. Она не откликнулась. Она сидела, съежив-

шись, на кухне у очага, и все ее тело била крупная дрожь. Вчера Килле простудилась, у нее начался сильный жар, но она не смела уйти в свою клетушку и сидела, уткнув лицо в колени и стараясь унять дрожь.

И вдруг Килле услышала грозный голос хозяина. Он звал ее уже в третий раз. Она вбежала в гостиную. Налитый злобой помещик стоял посреди комнаты. Красные, пьяные глаза уставились на перепуганную девчушку. Он выхватил у Килле свои туфли и бросился на нее с кулаками.

Килле рванулась к дверям. Выбегая, она споткнулась о высокий порог, упала и потеряла сознание... Она лежала на мокрой земле, лил проливной дождь. Она бы, наверное, умерла, если бы не проходивший мимо с вязанкой дров Мада́н Све.

Пятнадцатилетний Мадан Све тоже батрачил на О Тонхака. Он увидел лежащую без чувств Килле, взял ее на руки и принес в батрацкую. Там он вымыл горячей водой ее озябшие ноги, уложил девочку в постель, старуха кухарка приготовила рисовый отвар. Каждый старался как мог, и батраки вы́ходили Килле.

Шли годы... Чем старше становилась Килле, тем горше страдала она от унижения. Но она терпела. Терпела сжав зубы, из последних сил: должны же они расплатиться с долгами. У нее появились теперь новые обязанности. И самая тяжкая — ухаживать за женой помещика.

Каждый год отправлялась жена О Тонхака на стодневную молитву в буддийский храм. Там молила она бога послать ей детей. И три раза в день приходилось Килле носить ей в храм котелок с горячей кашей. Храм стоял на горе, в десяти ли от дома, ходить туда, да еще с горячим котелком в руках, было мучительно тяжело.

«Зачем она молится? — часто думала в отчаянии Килле.— Все равно ведь не помогает...»

Помещик мечтал о наследнике. Он отправлял жену на мо-

ления, приводил в дом молодых наложниц[1], постился — все было напрасно. Только раз родила ему молоденькая наложница сына, но, не прожив и месяца, малыш умер. День и ночь стоял тогда в доме плач женщин.

Жена помещика с каждым днем становилась все злее и злее. Однажды, когда она истошно рыдала у себя в комнате, вошла Килле, неся на подносе настой женьшеня. Помещица выхватила у девочки настой, швырнула его в окно, потом рванула Килле за косу.

— Дрянь!.. — визжала она, дергая Килле за волосы.— Из-за тебя всё!.. Это ты раздавила змею, когда я молилась в храме! Ты разбила яйцо несушки! Чтоб ты сдохла, проклятая!..

Она орала как сумасшедшая и колотила служанку. Килле молча терпела, а потом потеряла сознание от жестокой боли... Она и в самом деле наткнулась однажды по дороге в храм на змею. Килле торопливо опустила тогда наземь большую плетеную корзину, в которой стоял котелок с кашей, схватила камень и убила змею. И яйцо она разбила — правда. Она лезла на высокий плетень, чтобы достать сушившуюся на солнце тыкву. С крыши упал кусок черепицы — прямо на яйцо. Но при чем тут наследник? За что ее так избили?..

Килле лежала на земле и горько плакала. Стояло полнолуние. Луна, как большой серебряный поднос, плыла высоко в небе, освещая все вокруг. Где-то за горой куковала кукушка, трещали сверчки. Эти ночные звуки и шорохи еще сильнее растравляли душу Килле. Слезы катились и катились по ее щекам.

Вдруг кто-то осторожно тронул девушку за плечо. Над ней стоял Мадан Све.

— Не плачь, Килле,— сказал он.— Зачем радовать этих мерзавцев.

Он был еще совсем юным, но сколько страданий он уже перенес! Как потрепали его житейские бури!

[1] В старой Корее богач мог взять в дом, кроме жены, наложницу — вторую жену.

В ответ на участливые слова Килле разрыдалась еше сильнее. Когда она перестала наконец плакать и посмотрела на Мадан Све мокрыми от слез глазами, она вдруг почувствовала, каким родным стал для нее этот человек.

— Килле,— тихо сказал юноша,— перестань себя мучить.

Он сел, поджав ноги, с ней рядом.

— Я хочу домой...— всхлипнула Килле.

— Еще бы...— вздохнул Мадан Све.

И вдруг она лукаво улыбнулась:

— А если я уйду, тебе не будет без меня скучно?

Мадан Све не ответил. Он чертил что-то камешком на земле и улыбался. «Какая она еще девочка,— думал он снисходительно.— Уйду, говорит. Кто ее пустит?»

Они сидели рядом, два батрака, и жизнь их была одинакова — словно заросшее колючками, все в рытвинах и ухабах поле. Оба шли через это поле, и видели одно и то же, и думали об одном, и души их были похожи. Мадан Све и Килле были безмерно одиноки, но, когда они сидели вот так, рядом, они как бы переливали друг в друга силы и скрашивали один другому тоскливое одиночество.

Как изменить эту проклятую жизнь, они не знали. Ничего-то они не понимали пока в жизни, не знали в ней даже буквы «кы»[1], брели наугад, как слепые. Но оба смутно догадывались, что среди батраков, которых угнетали так же, как их, есть люди, знающие, что надо делать, и это помогало им жить.

4

Килле исполнилось восемнадцать, а она все жила в доме помещика. Семья наконец расплатилась с долгами, но идти ей все равно было некуда. Отец Килле умер, двух сестренок

---

[1] «Кы» — первая буква корейского алфавита.

отдали в дома богатых соседей[1], мать с младшей сестрой и братом, не в силах бороться с нуждой, покинули родную деревню — отправились искать счастья на чужбине.

Килле, наверное, все равно ушла бы из постылого дома, но О Тонхак знал, как ее удержать. Девушка была нужна ему: не было уголка в доме, которого не коснулись бы ее заботливые, умелые руки. Где еще найти такую служанку?

Приближался праздник пятого дня пятой луны[2]. В этот день О Тонхак всегда пьянствовал с волостным начальством. Вот он и решил поженить Мадан Све с Килле — все равно от пиршества что-то останется, он и использует объедки с толком.

Вечером, после праздника, помещик вытащил из сундука старые шаровары и выцветшую юбку жены, велел позвать Килле и Мадан Све и обратился к ним с торжественной речью:

— Вы живете в моем доме, как родные дети. Родителей у вас нет — как же мне о вас не заботиться? Росли вы вместе, ну чем вы не пара? Будете теперь мужем и женой. Еще лучше работать станете...

Так Килле стала женой Мадан Све и осталась в доме помещика. Не то чтобы оба они не разгадали хитрость О Тонхака, просто некуда им было идти. Вот они и остались.

Шли дни, полные тяжелого труда. Жили они всё в той же клетушке возле коровника, по-прежнему работали не покладая рук и черпая силы друг в друге. Через год у них родился сын. Первый его крик долетел до самого помещичьего дома — мальчик оказался здоровым и сильным. Так появилась настоящая и, пожалуй, единственная радость в их жизни.

---

[1] В старой Корее существовал обычай, называемый «мидмену́ри»: девочку брали на воспитание в дом, где был юноша (как правило, взрослый). Лет в 12—13 девочка становилась его женой. Так же отдавали мальчиков («дерильса́ви»), которые, подрастая, становились мужьями обычно уже пожилых женщин. Естественно, такие браки не могли быть счастливыми.

[2] Старинный корейский народный праздник весны.

Батраки не жалели похвал, любуясь малышом.

— Килле родила богатыря,— говорили они.

Все долго спорили, как назвать мальчика: батраки считали его своим, подолгу нянчили и ласкали. Согласились на имени Окчхоль[1] — пусть он вырастет настоящим мужчиной.

Шло время. Окчхоль уже лепетал что-то на ребячьем своем языке, когда в доме помещика появился всем известный старик прорицатель по прозвищу Све Пхари[2]. Прозвали его так потому, что был он на удивление нудным: уж если к кому привяжется — клещами не оторвешь. Целыми днями, бывало, бродил старик по деревне, вглядываясь в лица прохожих, потом исчезал куда-то, а через два-три месяца появлялся снова.

Жена О Тонхака была суеверна, в доме вечно болтались гадалки и знахари, и Све Пхари не упускал случая заглянуть в гостеприимный дом.

Вот и сегодня прорицатель ходил по двору, бормоча что-то себе под нос. Килле толкла в ступе зерно, Окчхоль, мирно посапывая, спал, привязанный к ее спине[3]. Старик подошел ближе, несколько раз зыркнул на него маленькими, прищуренными глазками, потом стал как вкопанный и принялся всматриваться в лицо малыша.

«Чего он все смотрит? — тревожилась Килле.— Недобрый у него взгляд...»

Све Пхари пробыл в доме помещика целый день и трижды за этот день подходил к Килле. «Что ему надо?» — пугалась она, но спросить не решалась.

Вечером жена помещика угощала прорицателя ужином.

— Вам удобно? Ничего не нужно? — то и дело спрашивала она.

— Хороший у вашей батрачки сын,— проскрипел вдруг

---

[1] Окчхóль — слово, состоящее из двух иероглифов: «ок»— сто миллионов, «чхоль» — железо.

[2] Све Пхáри — по корейски «овод».

[3] Так в некоторых странах носят маленьких детей.

Све Пхари, качая в такт словам головой.— Сесть ему на драконово облако и улететь в небо — так у него на роду написано...

Жена помещика шумно вздохнула: так иногда шумит дымоход под полом, когда идет по нему горячий воздух.

— Подумать только, какой-то батрачке послала судьба такого богатыря! А мне... Я и знатна, и богата, и молюсь каждый день, а что толку?..

Жена помещика недаром завидовала Килле. Окчхоль рос здоровым, крепким мальчиком, хотя присматривать за ним было некому и он целыми днями играл на скотном дворе. Иногда малыш заползал в коровник, хватал коров за хвосты и задние ноги и, кряхтя, «боролся» с ними. И коровы ни разу его не тронули.

Весной Окчхолю исполнился год. До этого он не болел, а тут вдруг стал кашлять.

Шли дни, но малыш не выздоравливал. Тельце его горело, он ползал по тесной клетушке и хныкал. Потом Окчхоль затих, подолгу лежал на одном месте, и даже плакать у него не было сил.

Килле забыла обо всем на свете. Целыми сутками не отходила она от сынишки. Мадан Све по совету стариков делал Окчхолю припарки из полыни. Но ни припарки, ни горячие слезы матери, ни сочувствие батраков — ничто не помогало. Окчхоль исхудал, стал совсем маленьким, сморщенным. Дышал он с трудом, чуть слышно, а когда мать брала его на руки, только судорожно всхлипывал.

Однажды утром в дверях появился помещик.

— Ну как? — коротко спросил он.

— Мы уже ни на что не надеемся,— встал ему навстречу Мадан Све.

— Ладно, не отчаивайтесь,— пробурчал О Тонхак, в то время как глаза его беспокойно шныряли по комнате.

Килле, ничего не видя вокруг себя, рыдала над сыном:

— Окчхоль, Окчхоль... Что же нам делать?..

На широком лице хозяина щурились узенькие глазки. Он снова заговорил, на этот раз ворчливо, будто за что-то ругал батраков:

— Ну и люди!.. Что ж мне-то не рассказали о своей беде?

— Да чем вы поможете! — безнадежно махнул рукой Мадан Све.

— Нет, посмотрите на него! — закричал вдруг помещик.— Вы мне небось не чужие! Разве не я вас сосватал?

Думал ли когда-нибудь Мадан Све, что его хозяин произнесет такие слова? Он недоверчиво поглядел на О Тонхака.

— Не откажу же я вам в нескольких пхонах! [1] — разошелся хозяин.— Все-таки живем одним домом...

— Ну, если так...— растерянно пробормотал Мадан Све.

Килле уже не плакала. В душе ее загорелся слабый огонек надежды. Как тонущий хватается за плавающую рядом ничтожную щепку — пусть даже знает, что она его не спасет,— так и она ухватилась за лживые слова хозяина.

— Отправим парнишку в больницу,— разглагольствовал меж тем О Тонхак.— Его там вылечат. У меня как раз дело в уезде, вместе и поедем. Я всех там знаю...

Килле и Мадан Све склонились перед помещиком в низком поклоне.

5

— У ребенка опасное инфекционное заболевание,— сказал доктор, блеснув очками. Казалось, он выносит смертный приговор несчастной матери.

— Господин, спасите его!

Она обеими руками ухватилась за белый халат врача и зарыдала.

---

[1] Пхон — мелкая корейская монета.

— Очень уж вы запустили болезнь... Однако нас просит сам господин О Тонхак.— Доктор подобострастно склонился перед помещиком.— Что ж, сделаем все возможное.

— Доктору можно верить...— заговорил О Тонхак.

Но Килле не слушала, она продолжала молить:

— Господин, позвольте мне с ним остаться! Как же я его одного брошу?..

Вся дрожа, она склонилась над сыном и впилась глазами в его пожелтевшее личико.

— Он заразный. Вам нельзя оставаться с ним,— угрюмо отрезал доктор.

— Пошли, пошли, ведь это больница.— Помещик тянул ее к выходу.— Надо верить врачам.

Она покорилась, но дальше ворот не пошла. Три дня просидела Килле на холодных каменных плитах, ожидая вестей о сыне. Ее уговаривал муж, гнали сиделки, но она никого не слышала. Только детский плач, доносившийся время от времени из больницы, выводил Килле из оцепенения. Она вскакивала, припадала ухом к двери и долго вслушивалась: кто там плачет? Не ее ли Окчхоль?.. На четвертый день муж насильно увел Килле домой.

Каждое утро приходила несчастная мать в больницу, но к сыну ее по-прежнему не пускали. И вот однажды к ней вышел врач, пригласил ее пройти в приемную и там сказал ей, что Окчхоль умер. Все поплыло, закружилось у Килле перед глазами, и она упала на дощатый пол... Придя в сознание, Килле закричала истошным голосом:

— Ох, умер... Умер! Умер мой мальчик!..

Врач поморщился:

— Послушайте, мы старались...

Но она его не слышала.

— Окчхоль!..— кричала она и билась головой об пол.

Потом она стала рваться к сыну, но и в этом ей было отказано.

— Трупы всех умерших в инфекционном отделении сжига-

ют,— сказал врач.— Для вашего сына мы не делали исключения.

Килле кричала и плакала. Но что она могла сделать? Вечером она вернулась домой.

Мадан Све сидел на кане, и скупые слезы капали у него из глаз. А у нее уже не было слез. Окчхоль... Единственная отрада... Зачем только они послушали О Тонхака? Зачем положили сына в больницу? Кому они теперь нужны? Кто утешит их в старости? Им оставалось лишь сетовать на горькую свою судьбу.

Вечером пришла жена помещика.

— Не горюй,— сказала она Килле.— Ты еще молода. Родишь другого...

Килле как безумная прижала к себе жалкие лохмотья своего малыша и впервые после возвращения из города зарыдала...

Прошло полгода. Жить в доме О Тонхака становилось все тяжелее. Хозяин обходился с ними с какой-то особой жестокостью. Целыми днями орал он то на Килле, то на Мадан Све, без конца придирался, бранился.

Как-то Мадан Све пахал хозяйское поле, и вол поранил ногу об острый камень. Как назло, в это самое время подвыпивший помещик возвращался с прогулки. Он шел, поигрывая тростью, и вдруг завернул на поле. Мадан Све сказал ему про вола.

— Мерзавец! — заорал О Тонхак.— Так-то ты обращаешься со скотиной? Раз не твоя, значит, можно?! Да этот вол десяти стоит!..

И, словно взбесившись от ярости, помещик принялся колотить батрака тростью. Вдруг Мадан Све схватил трость, рванул к себе.

— А человек для тебя ничто? — не помня себя от гнева, закричал он.

Впервые в жизни поднял он на хозяина голос. О Тонхак попятился: его испугал гнев Мадан Све, но он постарался скрыть страх.

— Ах, ты!.. Ты с кем разговариваешь? Ты что, забыл, как я вас облагодетельствовал? Ты на меня руку поднял?

— Любая букашка, какую каждый растоптать может, и та лучше батрака живет! — Мадан Све глядел помещику прямо в глаза.— Лучше сдохнуть, чем так жить!

— Ах ты дрянь!..

О Тонхак наконец вырвал трость и ударил Мадан Све. И тогда произошло неслыханное: батрак с треском переломил хозяйскую трость о колено.

В тот же день он вместе с Килле покинул постылый дом и ушел из деревни.

6

Целый год скитались по деревням Килле и Мадан Све. На второй вернулись в Понтон: у них уже снова был сын, и они хотели избавить его от нищенской доли. Высоко в горах построил Мадан Све хижину, вспахал на склоне клочок земли, засеял ее чумизой.

Сына назвали Мёнгилем. Он был очень похож на их первенца — такой же веселый и большеглазый крепыш.

Мёнгиль рос как лесной зверек — друзьями его были птицы и звери. Бывало, родители работают на поле, а он ковыляет тут же, между бороздами, старается поймать кузнечика или сидит играет в тени с куклой, вырезанной отцом из сосновой чурки.

Килле с Мадан Све умели работать, и, хотя земля здесь, в горах, была хуже, чем на равнине, осенью зашелестели на ветру стебли чумизы.

— Смотри, малыш,— говорил Мёнгилю отец.— Продадим зерно — купим тебе на зиму теплую одёжку.

Мёнгиль хлопал от радости в ладоши, а Килле смотрела на отца с сыном и улыбалась...

Но вот однажды откуда-то снизу послышались голоса. Прежде никто не приходил сюда — разве забредет какой-нибудь одинокий охотник. Сердце Килле сжалось от недоброго предчувствия.

К ним поднимались трое: один в черном мундире полицейского, двое в желтой японской форме. Незваные гости подходили всё ближе. И вдруг Мадан Све узнал одного из этих людей. Шествие замыкал не кто иной, как бывший его хозяин, помещик О Тонхак. Хозяин тоже увидал Мадан Све.

— Вы что же думали, я ничего не узна́ю? — задыхаясь от крутого подъема, еще издали заорал он.— Ишь, забрались повыше!

Мадан Све смолчал, но лицо его потемнело от гнева. Полицейский подошел к нему совсем близко, взглянул на бывшего батрака и вдруг схватил его жилистой рукой за горло.

— Кто позволил землю пахать? — вытаращив глаза, завопил он.

Мадан Све оторвал от себя вцепившиеся клещами пальцы.

— Здесь горы,— сказал он.— Здесь никто никогда не сеял. Разве нужно разрешение?

— Это мои горы! — вскричал О Тонхак, сверкнув узенькими глазками.

— Ты знаешь, что полагается за самовольную раскорчевку леса? — строго спросил стоящий поодаль тощий, как жердь, чиновник, одетый в японскую форму.

Полицейский меж тем шагал к полю. Вот он подошел совсем близко, достал из кармана спички. Мадан Све не успел опомниться, как к небу взвились языки желтого пламени.

Не помня себя, Мадан Све бросился к полицейскому и тут же упал, оглушенный ударом: рукоять тяжелого ножа рассекла ему лоб. А по полю, крича диким голосом, металась Килле. Сорвав с головы платок, она пыталась сбить пламя. Перепуганный Мёнгиль сидел на земле и горько плакал.

Потом О Тонхак и его прихлебатели ушли и увели с собой Мадан Све за «сопротивление властям». На другой день явился полицейский и арестовал Килле.

Целый месяц просидела Килле с сыном в участке: ее обвиняли в незаконном захвате земли. Когда несчастную женщину наконец выпустили, она узнала, что мужа отправили на принудительные работы в Японию. В глазах у Килле потемнело. Как могла она после всего происшедшего оставаться в этом проклятом месте... Она привязала за спину сына и снова побрела по дорогам от деревни к деревне.

Но вот пришло Освобождение. Килле вернулась в Понтон и стала ждать мужа. Через полгода ему удалось вырваться на родину.

Когда им дали землю, Мадан Све не смог сдержать радостных слез. Он мял в руках жирные черные комья и плакал, а потом снова и снова рассматривал дарственную. Трудно было поверить в такое счастье: ведь он прожил целую жизнь, но никогда не было у него своей земли.

Так началась у них совсем другая, удивительная жизнь. Мадан Све выбрали председателем деревенского комитета, Килле возглавила работу среди женщин. Они стали хозяевами своей земли, отдавали все силы любимой родине. И странно: труд теперь не утомлял их, наоборот — каждый день, казалось, вливал в них новые силы.

Мадан Све с Килле сломали свою жалкую халупу, построили большой дом под черепичной крышей, посадили во дворе персиковые и абрикосовые деревья. На саженцах поселились птицы, и супруги любили слушать их веселые песни. Пение птиц заглушал иногда стук швейной машины — Килле шила сыну обновки.

Но скоро их счастье закрыли черные тучи. Американские империалисты разожгли пожар жестокой войны. Молодежь деревни ушла на фронт. Оставшиеся в тылу работали за тро-

их — и в первых рядах были Мадан Све и Килле.

Настали тяжелые времена. Собрав всякий сброд из пятнадцати стран, враги продвигались на север страны. Народная армия отступала.

Мадан Све вместе с секретарем парторганизации Хенгю эвакуировал в тыл семьи фронтовиков и коммунистов. Килле с сыном отправляли к племяннику дядюшки Хенгю: он жил в пятидесяти километрах севернее Понтона, высоко в горах. Там было сравнительно безопасно.

Обняв семилетнего сына, Мадан Све сказал ему:

— Смотри береги мать. И жди меня, я вернусь, сынок!

Килле окинула деревню прощальным взглядом. Еще недавно вся она звенела песнями, детскими голосами. Теперь стояла мертвая тишина... На полях горели снопы: крестьяне жгли драгоценное зерно, чтобы оно не досталось врагу.

Девятнадцать коммунистов уходили в горы, в партизанский отряд. Командиром их был назначен Мадан Све. Все муки батрацкой жизни пережил он. Мог ли он допустить, чтобы его снова превратили в раба...

Отряд Мадан Све не давал врагу ни минуты покоя. Партизаны нападали на склады с боеприпасами, уничтожали солдат и офицеров противника. Мадан Све был храбр и дерзок. Недаром враги называли его «Красным дьяволом». Как-то, рассказывал позднее дядюшка Хенгю, он один пробрался в самое логово врага и уничтожил тридцать человек.

Лежа в засаде, прижавшись всем телом к родной земле, Мадан Све часто вспоминал Килле с сыном. Иногда удавалось переправить письмо:

...Я уже не такой, как ты меня помнишь. В руках моих оружие — нужно уничтожить врага, прогнать его с нашей земли. Верю, что так и будет, и расцветет у нас тогда небывалое счастье.

Очень хочется видеть Мёнгиля. Ведь столько прошло времени!.. Иногда мне кажется, что я слышу его звонкий голос.

Они хотят растоптать улыбку моего мальчика. Но этому не бывать! Наш Мёнгиль вырастет большим и сильным, верь мне.

Скоро я увижу его, моего родного, и он снова будет петь мне свои любимые песни. За все это — за улыбки наших детей, за их счастье —мы и сражаемся. Когда-нибудь вспомним с тобой это время...

Но вспоминать им не пришлось: Мадан Све погиб. Вот как это случилось.

Его родная деревушка Понтон стояла в самом центре уезда, на линии север-юг. Там расположился штаб неприятельских войск, была расквартирована особая механизированная рота уездной жандармерии, по улицам проносились американские «джипы».

Партизаны решили атаковать деревню, внести смятение в ряды противника, уничтожить склад с боеприпасами. Ночью они окружили Понтон, бесшумно сняли часовых, прорвались к складу и забросали его гранатами.

Враги не ожидали нападения: они были уверены в неприступности Понтона. Операция прошла блестяще, но Мадан Све попал в плен: он был ранен в ногу. Оккупанты, эти звери в человеческом облике, сожгли его на костре.

Позднее дядюшка Хенгю переправил Килле записную книжку командира — его дневник. Горе и гнев ее были безмерны. Она оставила Мёнгиля на попечение родственников Хенгю, пробралась через линию фронта и явилась в отряд.

А потом началось стремительное наступление Народной армии. Словно сухие листья, гонимые осенним ветром, покатились враги на юг. Килле, мать Мёнгиля, забрала сына и

поселилась с ним вместе в деревне Сингван. Она не могла заставить себя вернуться в Понтон: слишком много тяжелого пришлось ей там пережить...

* * *

Так закончила мать Мёнгиля свой рассказ. Ребята слушали не шелохнувшись. Чхонён смотрел на нее полными слез глазами.

— Вот так, друзья. Ваша жизнь омыта кровавыми слезами ваших отцов и матерей,— в заключение сказала она.— Враги еще среди нас. Они ненавидят нас, хотят разрушить все, что мы создали. Не забывайте этого!

Глава восьмая

ВРАГИ ЕЩЕ СРЕДИ НАС

1

Стояла страдная весенняя пора. Пахоту в этом году закончили на двадцать дней раньше срока: в деревне появился трактор. Теперь сажали рассаду. Месяц назад юноши и девушки из Союза демократической молодежи прорыли от реки новые отводные каналы. Воды было вдоволь, удобрений прислали в два раза больше, чем в прошлом году. Ну как тут было не радоваться!

Вечерами у полей ярко горели костры из сосновых лап. При их свете продолжалась работа.

Ребята из отряда Мёнгиля сажали вокруг школы и по обочинам дорог подсолнухи и саженцы плодовых деревьев. Построили они и загон для кроликов — решили увеличить их количество в несколько раз.

По вечерам в школе работала механическая мастерская. Отец Кёнпхаля по-прежнему частенько наведывался к ребятам, приносил всевозможные инструменты, показывал, как ими пользоваться. Короче, дел было хоть отбавляй...

Как-то раз Мёнгиль пришел из школы позже обычного: в его отряде был сбор. Подойдя к дому, он услышал голос матери. Его перебил резкий возглас тетушки Хван. Мёнгиль замер на месте. Вот снова заговорила мать:

— Сама подумай, разве Чхонён счастлив? Что с ним происходит? Почему он не такой, как другие? На душе у него неспокойно — это всем видно. На парня больно смотреть даже нам, посторонним.

Наступило молчание. Мёнгиль понял, что случайно услышал часть какого-то важного разговора. Конечно, надо было уйти, но разговор этот касался его друга. И он остался.

Чхонён действительно стал опять угрюмым и неразговорчивым. Таким он давно уже не был. Он молчал целыми днями и даже к Мёнгилю перестал заходить.

— Зачем к тебе ходит этот бездельник Пак? — чуть тише спросила мать.— Чего только не говорят про него! Сидит у тебя допоздна, пьете с ним вместе... Что он за человек? Чхонён, похоже, знает ему цену, а ты?

Мёнгиль не расслышал последних слов матери, а тетушка Хван вдруг заплакала, громко всхлипывая.

— Разве наши дети не самое для нас дорогое? — помолчав, мягко, как бы размышляя вслух, сказала мать.— Даже

мне неприятно слушать все эти сплетни про вас с Паком. А каково Чхонёну?

Тетушка Хван молчала, хлюпая носом. Она-то знала, что служит деревенским кумушкам пищей для сплетен...

Мёнгиль медленно пошел прочь. Ух, как ненавидит он Пака! Как несет горелым от пепелища, так пахнет скандалом от дома его друга. И все из-за него, из-за Пака! Мать права — Чхонён несчастлив. Он как цветок, что тянется к солнцу, а вместо солнца на него ложится холодный иней. Цветок чахнет, и так трудно спасти его! Словно черная ночь окутывает Чхонёна своим покрывалом. Как же помочь другу?..

Вечером к Мёнгилю прибежали Кёнпхаль и Муниль. Они принесли ошеломляющую весть: забрали Пака! Они сами видели, как участковый вел его по деревне. Муниля прямо трясло от возбуждения.

— Говорят, он гнал самогон... Продавал...

Дурное предчувствие сжало Мёнгилю грудь. Перед глазами его стояло круглое как колесо, улыбающееся лицо тетушки Хван.

«Что же это такое? Гнал самогон... А кто продавал?.. Неужели мать Чхонёна?» Он был в этом почти уверен.

2

Перед домом Мёнгиля взад-вперед ходил человек. Не раз и не два брался он за кольцо на воротах, а потом снова в нерешительности опускал его. Это был Чхонён.

Он давно уже входил в дом Мёнгиля, как в свой собственный, и только сегодня почему-то не смел этого сделать. До него доносились голоса его друзей. Они звучали совсем рядом, но какая стена отделяла его от товарищей! Грудь Чхонёна жгла резкая боль, по щекам катились слезы.

Как он встретится с ними? Нет, невозможно... Чхонён медленно отошел от дома и бесцельно побрел по дороге.

Что теперь будет? Все откроется... Что подумает о нем Мёнгиль? Что подумает мать Мёнгиля, к которой он так привязался? Все от него отвернутся...

Сколько раз Чхонён хотел все рассказать Мёнгилю, да вот не решался. Ведь отец его не погиб. Он жив, и зовут его О Тонхак. Да-да, О Тонхак — тот самый помещик, который издевался когда-то над родителями Мёнгиля, тот, кто замучил отца его друга.

Чхонён вспомнил памятный сбор, на котором мать Мёнгиля рассказывала про злодея, убийцу. И этот убийца — его отец! Чхонёну казалось тогда, что он упадет в обморок. Голова у него кружилась, во рту пересохло.

Отец... Все те ужасы, о которых рассказывала мать Мёнгиля, творил его родной отец! И он, Чхонён, жил с ним под одной крышей. Нет, невозможно!.. Но ведь он не знал всего этого. И мать никогда ему ни о чем не рассказывала.

В те, теперь уже далекие времена О Тонхак был доволен жизнью. У него были власть и деньги, и он делал все, что заблагорассудится. Как-то, съездив в Сеул, он привез оттуда вторую жену — кисэн[1] Хван Побэ́.

Чхонён — приемный сын О Тонхака — рос на руках Хван Побэ и считал ее своей матерью. Он смутно помнил, как какая-то женщина таскала его, маленького, за спиной, ласкала его и играла с ним. Наверное, это была Хван?

О Тонхак гордился сыном, одевал его в шелковые одежды, показывал многочисленным своим гостям. Стоило Чхонёну чихнуть — и весь дом охватывала паника. Его тут же укладывали в постель, скакали за доктором. Все почему-то очень боялись его простуд.

Помещик часто брал малыша с собой на прогулки, объезжал вместе с ним поля и каждый раз говорил:

---

[1] Кисэ́н — танцовщица, певица в старой Корее. Кисэн обязаны были развлекать янба́нов (дворян).

— Смотри, Чхонён. Все это твое! Пятьдесят деревень! И батраков у тебя будет достаточно...

Чхонён был слишком мал, чтобы понимать то, о чем говорил отец, но смеялся и кивал головой. А О Тонхак все возил сына по деревням, и люди, выходившие из домов, кланялись им в пояс.

Но вот как гром среди ясного неба грянуло в сорок пятом году Освобождение... Сжимая в ярости кулаки, смотрел О Тонхак на то, как рушится установленный веками порядок. Батраки организовали Совет. Подумать только — вчерашние нищие заделались хозяевами! Они принялись строить новую жизнь, искать потерянное давным-давно счастье. И сколько в них, прежде бессильных, оказалось энергии! Их дети, не смевшие когда-то и близко подойти к школе, взяли в руки узелки с книгами и отправились учиться! И взрослые тоже! Всю жизнь жили они как слепые, а тут решили постичь грамоту своей страны[1]. И все это делалось на глазах у О Тонхака!

Однажды в деревне появились рабочие в форме железнодорожников. Они собрали вчерашних батраков, и один из рабочих сказал речь.

— Землю тем, кто ее обрабатывает! — бросил он в толпу лозунг.

И все, подняв крепко сжатые кулаки, криками поддержали его.

Урожай в том году собрали богатый. Но он не радовал О Тонхака. Приход этих самых рабочих, ужасные слова — «Землю тем, кто ее обрабатывает», до смерти напугали его. Нужно было срочно что-то предпринимать. Он вызвал к себе управляющего, велел принести приходо-расходные книги и подсчитал, сколько остались ему должны бывшие его батраки. Потом потребовал собрать недоимки.

---

[1] В старой Корее изучали сложные китайские иероглифы. Корейская национальная письменность считалась «низким», «женским» письмом. После 1945 года в Северной Корее перешли на национальную письменность.

Управляющий объездил дома арендаторов, требуя денег. Арендаторы колебались. Впервые в жизни многие отказались подчиниться помещику. Некоторые — те, что потрусливей,— обещали уплатить.

В деревушках, там, где побывали эти парни-железнодорожники, стали создавать артели. Бывшего батрака Цой Све выбрали председателем одной из них, и на воротах его дома висела теперь большая вывеска.

Узнав об этом, О Тонхак визгливо закричал, топая ногами:

— Сейчас же сорвать эту дурацкую вывеску!

Но в деревнях уже появились люди из Охраны порядка, и управляющий не осмелился выполнить приказание.

Бедняки совсем осмелели. Они заявили, что арендная плата в этом году должна быть три к семи: три доли урожая помещику, семь — себе. Три к семи!.. Неслыханно! О Тонхак дрожал от злости: «Вот сволочи! Да что же это творится! Да они меня в могилу вгонят!» Сердце его разрывалось от жалости к самому себе.

«Три к семи... Ну ладно, пусть так. Страшнее другое...» Он знал — в артелях поговаривают о том, что пора прекратить уплату процентов с долгов, а проценты немалые — пятьдесят. Это был сокрушительный удар. Как он держал этих оборванцев процентами! Опутывал с ног до головы до самой смерти. А теперь?..

Дом помещика погрузился в траур. Некогда всесильный О Тонхак целыми днями молча лежал на кане. На душе было смутно и тревожно. Он даже есть не мог — вместо риса, казалось, песок хрустит на зубах. Домашние ходили на цыпочках, боялись сказать лишнее слово. Да и не осталось почти никого в огромном помещичьем доме. Жена, сын, несколько слуг, несколько батраков — остальные поразбежались. Сумеречные настали времена.

А в деревнях смех, шутки, гомон. Приближался Новый год. Дети бедняков щеголяли в новых рубахах, их родители готовились к празднику...

Чхонён во все глаза смотрел на то, что происходило вокруг. Ему недавно исполнилось пять лет, и многое было непонятно. Почему отец лежит, как больной, глядя перед собой в одну точку? Что день и ночь мучит мать? Может, выйти на улицу? Вообще-то ему строго-настрого запретили даже близко подходить к батрацким детям. Целыми днями играл он один на широком дворе. А что, если попробовать? Никто не обращает на него внимания. Никто не заметит...

Чхонён, улучив минутку, выбежал за ворота. Ребята уставились на помещичьего сынка, затем, как по команде, отвернулись от него и продолжали играть, будто его и не было. Чхонён постоял-постоял, потом побежал в дом, схватил самые любимые игрушки и снова вышел к ребятам. Но они, как и прежде, не обращали на него никакого внимания. Вдруг босоногий мальчишка рванул у Чхонёна из рук игрушку и убежал.

«За что они меня ненавидят? — плакал Чхонён, сидя вечером у окна в своей комнате.— Что я им сделал?»

Больше он уже не показывался на улице.

Пятого марта 1946 года был принят закон о земельной реформе. По всей стране стали отбирать у помещиков землю и делить ее между крестьянами. Пятое марта... Сбылась заветная мечта многих поколений крестьян. В этот день бредущая сквозь мрачную ночь деревня превратилась в деревню новую, счастливую...

Как-то утром крестьяне, во главе с Цоем, пришли к О Тонхаку. У того аж дыхание перехватило, когда он спустился во двор и увидел бывших своих батраков и арендаторов. В одно утро из богатого человека — помещика и ростовщика — он превращался в нищего. Всё, всё забирали у него проклятые голодранцы!

Темной ночью О Тонхак покинул свой дом. Вдогонку ему неслись ликующие крики, песни и смех — бедняки отмечали

великое событие. Как змея заползает в глубокую нору, прокрался он в глухую деревушку и на время там притаился.

Никогда не был О Тонхак верующим, а теперь стал верить в бога. Каждую ночь молил он всевышнего: «Пусть будет так, как было!» Он молил, просил, требовал, даже плакал, и бог услышал его молитвы: в 1950 году американцы развязали в Корее войну.

О Тонхак не верил своим ушам: неужели слухи об этом — правда? Когда же убедился, что да, чуть в пляс не пустился от радости. Американцы на юге! На них была последняя его надежда. А тут еще началось отступление Народной армии, и американские войска стали продвигаться все глубже на север. Ликующий О Тонхак вознес богу благодарственную молитву.

Потом он вырыл из земли кувшин с драгоценными бумагами — реестром его земель и долгами его арендаторов. Недаром хранил он эти бумаги, в них была вся его жизнь, его судьба! Как он давно не любовался ими! О Тонхак прижимал сыроватые, пахнущие плесенью листки к лицу и плакал от радости.

— Ну, теперь поживем! — бормотал он, собираясь в путь.— Услышал господь молитвы — вернулось мое время! О господи, спасибо тебе!

Хван Побэ испуганно смотрела на мужа: казалось, он свихнулся от счастья.

И вот через четыре года О Тонхак снова на своей земле. Сколько раз видел он ее во сне! Эти мерзавцы превратили его дом в хлев — у них, видите ли, тут был комитет! Скоты!.. Ничего, он им покажет!..

И он сдержал данное самому себе слово. Американцы как раз искали верного человека: им нужен был начальник жандармерии. О Тонхак появился как нельзя более кстати.

Скоро он уже ходил по деревне в новенькой форме. По

его приказу стали хватать тех, кто конфисковывал не так давно помещичьи земли; эти мерзавцы оскорбили его, и он жаждал их крови! Огромный амбар, отведенный под тюрьму, заполнился заключенными. А О Тонхак сидел в участке и вершил суд над своими врагами.

Как же он был счастлив, когда в один прекрасный день увидел перед собой председателя комитета Цой Све! Цой по приказу партии остался в подполье, и его выдал провокатор.

— А-а-а, Цой Све! — иронически приветствовал его О Тонхак.— Давненько не видались! — И он, довольный, ощерил в улыбке желтые зубы.

Но перед ним стоял уже не прежний безропотный батрак. Перед ним стоял человек, прошедший школу партийной работы, человек, руководивший людьми, работавший в подполье. Его нелегко было сломить.

— Вернулся? — невозмутимо поинтересовался Цой.— Думаешь, снова по-твоему будет? Не будет! Разве что могилу себе здесь найдешь!

Кто бы мог подумать, что он будет так держаться перед лицом смерти!

— Хорошо-о-о...— протянул О Тонхак.— Посмотрим, кто из нас скорее найдет могилу.

И он схватил здоровенную дубинку. Он бил связанного Цоя и требовал назвать имена партизан и подпольщиков. Потом Цоя пытали подручные О Тонхака, но Цой молчал и лишь иногда усмехался в звериные лица своих палачей.

Его пытали неделю, а на восьмой день О Тонхак собственноручно распилил Цоя пилой. Такими невиданно зверскими способами расправлялся он теперь со своими врагами...

Через несколько дней на деревню напали партизаны. Бой длился целую ночь, и О Тонхак неплохо показал себя в этом бою. Он верил в силу своих новых хозяев, и встал во главе полицейских, оборонявших склад с оружием.

Когда на следующий день О Тонхак пришел в штаб изряд-

но потрепанного гарнизона, он увидел там пленного, и пленным этим оказался Мадан Све, бывший его батрак!

О Тонхак упросил отдать ему Мадан Све: этот ведь тоже заделался хозяином на его земле. Он согнал к околице всю деревню, привязал Мадан Све к большому ореховому дереву и развел у его ног костер. Мадан Све сгорел заживо.

Новые власти были довольны О Тонхаком. Вскоре он стал уездным начальником. И началась у него привольная жизнь: кабаки, карты, пьяные дебоши. А пьяным О Тонхак творил что хотел — власть у него была огромная.

За несколько дней до изгнания оккупантов, когда Народная армия наступала по всему фронту, О Тонхак напился до белой горячки. В бреду его одолевали дикие видения: он слышал голоса замученных им людей, видел костер у ног Мадан Све...

Те, кому он служил верой и правдой, даже о нем не вспомнили. Бросая оружие, оставляя на дороге «джипы» и тягачи, американская армия катилась на юг.

Когда О Тонхак пришел в себя, он увидел, что лежит в маленькой сырой землянке, рядом с ним сидит повзрослевший Чхонён, а в уголке пригорюнилась Хван Побэ. Это она с сыном притащила сюда О Тонхака. Она же вырыла эту землянку.

Целый месяц прожили они, как кроты, в земле. О Тонхак, как ни странно, не падал духом. Что ж, покровителям его пришлось убраться восвояси. Но они вернутся — он верил в это.

— Вот увидите, зацветут чиндаллé[1], и они придут сюда снова,— твердил О Тонхак.

Через месяц он вместе с семьей, крадучись, перебрался в деревушку Сингван: там его не знали в лицо.

---

[1] Так называют в Корее рододéндроны.

Хван Побэ купила маленький домик и сделала в кухне тайник, куда О Тонхак прятался, когда кто-нибудь к ним заходил.

Сын его носил теперь фамилию Ким, жене О Тонхак велел вступить в кооператив.

— Забудьте, что меня звали О Тонхаком,— чуть ли не каждый день твердил он.— Я Ким Сончхун, понятно? — И он угрожающе переводил взгляд с жены на сына.

— Понятно, понятно,— торопливо кивала тетушка Хван.

Шли дни. И вот однажды тетушка Хван явилась с собрания с ошеломляющей новостью: председателем кооператива выбрали Килле — бывшую их батрачку. Нет, этого вынести О Тонхак не мог. Килле! Скулы сводило при одном ее имени.

— Надо их уничтожить, всех уничтожить! — скрипел он зубами.

Он стал выходить вечерами из дому, шнырять по деревне. Ему удалось подбросить в корм вола гвоздь, подсыпать песок в мотор, он поджег даже дом Мёнгиля, да проклятые мальчишки подняли тогда шум. И Килле быстро прибежала спасать дом...

Таким был отец Чхонёна. А он, Чхонён, дружил с Мёнгилем. Какой ужасный путь выбрал О Тонхак! А ведь Чхонён когда-то верил ему!..

Да, не все сразу осознал Чхонён. День за днем менялись его взгляды и представление о жизни, менялся он сам. Поездка в Пхеньян помогла ему понять многое. Всем своим существом ощутил он великую силу народа, понял окончательно, что с отцом ему не по пути. А после сбора, после рассказа матери Мёнгиля он возненавидел отца.

Он вырвется из этой грязной норы! И пусть даже все друзья отвернутся от него, он обо всем расскажет Мёнгилю. Сколько раз он уже решал сделать это, но у него не хватало мужества. Он боялся потерять друга. Чхонён знал: в тот са-

мый миг, когда Мёнгиль обо всем узнает, он, Чхонён, навсегда останется одиноким.

Вот и сегодня: ведь он уже подошел к воротам, а потом повернул назад. В который раз смалодушничал!

3

О Тонхак дрожал всем телом. Пака взяли! Только что об этом ему сообщила жена. «Конец... всё... конец... Всех выдаст... Этот мерзавец продаст...» Зубы его клацали, длинные волосы рассыпались по плечам, бледное, давно не видевшее солнечных лучей лицо походило на маску. И только заплывшие глазки по-прежнему зло сверкали.

— С ума сойти! Прямо сойти с ума! Вот горе-то!.. Ох, злая наша судьбина...— хватаясь рукой за сердце, причитала жена.

О Тонхак остановил на ней холодный взгляд.

— Ничего, ничего...— проворчал он.— Думаешь, со мной так легко справиться? — Похоже было, что он уговаривал сам себя.

— Замолчи! — От ярости у тетушки Хван даже губы дрожали.— Что ты можешь сделать? Вот возьмут меня... А все из-за тебя! Тебе-то что, сидит, скрестив ножки, и всё! А я? Думаешь, за тебя отдуваться буду? И Пака ты погубил! Ох, беда, беда!..

О Тонхак покосился на жену, фыркнул.

— Брось молоть чепуху, противно слушать! Ну взяли этого дурака, а ты тут при чем? Ты же «вдова» — вот он к тебе и ходил. Сама говоришь, болтали...

— «Болтали»!.. Что ты знаешь, сидя-то взаперти? А найдут тебя, что будем делать? Эта... председательша... она же тебя как облупленного знает. А чего она каждый день в уезд шляется? Курсы у нее, видите ли, какие-то...

Она смотрела на него глазами, полными ненависти, а он

уловил из ее визга важную для себя новость — председательша повадилась ходить в уезд. Он прищурился и вдруг цепко схватил жену за руку.

— На курсы, говоришь, ходит?

— Отцепись! — окрысилась тетушка Хван.

— Не ори! — рявкнул О Тонхак.— Говори, ну! Каждый день ходит?

— А то... И чего ты злишься? — перетрусила тетушка Хван. Она знала своего мужа и боялась его.— Все на мне срывает...

Но О Тонхак уже не слышал нескончаемого потока ее слов. Какая-то мысль пришла ему в голову, мысль страшная, чудовищная...

— Во сколько она возвращается? Какой дорогой? — быстро спросил он.

Тетушка Хван нехотя отвечала. А он сидел поджав ноги, щурил по давней привычке глазки-щелочки и думал. Пака схватили... Но он, О Тонхак, так просто в руки не дастся...

Картежник и спекулянт Пак Пхунсам был в этом доме своим человеком. Но даже он не знал о существовании О Тонхака. Он ходил к одинокой вдове, доживавшей век вместе со своим угрюмым сыном. Тетушка Хван всячески высказывала Паку свое расположение, поила и кормила его и незаметно прибирала к рукам.

Это она надоумила Пака оклеветать старика Чинтхэ, когда сломался мотор на мельнице, по ее наущению орал он у коровника всякие гадости деду Муниля, когда в желудке вола обнаружили гвоздь. Он же разносил по деревне тревожащие людей слухи.

Беспросветный пьяница, за деньги и водку он был готов на всё. Через Пака и тетушку Хван О Тонхак скупал потихоньку на рынке золото. Раз в неделю Хван Побэ ходила в уезд. Возвращалась она обычно поздно вечером, принося за

пазухой золотые слитки, и Паку неизменно перепадало кое-что за посредничество.

Запах денег... Пак Пхунсам умел его чуять! Такой человек и нужен был до поры до времени О Тонхаку. Но теперь он стал опасен. Клубок начнут распутывать, от Пака ниточка потянется к Хван Побэ, а там и до него доберутся. Нужно выпутаться из этого клубка, и он знает, как это сделать. Вот только Чхонён... Как быть с Чхонёном? Разве не должен сын походить на отца? Вот он и походит... О Тонхак вздохнул. Ладно, с сыном он разберется. Сначала Хван...

Кто-то вошел во двор. О Тонхак отступил в темный угол комнаты, но тревога оказалась ложной — это был Чхонён. О Тонхак мрачно воззрился на сына.

— Где был? — негромко спросил он.

Чхонён, не отвечая, снял кепку, повесил на гвоздь.

— Где был, говорю? — повысил голос О Тонхак.

— Почему ты всегда спрашиваешь? — с трудом выдавил из себя Чхонён и устало опустился на стул.

— Ты что затеваешь, а? Отвечай!

В одно мгновение О Тонхак очутился с ним рядом. Тетушка Хван, прислонившись к стене, тяжело дышала. У нее не было ни сил, ни желания вмешиваться.

Чхонён сидел, поглощенный своими думами, рассеянно глядя куда-то вверх, словно отыскивая что-то на потолке, и молчал. О Тонхак изменил тактику.

— Чхонён! — начал он вкрадчиво.— Ведь ты мой единственный сын. Кроме тебя, у меня никого нет. Ты один знаешь душу отца...

— Поглядите-ка на него! — расхохоталась вдруг тетушка Хван.— Чхонён — его единственный сын! Он, видите ли, знает душу отца!

— Помолчи-ка лучше,— бросил на нее косой взгляд О Тонхак.

— Чего ж молчать-то? — наклоняясь вперед, едко спросила тетушка Хван и вдруг разрыдалась.

О Тонхак даже не взглянул на нее. Он все пристальнее всматривался в сына. У того застыло на лице какое-то странное выражение, и, кажется, О Тонхак это выражение разгадал.

— Говори, что случилось?

Он потряс Чхонёна за плечо. Чхонён содрогнулся всем телом, и рука О Тонхака бессильно упала. Он не мог сдержать нахлынувшей вдруг ярости.

— Ты же мой сын! Знаешь, почему я терплю все это? Потому что хочу вернуть нашу землю, наш мир... Вернуть для тебя! А ты? Нет, чтобы поддержать отца, ходишь как в воду опущенный...

Он смотрел на отвернувшегося от него Чхонёна полными злобы глазами.

— При чем тут земля? — пожал плечами Чхонён.

— Что-о-о? — задохнулся О Тонхак.

А сын продолжал:

— И что такое «наш мир»? Мир, в котором по корейской земле ходят оккупанты? — Теперь он смотрел О Тонхаку прямо в лицо.

— Что-о-о? — повторил О Тонхак.— Ах ты дрянь! Что ты сказал?

— Я все обдумал... Я...— Чхонён слегка задыхался, готовясь произнести ужасные для отца слова.

И вдруг О Тонхак обрушил на сына страшный удар. Что-что, а бить он умел! Чхонён как подкошенный упал на пол. О Тонхак бросился на него. Из рассеченной губы Чхонёна хлестала кровь, он молча лежал на полу, стараясь прикрыть от ударов голову, а О Тонхак всю свою злобу, всю ненависть вкладывал в эти удары.

— Куда ходил, говори? — рычал он.

Тетушка Хван расширенными от ужаса глазами молча смотрела на мужа и сына.

4

С утра хмурилось серое небо. К вечеру пошел мелкий, надоедливый дождик. Чхонён сегодня опять молчал весь день и даже своему другу Мёнгилю отвечал коротко и неохотно. Они как раз собирались домой, складывали учебники, когда в класс вошел учитель Чансу.

— Чхонён, выйди на минуту,— сказал он, отводя глаза в сторону.

Чхонён медленно, с видимой неохотой вышел с учителем. В коридоре было многолюдно и шумно: ребята, смеясь и болтая, расходились по домам.

Через десять минут Чхонён возвратился. Лицо его было мертвенно-бледным.

— Что случилось? — встревожился Мёнгиль.

— Мама... Умерла мама...— угасшим, бесцветным голосом чуть слышно сказал Чхонён.

— Как?! — Мёнгиль выронил из рук портфель.

Чхонён молчал. Он потерянно стоял возле своей парты, и лицо его было каменным.

— Нет... Не может быть...

Мёнгиль подошел к другу, сжал ему руку.

— Она... Она... повесилась,— выдавил с трудом Чхонён, глядя остановившимися глазами куда-то в угол.

«Такое и в страшном сне не увидишь,— растерялся Мёнгиль.— Нет, это невозможно...»

Он схватил свой узелок с книгами и узелок Чхонёна:

— Что ж мы стоим? Бежим!..

Но Чхонён не двинулся с места. Он все смотрел в угол, будто увидел там что-то очень для себя интересное. Мёнгиль схватил его за руку и потащил за собой.

Все это время Муниль с Кёнпхалем стояли словно окаменев, таращa глаза от страха и изумления. Даже болтун Кёнпхаль не знал, что сказать в утешение. Теперь они, словно очнувшись, бросились вслед за друзьями.

— Как же ты теперь? — растерянно пробормотал Муниль, заглядывая в лицо Чхонёна.

Чхонён не ответил.

Так в молчании дошли они до дома тетушки Хван. Двор был полон народа. У самых дверей стояли мать Мёнгиля, дядюшка Хенгю, уездный уполномоченный Общественной безопасности. Увидев Чхонёна, мать Мёнгиля подошла к нему, взяла за руку. Он почувствовал тепло ее руки, и вдруг лицо его покривилось, слезы хлынули из глаз, и он как маленький уткнулся ей в грудь. Она молча гладила Чхонёна по голове.

Кумушки, покачивая головами, судачили о том, как трудно будет парню жить одному, и вытирали длинными лентами, свисающими с их кофт, слезы. Знали бы они, что за этим событием последует другое, не менее страшное...

Уполномоченный из уезда задал Чхонёну несколько вопросов, связанных со смертью тетушки Хван, но тот не мог сказать ничего вразумительного. Потом мать Мёнгиля увела Чхонёна к себе.

— Ночевать будешь у нас,— сказала она.

Весь вечер ребята не отходили от друга, старались, как могли, утешить его.

— Мы будем жить вместе,— сказал Мёнгиль, и мать его поддержала.

— Ты не один, Чхонён,— ласково сказала она.— Конечно, это огромное горе. Но ты не один, помни. Мир изменился. С тобой рядом твои друзья. И я тоже... Будешь теперь жить с нами. Станешь братом моему Мёнгилю.

Из глаз Чхонёна снова закапали слезы. Он плакал о погибшей матери, о своей незадачливой жизни, плакал от щемящего чувства благодарности. Друзья не знали, что творится в его душе, но у них тоже защипало в носу.

На другой день односельчане хоронили тетушку Хван. Чхонён больше не плакал. Он молча простился с матерью, сказал Мёнгилю, что сходит домой за вещами, и быстро пошел по узкой тропе к своему дому.

Нет, не может он переселиться к Мёнгилю! Не может войти в этот дом из грязного притона, в котором вырос! Войти к ним... все равно что плеснуть чернила в светлый ручей. Только с чистой душой, в которой ничто не таится, мог бы стать он Мёнгилю братом.

«Как сказать о том, что отец мой — страшный, коварный враг, что он столько времени прятался, жил со мной под одной крышей?.. Может, лучше уехать, уйти куда глаза глядят, туда, где никто не знает меня? Да, так будет лучше!..»

Он подошел к дому и остановился. Входить было страшно. «Ничего, больше я сюда не вернусь». Эта мысль возвратила Чхонёну мужество. Он толкнул дверь, вошел и, не глядя по сторонам, прошел прямо к сундуку с одеждой.

Вытащив большой платок, Чхонён расстелил его на полу и стал бросать на него свою одежду и книги. Он не чувствовал ни грусти, ни сожаления. Ему неожиданно стало легко.

И вдруг за спиной Чхонёна хлопнула дверь. Он вздрогнул, замер, боясь оглянуться. Руки его дрожали.

— Куда собрался? — раздался знакомый голос.

О Тонхак стоял в дверях, щуря узенькие глазки.

— Ну! Кого спрашиваю?!

— Я ухожу...— хриплым от волнения голосом сказал Чхонён.

— Куда?

— Куда-нибудь! Буду работать.

— Ага... Ясно...

О Тонхак двумя пальцами поднял опущенную голову Чхонёна и заглянул ему в глаза, будто желая прочесть тайные мысли сына. Чхонён вырвался и дрожащими руками принялся завязывать платок. О Тонхак рванул узел к себе, швырнул его в угол.

— Подождешь меня,— распорядился он.— Уйдем вместе. Ночью...

— Нет! — в отчаянии крикнул Чхонён.— Нет! Не хочу!

О Тонхак, казалось, не слышал этого крика. Он помолчал, потом сказал тихо:

— Слушай, Чхонён, надо убрать одну женщину. Если останется она, погибнем мы. А нас ведь теперь двое на всем свете, разве не так?

Чхонёна словно ударили чем-то тяжелым в грудь. О Тонхак говорил о матери Мёнгиля! Он не хотел уходить из Сингвана так просто, не рассчитавшись с ней.

«Как он ненавидит ее! Почему? — в который раз подумал Чхонён.— Ведь он же сам издевался над ней. Она ему ничего плохого не делала...»

Сколько раз О Тонхак и тетушка Хван изливали на мать Мёнгиля потоки злобы, но никогда не мог Чхонён понять причин этого. Они ведь знали, как она относится к нему, их сыну, почему же они так ненавидели эту добрую, ласковую женщину?

«Может, я ошибаюсь? — лихорадочно думал Чхонён.— Может, он говорит не о ней? А если даже и так? Нужно предупредить, кого бы ни собирался погубить этот мерзавец».

Чхонён собрал все свои силы и посмотрел прямо в глаза О Тонхаку.

— О ком ты говоришь? — чуть слышно спросил он.

О Тонхак усмехнулся:

— А ты не знаешь? О председательше, о ком еще?

Он словно выплеснул это слово — «председательша». Все поплыло у Чхонёна перед глазами. Какое страшное испытание ему предстоит!..

Он без сил опустился на кан.

5

Мать Мёнгиля с утра отправилась в город. Было уже больше десяти вечера, а она все не возвращалась. Впрочем, Мёнгиль не волновался: последнее время она часто задержива-

лась. Вместе с Мунилем и Кёнпхалем он ждал Чхонёна, но тот почему-то не шел.

— Сходим за ним? — не вытерпел наконец Кёнпхаль.

— Правда, пошли,— поддержал его Муниль и вопросительно взглянул на Мёнгиля.

Мёнгиль недоумевал: куда, в самом деле, девался его друг? Пошел за вещами и как в воду канул.

Кёнпхаль решительно встал, взял со стола кепку. Поднялся и Мёнгиль. И как раз в этот момент в дом ворвался Чхонён.

— Мёнгиль, беда! — задыхаясь от бешеного бега, с трудом проговорил он.

Больше он ничего не мог выговорить, только шумно дышал. Схватив Мёнгиля за руку, он потащил его к выходу.

— Подожди, в чем дело? — упирался Мёнгиль.

— Мать!.. Мама твоя в опасности!

Мёнгиль замер на месте, вглядываясь в лицо друга.

— Ее поджидают... Ждут ее возвращения из уезда...

— Кто? — в один голос крикнули все трое.

— Мой отец...— выдохнул еле слышно Чхонён.

— Что-о-о?

Они прямо остолбенели. У Чхонёна—отец?! Разве он не погиб при бомбежке? Не повредился ли их друг от горя в уме?

— Постой, не спеши.— Мёнгиль изо всех сил старался казаться спокойным.— Скажи, в чем все-таки дело?

— Да некогда же! Нет времени! Надо маму твою спасать! — в отчаянии простонал Чхонён и первым выскочил из комнаты.

— Пошли! — крикнул Мёнгиль друзьям.

Даже не надев стоящие у двери башмаки, ребята бросились вслед за Чхонёном.

Мать Мёнгиля шла одна по темной дороге. Молодой месяц недвижно стоял на западе, освещая неярким светом темные, поросшие лесом склоны гор. Дул ветерок, звенели цикады.

Идти было легко и радостно. Сегодня они говорили о строительстве в уезде новых школ. Как это прекрасно — такая забота о детях!.. Она вдруг вспомнила свое недавнее выступление на сборе, счастливые молодые лица, словно бутоны будущих прекрасных цветов, и среди них лицо ее сына. Когда-то она бродила с ним, маленьким, по дорогам в поисках пропитания... До сих пор щемит сердце при одном только воспоминании. И будто отгоняя тяжелые мысли, мать Мёнгиля тряхнула головой.

Зато теперь... Разве не играет на лице ее сына счастливая, радостная улыбка, разве не звенит песней его молодой голос? Он председатель совета отряда, ведет за собой ребят, его любят и уважают в школе...

Она медленно шла по дороге и улыбалась своим мыслям. Мёнгиль будет, наверное, агрономом. Доживет ли она до этого счастливого дня?

> *Мы должны сделать все, чтобы цвели улыбки на лицах наших детей, чтобы путь их был прямым и светлым, чтобы им не пришлось, как нам, продираться через колючий кустарник жизни.*

Она вспоминала письма своего погибшего мужа, и слова его гнали усталость прочь и приносили ей бодрость духа.

Месяц закрыли черные тучи. В чернильной мгле ничего не было видно. Шумели на ветру осины. И вдруг к их шуму прибавился другой, посторонний звук... Казалось, крупный зверь, осторожно ступая мягкими лапами, пробирается на дорогу. Снова выплыл узкий серп месяца, и в свете его прямо к матери Мёнгиля метнулась неясная тень. Раздалось какое-то звериное рычание, сверкнул нож...

И вдруг еще одна тень скользнула на дорогу. Кто-то быстрый и смелый бросился ей на помощь. Тени слились, хриплый возглас разрезал тишину ночи. А потом послышался топот бегущих ног. По дороге стремглав летели Мёнгиль, Чхонён и Муниль. Мёнгиль бросился к матери, прильнул к ее груди.

Она обняла его и заплакала. А у ног ее тот, кто был второй, выскользнувшей из леса тенью, крепко-накрепко связывал негодяя, напавшего на нее.

Подоспели люди из отряда обороны — их привел Кёнпхаль. Все вместе дошли до околицы. И здесь, у первого фонаря, взглянув на связанного бандита, Кёнпхаль с Мунилем замерли от изумления. Длинные космы, бледное, заросшее щетиной лицо... Да ведь это тот самый «нечистый дух»! И вдруг Муниль изо всех сил саданул Кёнпхаля в бок.

— Ой! — взвизгнул Кёнпхаль, но все-таки посмотрел туда, куда показывал ему взглядом друг.

Они узнали и вторую тень: высокий, плечистый «прохожий», тот, кого выслеживали они возле дома Мёнгиля. Теперь он был в форме офицера Общественной безопасности. Вот он улыбнулся Мёнгилю, кивнул ему, как старому своему знакомому. Значит, Мёнгиль его знал?

Да, Мёнгиль знал этого человека. Именно ему рассказывал он о том, что у коровника появился «нечистый дух», по его просьбе говорил обо всем, что случалось в деревне, учителю Чансу. Но даже друзья Мёнгиля ничего не знали об этом. Ох и ругали же они его потом за скрытность!

Наконец-то поймали гнусную нечисть! Ну, а что делать с Чхонёном? Что он за человек, в самом-то деле?.

Глава девятая

МОЙ СЫН!

1

Чхонёна вызвали в уезд, в Управление общественной безопасности. Отправляясь туда, он не испытывал ни смущения, ни тревоги.

Вчера он все рассказал Мёнгилю и его матери. Он говорил быстро и не очень толково, перебивая сам себя, торопясь рассказать всё, всё до мельчайших подробностей. Слова бежали, обгоняя друг друга. Так воды бурной реки, бывает, прорвут плотину и устремятся весной на поля.

Теперь он наконец успокоился. Хоть как-то ответил он на любовь и сочувствие своих друзей. Конечно, после того, что

они узнали, он не может быть рядом с ними, но он помог спасти мать своего друга. Это — главное. Остальное не так уж важно...

Мать Мёнгиля молча выслушала сбивчивый рассказ Чхонёна. «Как же с ним быть? — напряженно думала она.— Вот незадача...»

Мёнгиль тоже молчал. Чхонён — сын помещика, сын того самого О Тонхака. Невероятно! Да, теперь многое стало ясным: его угрюмый нрав, скрытность, туманные намеки, неумелые попытки поговорить по душам.

— Что ты собираешься делать? — спросила наконец Чхонёна мать Мёнгиля.

Чхонён сидел бледный, низко опустив голову. Но голос его звучал твердо.

— Позвольте мне называть вас матерью,— сказал он и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Мама! Я никогда не забуду ни вас, ни Мёнгиля. Не забуду то, что вы сделали для меня. Я буду работать, стану настоящим человеком, обещаю вам!..

Через день, когда Чхонён уже уехал в уезд, Мёнгиль снова заговорил с матерью о своем друге. Он и возмущался им, и жалел его, и ругал, как ругал бы попавшего в беду брата.

— Ты не все еще понимаешь, Мёнгиль,— заступилась за Чхонёна мать.— Многие годы его воспитывал О Тонхак. Не мог он сразу понять, что вокруг него происходит, не мог сразу прийти к нам. Но и с врагами Чхонён не пошел, ему оказалось с ними не по пути. А то, что он сейчас все рассказал нам, разве этого мало? — Она задумчиво улыбнулась.— Теперь ему наверняка стало легче. И с нами он теперь до конца. Видишь, сынок, люди приходят к нам. Это очень важно...

Вечером в дом Мёнгиля неожиданно пришел высокий офицер из Управления общественной безопасности, тот самый, что спас мать.

— А, следопыты! — засмеялся он, весело поглядывая на сидевших за столом Кёнпхаля и Муниля. Те только затылки почесали от смущения.

Мёнгиль рассказывал ему, как ребята охотились за «нечистым духом». Что и говорить, здорово они тогда ему помешали. Как-то вечером он заметил у дома Мёнгиля подозрительную личность, но тут с криком прибежали Кёнпхаль и Муниль, и О Тонхаку удалось скрыться. То же произошло и в тревожную ночь пожара: опять эти баламуты спугнули врага. Да еще болтали потом по всей деревне про «нечистого духа»!

Он просил Мёнгиля поговорить с друзьями — их длинный язык вредил делу. Они вроде бы попритихли, зато потом поймали его самого у дома председателя кооператива. И если бы не телега, так вовремя загородившая дорогу, ему было бы трудно от них отвязаться. Да, пришлось ему поиграть в прятки со своими добровольными помощниками... Но разве мог он ругать этих славных ребят? Они любили родину, болели за свою деревню, ненавидели тех, кто мешал строить новую жизнь. За что же ругать их?.. Наоборот, надо их приободрить. Вон как смутились.

— Занимаетесь? — поинтересовался он дружески.— Хорошо...— и улыбнулся всем троим.

— Что с Чхонёном, товарищ? — осмелел Мёнгиль.

— Об этом пока говорить не будем,— суховато ответил офицер.

— Он оказался совсем другим! Сыном помещика! — стал, как всегда, кипятиться Кёнпхаль. Он был ужасно зол на Чхонёна.

— Разберемся... Обязательно разберемся...— чуть мягче сказал офицер.

— Разберетесь? — зачем-то переспросил Мёнгиль, вглядываясь в его лицо. Ему так хотелось узнать что-нибудь о друге, но он не посмел больше спрашивать.

Зато офицер задал им кучу вопросов: как вел себя Чхонён в школе, как ему жилось в доме, как он относился к товари-

щам? Все трое в один голос твердили о том, что Чхонён настоящий друг, что он очень хороший. Даже Кёнпхаль, забыв собственные слова, всячески выгораживал Чхонёна и только в конце хвалебной речи не удержался и добавил обиженно:

— Ничего нам не говорил. Друг называется...

Офицер улыбнулся и встал.

— Ничего, скоро он опять будет с вами,— сказал он на прощание.

2

Прошло несколько дней, и в Управление общественной безопасности вызвали Мёнгиля с матерью. Зачем? Этого они не знали. Может быть, из-за Чхонёна? Недаром же приходил к ним их знакомый офицер...

В Управлении им пришлось немного обождать в приемной. Потом их пригласили в кабинет начальника.

За столом сидел усталый человек лет пятидесяти. Он встал им навстречу, неожиданно улыбнулся открытой улыбкой доброго человека.

— Извините, что пришлось побеспокоить,— сказал он.— Садитесь... Ну как, Мёнгиль, все в порядке? Пришлось тебе поволноваться, ничего не поделаешь! Зато помощь ты оказал большую.

— Да, ребята старались,— тоже улыбнулась мать.— А я ужасно перепугалась, когда этот тип на меня бросился.

— Еще бы... А они молодцы, настоящие пионеры!

Начальник положил Мёнгилю на плечо большую теплую руку, потом взял стул, сел рядом с посетителями.

— Хотелось бы кое-что уточнить...

— Да? — насторожилась мать Мёнгиля.

— Скажите, ваша родина — уезд Анан? — неожиданно спросил начальник.

— Да,— несколько удивленная этим вопросом ответила мать Мёнгиля.

— А на кого вы батрачили?

— На помещика О Тонхака.

— Вы могли бы его узнать?

— Еще бы! Пока глаза мои не засыплет земля, буду помнить этого негодяя.

— Хорошо. И еще одно... Только вы не волнуйтесь.

Мать Мёнгиля растерянно смотрела на собеседника. Почему он просит не волноваться? Что ее ожидает? У Мёнгиля почему-то гулко забилось сердце.

Начальник встал, подошел к столу, нажал кнопку звонка. В дверях показался знакомый им офицер.

— Приведите,— коротко приказал начальник.

Офицер вышел и скоро вернулся, ведя перед собой обритого наголо человека. Бледный, маленькие, узкие глазки... Мать Мёнгиля вдруг встала. Лицо ее изменилось.

— Вы знаете этого человека? — спросил начальник.

— О Тонхак! — Голос ее дрожал.

О Тонхак понял, что все кончено, и низко опустил голову. Мёнгиля током пронзило это известие: «Так это он... Он не давал житья моей матери... Он замучил отца...» Словно огонь плеснули ему в глаза.

— Хотите сказать что-нибудь? — обратился начальник к О Тонхаку.

— Упустил гадину из рук...— процедил О Тонхак сквозь стиснутые зубы.

— Убийца! — Мать, сжав кулаки, не помня себя от горя и гнева, сделала шаг к кровному своему врагу.

— Увести арестованного! — приказал начальник: он понял состояние женщины.

О Тонхака увели, а мать все стояла как вкопанная, глядя вслед убийце своего мужа.

— Садитесь, пожалуйста,— придвинул ей стул начальник.

Мать Мёнгиля машинально опустилась на стул. Пальцы ее судорожно вцепились в край письменного стола.

— Как же это?.. Откуда он взялся?..— повторяла она.

— Откуда? — переспросил начальник.— Так это же тот самый «нечистый дух»... Тот, кого видели ребята.

— Так это был он?!

— Да. Он и вола погубил, и в мотор песок насыпал, по его наущению распространял по деревне тревожные слухи Пак. И еще одно... Это он задушил Хван Побэ.

— Нет...— задохнулась от ужаса мать Мёнгиля.— Не может быть... Она сама...

И тогда начальник рассказал ей, как это случилось.

Арестовали Пака, и О Тонхак заметался в своей грязной норе. Надо было спасать шкуру — так диктовали волчьи законы, по которым он жил. Но ему мешала Хван Побэ. «Пак непременно потянет ее за собой,— лихорадочно думал он.— А там доберутся и до меня...» Его ждала участь Пака — он в этом не сомневался,— и он решил убить жену.

О Тонхак обдумал всё до мельчайших подробностей. Вся деревня знала о дружбе его жены с Паком, его же никто здесь не видел. Никому и в голову не придет искать убийцу. Сама себя порешила — и всё...

Утром, когда Чхонён ушел в школу, О Тонхак подкрался к спящей жене и надел ей на голову большой глиняный горшок. Хван задохнулась. Потом он вытащил тело в чулан и повесил на балке.

Да, это был зверь в человеческом облике. И он не пощадил женщину, которая спасла ему не так давно жизнь!

Мёнгиль, дрожа, выслушал леденящий душу рассказ. Как могла носить земля этого кровопийцу? Мать Мёнгиля зябко поежилась...

— Неужто так все и было? Неужто может такое случиться на белом свете? — растерянно повторяла она.

— Это не человек. Чудовище! — ответил начальник.

Он встал, подошел к ящику, стоявшему рядом со столом, вынул оттуда три пары плетеных сандалий, поставил их перед посетителями. Потом развернул туго свернутый лист бумаги.

— Вы никогда не видели этого раньше?

Дорога... Горы... Поле...

— Я видел это у Чхонёна,— сказал Мёнгиль, всматриваясь в рисунок.

Он вдруг ясно вспомнил то дождливое утро, когда Чхонён сломя голову примчался к нему за оставленным в книге чертежом.

— Понятно,— задумчиво сказал начальник.— А теперь взгляните сюда. В этих сандалиях вся жизнь О Тонхака.

Мёнгиль с матерью, замерев от изумления, молча смотрели на сандалии. Начальник, не говоря ни слова, принялся расплетать самую большую пару. Он разъединял тонкие полоски соломы, вынимал крошечные листки бумаги и складывал их один к одному. Вот все клочки сложены — перед посетителями лежит документ с красной печатью.

— Вот она, жизнь О Тонхака: бумага, подтверждающая его права на землю. А на чертежах — его родовое поместье.

Да, это был тот самый документ, который долгие годы хранил, без конца прятал и перепрятывал О Тонхак. Наконец, не в силах победить снедавшую его тревогу, он разорвал драгоценный листок на мелкие части и вплел в сандалии.

Мёнгиль по-прежнему не мог прийти в себя. Сколько слыхал он о помещиках всяких рассказов! Сегодня он увидел помещика собственными глазами, и не просто помещика — О Тонхака! Увидел, на какие гнусности он способен, какой он жестокий и хитрый! Даже разбитый наголову, пытался он укусить, ждал своего часа и не сдавался. Сердце Мёнгиля гулко стучало. Он хотел убить его мать! Убить... Какое страшное слово, и как ясен теперь Мёнгилю смысл этого слова!..

А начальник снова заговорил о Паке:

— Мы давно следили за этим бездельником, еще до его приезда в Сингван. Пьяница, спекулянт... О Тонхак быстро его раскусил, да тут еще жена помогла...

Начальник спрятал сандалии в стол, но сам на место не сел, а принялся ходить по комнате взад-вперед. Казалось, он

хочет что-то сказать и не знает, с чего начать разговор. Наконец он решился, подошел к матери Мёнгиля:

— Простите меня, я знаю, мой вопрос причинит вам боль... Скажите, как звали вашего первенца?

— Что?!

Мать Мёнгиля растерянно поднялась со стула.

— Видите ли, тут материалы допроса О Тонхака...

— Его... его звали Окчхоль,— перебила начальника мать Мёнгиля. Из глаз ее хлынули слезы.

— Садитесь, пожалуйста. Расскажите о нем подробнее.

Он снова усадил ее на стул, сел рядом. Поминутно всхлипывая, вытирая рукавом слезы, она рассказала о том, каким здоровым ребенком рос вначале Окчхоль, как он вдруг заболел и О Тонхак устроил его в больницу, как через несколько дней малыш умер, как сожгли его труп...

— Так вы не видели трупа своего сына? — переспросил начальник.

— Врач сказал, что умерших от заразных болезней сжигают... Скажите...— мать Мёнгиля тревожно всматривалась в лицо начальника,— скажите, почему вы спрашиваете меня об Окчхоле?

Вместо ответа он задал новый вопрос:

— Вы, наверное, до сих пор помните лицо сына?

— Ему был годик, когда он умер. Но ведь я мать!

Она ждала, вся дрожа как натянутая струна. Ждала чего-то неизвестного ей самой, может быть чуда.

— А не было ли у вашего сына родимого пятна или особой черты в лице? — настойчиво расспрашивал начальник.

Он смотрел ей в глаза, словно стараясь помочь вспомнить. И она вспомнила.

— Есть!.. Есть!..— крикнула она вдруг.— Когда он болел... умирал... батраки сказали: надо сделать прижигание. Отец делал... На груди у него остался след.

Мать Мёнгиля смотрела куда-то вдаль, мимо сына, мимо

начальника. Казалось, она видит своего несчастного малыша, того, которого так жестоко отняла у нее судьба.

— След, говорите, остался? — с удовлетворением переспросил начальник.

Он встал. Лицо его было спокойно, уверенно. Мать Мёнгиля поднялась вслед за ним.

— Обождите немного.

Начальник вышел из кабинета. Он скоро вернулся. Рядом с ним шел Чхонён.

— Чхонён! — вскочил со стула обрадованный Мёнгиль и тут же осекся.

Его друг стоял молча, низко опустив голову. Лицо Чхонёна было усталым и бледным. За несколько дней с ним произошла разительная перемена: слишком глубокой оказалась нанесенная ему рана. Мать Мёнгиля не отрывала от юноши взгляда.

— Да ты не смущайся, Чхонён!

Начальник подвел Чхонёна к Мёнгилю.

— Посмотрите на него,— обратился он к матери Мёнгиля.— Посмотрите внимательно. Вам не кажется, что Мёнгиль с Чхонёном очень похожи? — И он улыбнулся.

Мать Мёнгиля молчала. Волнение сдавило ей горло.

— О Тонхак на следствии показал, что Чхонён — не сын Хван Побэ. Это их приемный сын.

Чхонён поднял голову, взглянул на мать Мёнгиля, а начальник продолжал спокойно:

— Есть в жизни такой закон: коли жив человек, с ним непременно встретишься... Взгляните еще раз на Чхонёна. Это ваш Окчхоль, сын, которого в душе своей вы много лет назад похоронили.

И начальник обнял Чхонёна за плечи.

— Что?! — Лицо матери стало белее бумаги.

— О Тонхак мечтал о сыне. Он договорился с врачом и забрал Окчхоля, а вам сказали, что малыш умер. Вот так все это случилось... Теперь ваш сын вернулся к вам, и не только

к вам. Он вернулся к своему классу, снова стал крестьянским сыном.

Начальник подвел Чхонёна к окну: там было светлее. Расстегнул ворот его рубахи.

— Мой сын!.. Окчхоль! — раздался сдавленный стон матери.

По ясному, прозрачному, как стекло, небу плыло белое облако. Вот оно медленно ушло на запад.

В чистом небе сияло солнце.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Е. Катасонова. Страна утренней свежести 3
Глава первая. Странная тень 5
Глава вторая. Кое-что проясняется 43
Глава третья. Еще одно происшествие 59
Глава четвертая. Кто он? 70
Глава пятая. Дружба 81
Глава шестая. Путешествие 101
Глава седьмая. Не забывайте об этом! 109
Глава восьмая. Враги еще среди нас 128
Глава девятая. Мой сын! 150

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Пак Ын Хо

ОЖИВШАЯ ТЕНЬ

Повесть

Ответственный редактор *С. К. Беркман.* Художественный редактор *И. Г. Найденова.* Технический редактор *Т. В. Перцева.* Корректоры *Л. М. Короткина* и *Э. Л. Лофенфельд.*

Сдано в набор 10/III 1971 г. Подписано к печати 12/VII 1971 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 9,33. (Уч.-изд. л. 7,38). Тираж 50 000 экз. ТП 1971 № 514. Цена 38 коп. на бум. № 1.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 2105.

Цена 38 коп.

Издательство „Детская литература"